

В. Искрин

ЗАГАДКА ВЕНЕРЫ КАМЕННОГО ВЕКА

Санкт-Петербург
2013

Искрин В.И.

Загадка веныры каменного века. — СПб. : Нестор-История, 2013. — 156 с., ил.

ISBN

Полтора столетия историки и археологи ищут ответ на вопрос: чем были для древнего человека миниатюрные женские фигурки? Изображениями прародительниц, символами плодородия, предметами поклонения, произведениями искусства? Исследование жизнедеятельности первобытного социума свидетельствует о другом. Вручая эротические фигурки мужчинам, женщины таким образом осуществляли сексуальный отказ. Автор прослеживает историю женского отказа от его возникновения у животного предка человека до современных, весьма отличных от исходных, форм и показывает, как в ходе истории от сексуально-отказной куклы отпочковывались куклы-обереги (позже превратившиеся в божества), куклы-игрушки и подвергаемые поруганию праздничные куклы земледельцев.

Книга будет полезна историкам, археологам, этнографам, всем тем, кто интересуется истоками человечества, его ранней историей и следами глубокой древности в настоящем.

УДК
ББК

ПРЕДИСЛОВИЕ

Более ста лет назад серия блестящих археологических открытий заставила людей по-новому взглянуть на своё прошлое. Находки в пещерах припиренейских областей Франции и Испании со всей убедительностью свидетельствовали, что человечество появилось задолго до «сотворения мира».

За несколько десятков тысячелетий до начала библейской истории палеолитические охотники, продвигаясь на север, вслед за отступающими льдами и неисчислимыми стадами северных оленей, мамонтов, бизонов и других животных, активно осваивали новые территории. Людской поток, расширяясь, разливался на огромных просторах евроазиатского континента. Разливался, повсеместно оставляя впечатляющие свидетельства неожиданно развитой материальной культуры (позднее, вслед за Францией и Испанией, аналогичные открытия были сделаны в Италии, Швейцарии, Австрии, Чехословакии, Германии, Польше, в центральных областях России, на Украине, в Молдавии, в Сибири и Северной Америке).

Понятно, что доистория (такое название на какое-то время закрепилось за первобытной археологией) не без борьбы занимала своё место под солнцем. Церковь и консерваторы от науки так же рьяно отрицали неоспоримые факты и логику доисториков, как и теорию Дарвина или труды основоположника четвертичной геологии Лайеля.

Но факты, как известно, упрямая вещь, и мало-помалу «сумасбродные взгляды» превращались в несомненную научную истину. В свете новых данных наши далёкие предки представлялись отнюдь не примитивными, грубыми и звероподобными существами. Их социальная организация и арсенал технических средств позволяли им иметь постоянное пропитание, а жилище и очаг обеспечивали надёжную защиту от хищников, холода и непогоды. Но главное, что характеризовало людей того времени и до сих пор продолжает удивлять и восхищать исследователей, — это дошедшие до нас в немалом количестве прекрасные образцы палеолитического творчества. Я имею в виду, во-первых, оставленные на потолках и стенах пещер экспрессивные, красочные и лаконичные изображения животных и, во-вторых, так называемые малые формы, среди которых особое место занимают миниатюрные женские фигурки.

Эти фигурки вам хорошо знакомы, читатель. Вы видели их на телевизионном экране, среди книжных иллюстраций, в Интернете, в музейной экспозиции. Предполагаю, что вы догадались, о каких фигурках

идёт речь. Да, это знаменитые палеолитические вены. Именно на них, на скульптурных изображениях палеолитических женщин мы прежде всего и сосредоточим своё внимание. Затем, взяв за исходный пункт исследования этот исторический феномен и получив, скажу, забегая вперёд, весьма неординарные результаты, мы расширим наше исследовательское поле. Выйдя за пределы истории и археологии, мы воспользуемся данными этнографии, исторической лингвистики, религиоведения. Опыт показывает, что работа на стыке научных дисциплин в большинстве случаев более продуктивна, чем исследование в более узких рамках. В хронологическом плане объектом нашего интереса станет историческая полоса протяжённостью в сотни тысяч лет, от времени животных предшественников человека до наших дней.

Что касается методологии, то какие бы проблемы, явления или феномены ни рассматривались нами, мы всегда будем стремиться делать это не в отрыве от исторической действительности, а в контексте истории, в историческом движении и, обязательно, — исходя из потребностей общественного бытия. Ведь в конечном счёте именно бытие общества определяет и формирует сознание, культуру, обычаи, нормы поведения.

Данное исследование не является первым опытом разработки темы венер. В 2007–2012 гг. в журнале «Санкт-Петербургский университет» мной был опубликован цикл статей, посвящённых происхождению венер, их назначению и тем следам венерианского феномена, которые свежи ещё и в наши дни¹.

Теперь настало время собрать все наработки под одной обложкой. Но не подумайте, что книга представляет собой повторение сказанного. Она дополнена новыми сюжетами, аргументами и обобщениями, некоторые из которых ещё нигде не публиковались и даже не использовались мною в лекционных курсах. Отдельные моменты, что неизбежно при введении в оборот новых материалов, подверглись определённой корректировке.

Книга, на мой взгляд, выигрывает и в отношении формы. Книжный вариант, по сравнению с журнальным, если можно так выразиться, более сплочён, более чётко выстроен в логическом плане, наконец, не содержит повторов, неизбежных при постатейном изложении материала.

Желаю вам интересного чтения, уважаемый читатель.

С удовлетворением приму ваши критические замечания.

В. Искрин
E-mail: iskrin@narod.ru

ГЛАВА I

ВЕНЕРЫ: В ПОИСКАХ СУТИ

Всякая вещь, появившаяся в мире людей, незамедлительно наделяется двумя атрибутами — названием и каким-то, случается, весьма далёким от истины, обозначением её сути. Не явились исключением из этого правила и палеолитические фигурки обнажённых женщин.

Что касается названия, слово «венера» пристало к первой же обнаруженной статуэтке. Маркиз де Вибре, нашедший эту фигурку в 1864 г. в Ложери-Бас (деп. Дордонь, Франция), противопоставляя свою находку эллинистической «Венере целомудренной», назвал открытую им костяную статуэтку «Венерой бесстыдной». (Фото 1)

До поры, до времени, пока находка была единственной, слово «венера» являлось названием этой, конкретной фигурки. Однако с начала XX века, когда в распоряжении исследователей оказался уже целый ряд подобных находок, венерами, и уже без нелестного эпитета, стали именовать все женские палеолитические статуэтки.

Название, отражающее быющую в глаза эротичность женского изображения, оказалось весьма удачным. Оно прижилось. Тем более, что именно таким — сексуально акцентированным — исследователям того времени представлялся доисторический идеал женской красоты. Не будем забывать, что начало XX века было временем взлёта фрейдизма.

Венерами, как вам хорошо известно, читатель, называют женские палеолитические статуэтки и сегодня. Думаю, мы не будем возражать против такого наименования. Оно нас вполне устраивает.

Наделение фигурок названием явилось сравнительно простым делом. Гораздо сложнее оказалось заглянуть в суть явления или, иначе говоря, понять, для чего два десятка тысячелетий назад наши далёкие предки изготавливали столь своеобразные изображения женщин. На этот счёт за полтора столетия сформировалось некоторое количество так или иначе отличающихся одна от другой точек зрения. Соединим их в несколько групп и окинем критическим взглядом. Но прежде отметим характерные черты самих статуэток. Причём сделаем это в форме вопросов. Тем более, что в дальнейшем на вопросы, касающиеся облика венер, нам обязательно придётся ответить. Ведь наверняка внешний вид венер связан с их назначением, а выяснение назначения статуэток является нашей ключевой задачей.

¹ См.: «Санкт-Петербургский университет», 2007, № 8; 2008, № 3; 2009, № 4; 2010, № 3; 2011, № 3; 2012, № 3.

Итак, абстрагируясь от эпизодически встречающихся частных, мы обозреваем весьма солидное множество обнаруженных за полтора столетия статуэток. У вас есть вопросы, читатель?

Меня, например, интересует, почему фигурки такие маленькие? Почему их размер не превышает величину ладони? Не кажется ли вам, что миниатюрные фигурки удобны для переноски?

Почему ручки палеолитических венер более похожи на тоненькие верёвочки, а ножки, лишённые ступней, напоминают какие-то обрубочки? Такие фигурки невозможно установить в вертикальном положении. Значит, они не предназначались для стояния?

Почему древние фигурки не имеют лица? Может быть, это было не важно? А, может быть, по каким-то причинам изобразить лицо было невозможно?

Наконец, почему изготовителями статуэток напояз выставлены женские атрибуты? Почему гипертрофированы грудь и ягодицы? Почему у некоторых фигурок подчёркнуто выразительно выглядят гениталии? (Фото 2)

Как видите, уважаемый читатель, у венер немало интересных особенностей. Имейте их в виду при рассмотрении версий, пытающихся объяснить назначение статуэток (в своём критическом обзоре я оставлю место и для ваших размышлений).

Между прочим, с одной из версий мы уже успели познакомиться. Как я заметил, многие исследователи начала XX века видели в палеолитических венерах воплощение эстетического идеала далёкого прошлого, своего рода эталон красоты эпохи палеолита. В самом деле, почему бы нашим доисторическим предкам, отягощённым ещё значительным грузом животного мировосприятия, не видеть прекрасного в подчёркнуто эротичной натуре? Такая точка зрения выглядит достаточно правдоподобно.

Но мы должны отвергнуть её. Почему? Назову две причины.

Первая состоит в том, что просто любования, просто получения эстетического удовлетворения не могло быть и не было в то далёкое от нас время. В глубокой первобытности духовное и практическое не существовали порознь. Они были теснейшим образом переплетены, более того, спаяны друг с другом. Эстетическое чувство, искусство, идеальное восприятие мира, теоретическая оценка бытия отделяются от потребительского, практического, грубоматериалистического только с переходом к классовому обществу или, что более привычно для уха археолога, с переходом к эпохе цивилизации.

Палеолитические статуэтки в силу своего «месторасположения» в истории не могли быть предметами эстетического удовлетворения, не могли являться призванными вызывать эстетические чувства

произведениями искусства. Использование венер должно было быть вписано в круг непосредственных потребностей бытия. В первобытном — коммунистическом — обществе женские статуэтки должны были служить реализации какой-то общественной функции. В силу природы коллективистского строя они ни в коем случае не могли быть привязаны владением к отдельному человеку, они должны были являться общественным достоянием и, обязательно, использоваться в коллективном действии. Наконец, венеры должны были представлять собой объект вполне определённого практического применения. Какого? Такой вопрос не мог быть поставлен приверженцами рассматриваемой точки зрения. Для его постановки необходимо было выйти за пределы обыденного, внеисторического взгляда на прошлое, необходимо было понять, что историю, тем более, её период, по своей сути противоположный нынешнему, нельзя мерить своим — современным — метром. К сожалению, подход к истории, при котором эстетика, искусство ли какие-либо иные современные духовные и идейные феномены автоматически переносятся в прошлое, исключительно живуч и едва ли не является господствующим.

К этой же группе следует отнести и взгляды наших современников, усматривающих — спустя столетие — в откровенных палеолитических венерах всё тот же доисторический «Плейбой». Здесь также имеет место перенос вполне естественного сегодня бездеятельного эротического восприятия в далёкое прошлое. Повторяю, венеры не могли не быть вписаны в какую-то практическую деятельность людей, в какой-то сложившийся на объективной почве обряд.

Неплохой иллюстрацией подхода, ставящего во главу угла эстетику эротики, является неоднократно демонстрировавшийся по телевидению фильм ВВС «Секс до нашей эры». Возможно, вы помните эти кадры, читатель.

...На экране в отблесках костра возникает профиль патлатого пещерного мастера, только что изготовившего очередную эротическую игрушку. Он бережно держит её в руках. Первобытный эстет с восторгом и вожделием смотрит на своё изделие...

Ничего не скажешь, сочно и довольно натуралистично. Только вот беда, историческая правда в этом эпизоде дважды вывернута наизнанку. Наряду с первобытной эстетикой мы не можем принять и личность, вернее, пол мастера. Это вторая причина, по которой мы должны отвергнуть взгляд, согласно которому женские статуэтки воплощали в себе эстетический, с эротическим наполнением, идеал первобытности.

Дело в том, что первобытные мужчины (а именно они всем авторам, пишущим о венерах, видятся в качестве изготовителей статуэток) в принципе не могли быть производителями эротической продукции,

как, впрочем, и её потребителями. В первобытную эпоху эротика и секс были вынесены за пределы рода, который в то время повсеместно являлся единственной формой человеческого общежития (в дальнейшем мы вплотную займёмся этой стороной жизнедеятельности первобытного социума и объясним, почему сексуальная деятельность была исключена из взаимодействия сородичей). Следовательно, эротические фигурки могли производиться только женщинами. Но для кого? Не для собственного же употребления. Ведь не женским, а мужским глазам свойственно «потреблять» женскую наготу. Для кого же тогда предназначались эротические статуэтки? Ответ на этот вопрос может быть только один: статуэтки предназначались для мужчин других родовых организаций.

Не слишком ли смелым является такое предположение? Нет, оно представляется вполне уместным и логичным: первобытный род был экзогамен (*экзогамия* означает *внешний брак*), мужчины и женщины рода вступали в сексуальные отношения, соответственно, с женщинами и мужчинами другой родовой организации... Но не будем забегать вперёд. Повременим пока с формированием собственной гипотезы и вернёмся к теме главы.

Думаю, что первая группа версий, пытающихся объяснить назначение женских палеолитических статуэток, вряд ли может нас удовлетворить. Однако заявляя так, я не могу не согласиться с идеей сексуально-эротического назначения фигурок. Отрицать эротизм палеолитических изделий было бы крайне неразумно — достаточно посмотреть на выразительные формы женских статуэток. Я отвергаю лишь примитивный и антиисторичный взгляд на древнюю эотику, а не идею эотики (и секса) как таковую. Зарезервируем её для дальнейшего рассмотрения. А сейчас продолжим обзор точек зрения по интересующей нас проблеме.

Ко второй группе я отнесу версии, согласно которым женские статуэтки являлись отражением действительности и представляли собой портретные изображения реальных женщин. Спору нет, источником любого более или менее правдоподобного изображения может быть только реальный мир, реальные вещи и люди. Но для чего изготавливались женские портретные изображения? Может быть, для чувственного созерцания? Нет, время портретирования и известного нам отношения к портрету ещё не подошло. Так же, как любование и эстетическое удовлетворение, трепетное и непрактичное отношение к изображению возникает только при переходе к эпохе цивилизации. Отрыв идеального от практического требует достаточно высокого уровня развития. Как и при рассмотрении первой группы версий, здесь мы обнаруживаем ту же болезнь — оценку по сути дела противоположного нашему мира посредством современных парадигм.

Женские фигурки не могли быть портретами и по другой причине. Где вы видели, уважаемый читатель, портреты без лица? Но зато с ярко выраженными половыми атрибутами. «Портретные» версии своей наивной простотой невольно подталкивают нас к мысли об эротическом назначении «портретов» и использовании их мужчинами.

Наконец, «портретные» версии не отвечают на вопрос: почему не тиражировались мужские изображения? Почему охотники, от которых зависело существование рода, не удостоились чести быть увековеченными в камне или слоновой кости? Может быть, потому, что в то время мужчины были отодвинуты на второй план? Согласно расхожей точке зрения на матриархат, тогдашнему обществу было присуще такое половое социальное неравенство. Но так ли это? Свой взгляд на матриархат я выскажу чуть позже.

Переходим к третьей группе версий. В эту группу я предлагаю объединить, казалось бы, разнородные, но при более пристальном рассмотрении оказывающиеся родственными взгляды. Кстати, версии этой группы являются наиболее распространёнными и, можно даже сказать, узаконенными.

Что же это за версии? Это версии, согласно которым палеолитические венеры являются изображениями родоначальниц, покровительниц рода, хранительниц домашнего очага, воплощением культа плодородия, символом единства и родственных связей, олицетворением благосостояния, скульптурками жриц, вместилищем коллективных духов и даже изваяниями матери-богини. Такими качествами (зачастую несколькими сразу) наделяют венер и маститые авторы (от А. Бегуэна до А. П. Окладникова, П. П. Ефименко, З. А. Абрамовой, А. Д. Столяра, Р. Ф. Итса и многих других), и — вслед за ними — молодые исследователи, и студенты-историки¹. В таком же ключе воспринимаются женские палеолитические статуэтки и непрофессионалами — читателями книг и статей, где так или иначе затрагивается интересующая нас тема.

Может быть, наше предположение об использовании статуэток мужчинами ошибочно, и нам следует присоединиться к авторитетному большинству? Нет, не будем поступать так опрометчиво. Сначала подумаем, поищем изъяны в аргументации представителей третьей

¹ См., например: Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. — Киев, 1953; Абрамова З. А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. — М.-Л., 1966; *её же*: Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. — СПб., 2005; Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. — М., 1985 (А. Д. Столяр видит в венерах даже некую абстрактно-обобщённую идею, результат «осмысления явлений общественного бытия» и считает, что женские статуэтки «были обращены к общественной мысли значительно больше, чем к чувствам индивидуума»).

группы версий. Научные проблемы решаются не благодаря весу большинства и высоте слога, а исключительно благодаря силе аргументов и фактов.

Но прежде, чем взяться за аргументы, мы, наверное, должны найти то, что объединяет родоначальниц, покровительниц рода, хранительниц очага и всех прочих фигуранток приведённого выше списка. «Вычислить» такой общий знаменатель не составляет труда. Им является особая роль женщины в первобытном социуме и её (женщины) почитание.

А теперь — к аргументам. Приверженцам третьей группы версий в качестве таковых как раз и видятся эта особая роль и почитание женщины. Из чего они выводятся? Конечно же, из матриархата, который понимается как строй, при котором женщина, являясь центральной фигурой, возвышалась над обществом, пользовалась особым уважением и даже осуществляла власть. Однако такой матриархат, мягко говоря, мало похож на тот строй, который существовал на протяжении первобытного этапа человеческой истории. Возвышение над обществом или какими-то его членами, восхваление отдельных людей, религиозное почитание, выработка абстрактно-обобщённых идей, оторванное от практики осмысление явлений общественного бытия, наконец, власть появляются, поначалу ещё в неразвитом, зачаточном виде, только на подступах к классовому, политическому обществу. Всё это — порождение разделения труда и размежевания общества на различные социальные группировки.

В монолите же, которым и в экономическом и в социальном плане является первобытный социум, нет и не может быть особой роли кого бы то ни было, будь то мужчина или женщина, нет почитания и всей другой атрибутики классового устройства. Если кто правит и почитается в первобытном обществе, так это всего лишь обычай и традиция, но ни в коем случае не человек. Как мужчины, так и женщины выполняют там свои функции, ни в малейшей степени не деформируя и не ущемляя функций представителей противоположного пола. В первобытном социуме человек может выделиться из среды сородичей лишь в качестве проводника какой-то функции, например, в роли загонщика на охоте, разведчика источников продовольствия и материалов или в роли координатора действий в незнакомой обстановке. Но такое выделение делает его не более как агентом, если угодно, слугой обычая, не превращая при этом других людей в его слуг и почитателей. «Выделенным» по различным направлениям деятельности может быть один и тот же человек. Причём в подавляющем числе случаев в силу специфики, обусловленной полом, это должен быть мужчина¹.

¹ См.: Искрин В. Диалектика полов. — СПб., 2005.

Пусть он будет именоваться вождём. Но это не вождь краснокожих периода военной демократии из романов Фенимора Купера, это вождь первобытного коммунистического сообщества. Первобытный вождь и вождь предклассового и раннеклассового общества представляют собой весьма отличающиеся фигуры и отличные одно от другого общественные явления. Об этом свидетельствуют кое-где ещё сохранившиеся рудименты первобытного общественного устройства.

Таким образом, апеллировать к матриархату, в который переносятся черты политического устройства, значит пользоваться недоброкачественными аргументами. Делается ли это по неведению или с умыслом, мы не будем разбираться, читатель.

Что же такое матриархат в действительности? И существовал ли он вообще? Попытаемся вкратце ответить на эти вопросы (в дальнейшем картина функционирования неполитического социума будет дополнена).

Брак первобытного общества был групповым. Причём в сексуальные отношения вступали группы мужчин и женщин, принадлежащие разным родовым организациям. Их встречи были нечастыми и кратковременными. О каком бы то ни было знакомстве, ухаживании и прочих новациях периода цивилизации в таких условиях не могло быть и речи. Результатом таких встреч, естественно, были дети. Но люди глубокой древности ещё не знали, что рождение детей связано с известной ролью мужчины (впрочем, и сейчас такой пробел в знаниях этнографы наблюдают у некоторых отставших в развитии народов). Понятно, что рождение детей женщинами не было тайной. Рождённые женщинами дети оставались в роду матерей.

Как в таких условиях можно было соотносить поколения? По какой линии можно было вести счёт родства? Не надо объяснять, что только по материнской, по женской. Вот в этом-то и состоит суть матриархата (в буквальном переводе *матриархат* означает *власть женщин*, что совершенно неверно и антинаучно). Матриархат, таким образом, правильно было бы назвать не формой общественного устройства, а, если можно так выразиться, техническим инструментом счёта родства и прочерчивания линии истории рода. Из такого порядка, из способа учёта поколений никак не вытекает особая роль и почитание женщины.

Против идеи возвеличивания и почитания первобытной женщины у меня припасён ещё один аргумент. Оказывается, женские фигурки не только бережно сохранялись, но, и это, правда, касается части обнаруженных статуэток, намеренно разбивались. К такому выводу приходят весьма авторитетные археологи. З. А. Абрамова, предполагая в раскалывании статуэток составную часть каких-то обрядов, отмечает, что при настоящем уровне знаний мы не можем ещё сказать, почему

это происходило. Может быть, нам, уважаемый читатель, удастся разгадать эту загадку. Возьмём этот факт на заметку. Однако не будем отвлекаться от темы. (Фото 3)

Совместимы ли почитание и разбивание почитаемого? Думаю, нет. Но если разбивание — факт, а почитание — плод оторванного от исторической действительности воображения, что мы должны отбросить, чтобы выйти из этой коллизии? Факт или иллюзию? Разумеется, последнее.

«Теория» почитания и особой роли женщины несколько не приближает нас к выяснению истины. Правда не всегда оказывается на стороне большинства. Взгляды представителей третьей группы, как и первых двух, также грешат переносом современных реалий в глубины истории, во времена господства порядка, в корне противоположного нынешнему. Как видим, болезнь, с которой мы столкнулись, носит характер эпидемии.

В заключение упомяну ещё об одной группе взглядов. Представители четвёртой группы полагают, что натуралистические фигурки использовались в древности для обучения девочек, для посвящения подрастающего поколения в женские таинства. Убедительно? Мне представляется, не очень. Ибо сразу же возникает вопрос: а не является ли лучшей натурой настоящая, живая женщина? И ещё: почему для обучения будущих женщин, как, впрочем, и будущих мужчин, не изготавливались мужские фигурки? Кстати, мальчики в качестве обучаемых представителями этой группы вообще не упоминаются. Но это — приделки, лежащие на поверхности.

Куда важнее спросить: а существовало ли в ту далёкую эпоху обучение как особый вид деятельности? Должен разочаровать докторов древней педагогики. В обществе, не знающем общественного разделения труда, обучение, как, впрочем, и воспитание, было вплетено в функционирование социального организма, было буквально влито в процесс производства вещей и людей и составляло с ним единое целое. В ту далёкую пору школой и учителем была сама жизнь, а наглядными пособиями — люди, их взаимодействие, общественный труд и результаты такого труда. Человеческая деятельность разветвляется только в эпоху перехода к классовому обществу. И только в таком — разделённом, классовом — обществе появляется обучение как особая отрасль деятельности, с целым арсеналом специальных средств, в том числе и с наглядными пособиями. Так что и к специальному обучению девочек (и мальчиков), за его отсутствием, венеры не имеют никакого отношения. (Фото 4)

Таковы бытовавшие в прошлом и имеющие хождение сейчас воззрения на предназначение палеолитических венер.

Вы, наверное, утомлены разбором этих бесплодных версий, уважаемый читатель. Что делать, мы должны были испить чашу до дна.

Начиная работу, надо представлять состояние взятого для исследования вопроса. Нами охвачены практически все взгляды на предназначение палеолитических статуэток. И что же? Среди различных точек зрения мы не находим ни одной, которая могла бы служить подспорьем в нашей работе. Может быть, это даже и к лучшему. Мы приступаем к позитивной работе, не будучи связанными какими бы то ни было установками, стереотипами, так называемыми авторитетными мнениями и необходимостью каждый свой шаг сверять с венероведческой литературой.

Но это не единственная выгода, которую мы можем извлечь из критической части нашей работы. Благодаря промахам наших предшественников, мы теперь отчётливо видим, что не надо делать и как следует действовать, чтобы не промахнуться.

Свои методологические установки я изложу в виде итогов главы.

1. Рассмотрев практически полный набор взглядов на предназначение палеолитических венер, мы, при всём различии бытующих трактовок, нашли то общее, что их связывает и в то же время делает совершенно несостоятельными. Это — неумение исторически подойти к прошлому, непонимание диалектики общественного развития, невольное стремление перенести современные реалии (этика, искусство, возвышение личности над обществом, поклонение, религия и т. д.) в совершенно иной, по сравнению с нашим, мир первобытного человека.

Мы ни в коем случае не должны подходить к истории с мерками сегодняшнего дня.

2. В обществоведении разноречивых мнений в оценке одного события или феномена не является большой редкостью. Этой печальной участи не избежал и вопрос о месте венер в первобытном социуме. Откуда берутся разночтения? Если рассматриваемая проблема не затрагивает чьих-либо интересов, источников разночтений, как правило, три — ограниченные или ущербные представления об общественно-экономическом укладе исследуемого общества, неумение или нежелание изучать выбранное для анализа явление в контексте этого уклада и пресловутый «здравый смысл», на проверку оказывающийся элементарным субъективизмом. Все беды с выяснением назначения венер связаны с этой троицей.

Чтобы решить стоящую перед нами задачу, мы должны иметь адекватное представление об общественных отношениях и образе жизни первобытного социума, в своём анализе исходить из этих отношений, вести объективное расследование, твёрдо придерживаясь материалистической линии.

И, надо сказать, в данной главе мы уже кое-что сделали в этом направлении. Мы обратили внимание на слитность духовного

и практического в мировосприятии первобытного человека, констатировали групповой брак и экзогамию рода, затронули вопрос о человеке эгалитарного первобытного общества, определили матриархат как инструмент учёта родства.

В дальнейшем сделанные нами заготовки будут развиты.

Наконец, мы приступили к разработке выбранной для исследования темы. Исходя из существа первобытного строя, мы обозначили ряд функциональных характеристик женских палеолитических статуэток. Это, во-первых, их включённость в практику бытия и необходимость участия в каком-либо обряде, во-вторых, нацеленность статуэток на решение определённых общественных задач, их принадлежность к общественному достоянию и причастность к какому-то коллективному действию и, в-третьих, обязательность изготовления фигурок женщинами одного рода для использования мужчинами другой родовой организации.

3. Если объект исследования не является случайным и единичным и выделяется броскими особенностями, значит истории это было для чего-то нужно, и нужно, скорее всего, по прямому назначению. Поскольку вены сексуально выразительны, мы должны зацепиться за эту подсказку и прежде всего обратить внимание на порядок взаимодействия полов в первобытном социуме. Может быть, этот шаг выведет нас на дорогу, ведущую к решению поставленной нами задачи.

При этом сферу взаимоотношений полов мы должны рассматривать в теснейшей связи со всем комплексом общественных отношений.

4. В нашем критическом рассмотрении подходов к венерианской проблеме мы обошлись минимумом доводов. Представляется, что этого минимума было вполне достаточно для признания несерьёзными имеющих хождение решений. Все приведённые доводы были логического свойства. Лишь единожды, и то мимоходом, я сослался на данные этнографии.

История — это не нечто бесследно растворившееся во времени. Прошлое уходит и остаётся, остаётся в виде обычаев, традиций, пережитков. Прошлое живёт в быте, нравах и представлениях народов.

Мы не можем не воспользоваться богатейшим источником этнографических знаний (как и знаний других наук). И не только в целях более добротного исследования феноменов далёкого прошлого. Как знать, может быть, след от венер протянулся сквозь тысячелетия и в наши дни.

ГЛАВА II

ПОЛЫ В ПЕРВОБЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ

Чтобы жить, человек должен есть, иметь кров, одежду и тепло. Не случайно потребности в пище, жилище, одежде и топливе называют первыми, главными или жизненно необходимыми. Все они удовлетворяются посредством труда. Это — социальные потребности. Но когда они удовлетворены, когда жизнь в материальном плане обеспечена, из глубины древнейшей, дочеловеческой истории выступает ещё одна, биологическая по своей природе и происхождению, потребность. Её источником является инстинкт. Этот инстинкт очеловечен. Его проявления вписаны в жёсткие рамки социальных отношений. Но, как и сотни миллионов лет назад, овладевая человеком, он с животной настойчивостью заставляет его искать существо противоположного пола, заставляет соединиться с ним, насытиться близостью, удовлетвориться, чтобы по прошествии какого-то времени опять превратить человека в своего пленника и снова вести его той же дорогой. Этот инстинкт, позаимствовав название фильма Пола Верховена, часто называют основным.

Сексуальная потребность и половое взаимодействие очень много значат в жизни современного человека. Оглянитесь вокруг — и вы найдёте массу тому подтверждений. Что же тогда говорить о палеолитическом «основном инстинкте», который в силу большей концентрации биологического в человеке должен был быть в то время намного сильнее нынешнего. Поэтому и половая реализация для нашего первобытного предшественника должна была являться, наверное, делом первостепенной важности.

Так ли это? Да, без всякого сомнения. Многочисленные этнографические данные безоговорочно свидетельствуют, что вопросы пола и полового взаимодействия занимали видное место в жизни первобытного сообщества. С ними могла конкурировать разве что только экономика.

Чем же характеризовалось взаимодействие полов в глубокой древности? Обращу ваше внимание, уважаемый читатель, на главные черты первобытного брачевания.

Во-первых, половое взаимодействие наших предков протекало в строгой обрядовой форме. След древних брачных обрядов до сих пор сохранился в традиционной народной свадьбе и сватовстве. Древний брачный обряд, в свою очередь, в силу специфики первобытного мировосприятия, не мог разворачиваться вне имеющих тогда сугубо

прикладной характер действий и без использования каких-либо связанных с реальными нуждами предметов. Все позывы души и сознания — намерения, предложения, отказы и пр. — были в то время слиты с действием, вплетены в практику, были овеществлены. И сейчас, в динамичном и предметном компоненте современных народных обрядов внимательный наблюдатель заметит действия и вещи, некогда совершавшиеся и использовавшиеся без малейшего налёта символики, если можно так выразиться, по прямому назначению. Все народные обряды выросли из практики бытия, из жизни. Самый древний брачный обряд в сущности и был самой жизнью.

Во-вторых, в условиях первобытного коллективистского общества и брак должен был быть коллективным, групповым. Именно таким он в действительности и являлся. В брачные отношения вступали группы мужчин и женщин, относящиеся к разным родовым организациям.

В-третьих, первобытный брак, как я заметил в предыдущей главе, был внешним, экзогамным. Женщины и мужчины рода вступали в сексуальные связи соответственно с мужчинами и женщинами другой родовой организации. Что касается иных контактов между первобытными родами, они носили эпизодический и негативный характер. Сородичи, противопоставляя себя окружению нелюдей, именовали себя чистыми, светлыми, истинными, настоящими, одним словом, людьми (между прочим, слово *люди* того же корня, что и, например, слова *лёд* или *лад*, а это ведь чистые, светлые субстанции). Все древние самоназвания народов (их сохранили даже некоторые довольно развитые этносы) означают одно: люди.

А теперь, уважаемый читатель, вернёмся к венерам. Вы ведь догадываетесь, что я не без причины привлёк ваше внимание к основным чертам древнего брачевания. Попытаемся «состыковать» выведенные нами функции палеолитических статуэток с главными моментами первобытного взаимодействия полов. Выполнив эту работу, мы будем решать, что нам делать дальше.

Как мы уже выяснили, женские фигурки должны были быть вписаны в практику, должны были как предмет участвовать в каком-то обряде. Подходит ли для их использования брачный обряд? Думаю, да. Для фигурок, перенасыщенных эротикой, в жизнедеятельности первобытного социума вряд ли можно найти более подходящее место.

Далее, в условиях первобытного коммунизма обрядовые женские статуэтки определённо были предназначены для решения общественных задач и участия в коллективных действиях. Групповое брачное действо, будучи и по форме и по содержанию коллективным, общественным явлением, вполне могло включать в свой сценарий манипуляции с женскими фигурками в этом их — коллективном и общественном — качестве.

Наконец, мы знаем, что фигурки могли изготавливаться только женщинами, и только для передачи мужчинам, принадлежащим другому роду. И здесь мы находим точку соприкосновения венер и брачного взаимодействия, которое осуществлялось в то время исключительно в рамках дуально-родовой организации. Брачная сходка мужчин и женщин, представлявших различные родовые организмы, была единственным местом, где передача фигурок была возможна. Для чего? Может быть, с использованием статуэток связан их эротизм? Разумеется, пока это всего лишь предположение.

Что ж, вывод даже из беглого сопоставления функций венер и основных моментов древнего взаимодействия полов вполне очевиден. Разгадку венерианского феномена следует искать в организации половой сферы первобытного общества. Кое-что мы уже сделали по этой части. Но ранее мы лишь предполагали направление поиска. Теперь, когда наши предположения подкреплены некоторым набором аргументов, мы должны глубже вникнуть в «механику» функционирования половой сферы и затем — на этой основе — попытаться выяснить место и роль женских палеолитических статуэток.

Разумеется, мы будем рассматривать половую сферу прежде всего в плане решения нашей основной задачи. При этом мы ни в коем случае не должны забывать и о других сторонах жизнедеятельности первобытного сообщества. Каждый свой шаг, и это, надеюсь, будет читаться между строк, мы с вами, уважаемый читатель, должны будем проверять по самому широкому кругу тогдашних социальных ориентиров. Научная теория или научный взгляд лишь тогда могут претендовать на достоверность, когда они не вступают в противоречие ни с одним компонентом действительности, ни с одним проверенным практикой логическим построением.

Нам есть, на что опереться. Реконструкция столь отдалённой от нас общественной формы и её половой и брачной сферы в главном уже давно проведена и, без всякой натяжки, составляет золотой фонд мировой науки. До определённого пункта, до выяснения назначения венер, мы пойдём по следам наших великих предшественников. Я имею в виду в первую очередь автора «Древнего общества» Л. Моргана и автора «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. Отсылаю вас также, читатель, к блестящей работе нашего соотечественника Ю. И. Семёнова «Происхождение брака и семьи».

Как уже говорилось, основной и единственной формой устройства первобытного общества был род. Род представлял собой довольно компактное образование. Исследования стоянок древнего человека позволяют определить численность родовой общины. Она составляла всего несколько десятков человек.

Род силами своих членов удовлетворял все основные жизненные потребности. Сородичи изготавливали орудия труда и необходимую в хозяйстве утварь, охотились, собирали пропитание и готовили пищу, делали запасы, строили жилища, шили одежду.

В то время труд ещё не был социально дифференцирован. Но он был разделён по признаку пола (а пол, вообще-то говоря, биологическая категория). Мужчины в основном действовали на периферии освоенной родом территории. Они могли удаляться от стоянки на десятки, а иногда — и на сотни километров. В круг мужских обязанностей входили прежде всего промыслы, главными из которых были охота и заготовка сырья для производства орудий и различных изделий.

Зоной приложения активности женщин была территория стоянки и её ближайшие окрестности. Женщины занимались собирательством, делали заготовки, поддерживали огонь. Важнейшей обязанностью женщин был присмотр за детьми.

Таким образом, взяв в качестве критерия труд, мужчин мы можем назвать периферийными и мобильными существами, а женщин — очаговыми и относительно статичными.

Однако для того, чтобы существовать, мало производить только вещи. Другой необходимой составляющей производственной сферы является производство людей или, иначе говоря, деторождение. Как мы уже знаем, эта сторона производственной деятельности в древности была организована весьма своеобразно. Взаимодействие полов было вынесено за пределы рода. Мужчины и женщины вступали в половую связь соответственно с женщинами и мужчинами другой родовой организации. Брак на первобытном отрезке человеческой истории был, таким образом, внешним, род являлся экзогамным сообществом. Каждый род имел на постоянной основе в качестве брачного контрагента другой родовой организм. Такой порядок взаимодействия получил название дуально-родовой организации.

Экзогамия и дуально-родовой механизм стали складываться ещё до появления человека. Почему была призвана к жизни столь оригинальная форма воспроизводства? Чтобы убедительно ответить на этот вопрос, мы должны разбить его на две части. Дело в том, что всё рождающееся в нашем мире, будь то вещь или явление, появляется и существует постольку, поскольку рождение и бытие данной формы возможно и поскольку оно необходимо. Возникновение экзогамии и дуально-родовой организации не является исключением из этой нормы функционирования и развития нашего мира. Поэтому нам следует заняться как возможностью, так и необходимостью возникновения экзогамии и дуально-родовой связки. Начнём с возможности. Поищем её в организации труда наших животных предков.

Должен сказать, что предлюди разительно выделялись из мира животных. И выделялись прежде всего своей способностью трудиться. Разумеется, и производство орудий труда и использование этих орудий тогда целиком были основаны на инстинкте. Труд наших животных предков был определённым образом упорядочен. За сотни тысяч, а, возможно, и за миллионы лет до появления человека разумного, т.е. до начала человеческой истории, инстинктивный, животный труд уже стал разделяться между полами. Самцы, промысля добычу, могли удаляться на весьма значительные расстояния от стоянки, самки, напротив, занимаясь в основном собирательством, старались не покидать ближайших окрестностей места расположения стада. В дальнейшем из этого животного территориально-производственного разделения функций выросло разделение человеческого труда между мужчинами и женщинами.

Промысля вдали от стоянки, самцы занимались не только охотой и разного рода заготовками. Объектом промысла, но не охотничьего, а сексуального, нередко становились и принадлежащие другим животным сообществам самки. Надо полагать, и самки, в свою очередь, также были готовы идти на контакт с чужими самцами. Мы можем предположить, что такая — формирующаяся, промысловая — экзогамия практически изначально представляла собой не единичное или редкое, а достаточно широко распространённое явление. Её предпосылкой был периферийный, экспедиционный характер трудовой деятельности самцов.

Экзогамия не могла автоматически дать дуально-стадную организацию. На животном отрезке истории экзогамия, не отменяющая внутривидного полового взаимодействия, была ориентирована просто вовне, а отнюдь не на конкретного контрагента, не на самок определённого иного стада. Понятно, что такой внешний брак был чреват стычками самцов из-за самок. Представьте себе, уважаемый читатель, что к месту расположения какого-то стада одновременно, и с известной целью, подошли две-три группы самцов. Полагаю, не надо говорить о последствиях такого, неудавшегося сексуального промысла. Правда, замечу, забегая вперёд, что в распоряжении самок имелось средство, с помощью которого можно было приглушить или даже погасить мужскую (самцовую) конфликтность.

Лишь постепенно неупорядоченная экзогамия становилась экзогамией ориентированной, направленной на конкретного и постоянного брачного контрагента. Думаю, о переходе к ориентированной экзогамии, другой стороной которой является дуально-родовая организация, можно говорить как о переходе к человеческой истории.

С переходом к человеческой истории экзогамия была упорядочена и во времени. На смену эпизодическим сексуальным контактам пришли

обусловленные трудовым ритмом приуроченные к определённому времени брачные сессии. От прежнего и очень давнего внутристадного соединения полов в бытии рода оставалось всё меньше и меньше рудиментов. Правда, эти рудименты оказались исключительно живучими. До сих пор в народных праздниках нетрудно заметить послабление нравов и всякого рода вольности во взаимоотношениях полов. Праздники ведь представляют собой отзвук древнего и древнейшего, человеческого и дочеловеческого соединения мужчин и женщин, самцов и самок¹.

Черты экзогамии и дуально-родовой организации и в наши дни без труда читаются в быте, языке и представлениях различных народов. Такая форма устройства первобытного общества является для пытливого исследователя неоспоримым фактом.

Что касается дочеловеческой истории, здесь до недавнего времени мы могли положиться лишь на логику ретроспективного анализа. Однако ситуация изменилась. Недавно в распоряжении исследователей оказались материалы, свидетельствующие о том, что наши животные родственники вступали в половые контакты не просто и не только с чужаками, а порой даже с представителями другого вида. Я говорю о контактах неандертальцев и кроманьонцев (*Homo sapiens*). Доказать, что они имели место, удалось в результате тонких генетических исследований. Оказалось, что у жителей Европы, Азии, Америки и Океании (австралийская раса пока не исследовалась) в геноме присутствуют неандертальские гены. Такие контакты происходили, когда группы *Homo sapiens*, мигрировав из Африки, стали заселять территорию Евразии. У коренных жителей Африки неандертальские гены не обнаружены².

Интересно было бы установить, как происходили эти межвидовые контакты. Такая реконструкция, разумеется, в гипотетическом плане, вполне возможна. Но я приберегу эту тему для другой работы. А сейчас вернёмся к самцам-экспедиционерам и их внешним половым связям.

Как видим, экзогамия и дуально-родовая организация не могли бы возникнуть и сложиться, если бы трудовая деятельность не была разделена между самцами и самками соответственно на экспедиционно-периферийную и очаговую. А не сложись экзогамный род и дуально-родовая организация, не было бы и человечества. Но о необходимости экзогамии и дуально-родовой связки я скажу чуть позже.

Итак, возможность появления экзогамии и формирования дуально-родовой организации заключалась в характере деятельности предмужчин. Но это — не единственная предпосылка. Чтобы вступать в половые связи с самками иных животных сообществ, мало заниматься

лишь экспедиционно-промысловой деятельностью. Необходимо ещё при этом находиться в состоянии постоянной физиологической готовности к сексуальному контакту. Такая готовность на определённой исторической стадии стала одной из отличительных черт наших животных предков.

Хорошо известно, что подавляющее большинство высокоразвитых животных вступает в половые контакты и размножается, подчиняясь природным циклам. Это необходимо для того, чтобы молодняк «встал на ноги» в наиболее благоприятное время года. Сексуальные сессии у таких животных скоротечны и случаются один-два раза в год. В остальное время животные не готовы к спариванию. Другое дело, наш далёкий животный предок. Объективно двигаясь по дороге, ведущей к социализации, и мало-помалу наращивая свои социальные потенции, он постепенно выходил и в конце концов вышел, в частности в деле размножения и поддержания сексуальной готовности, из-под безоговорочного влияния природных факторов. Природа более не диктовала ему ритм и время размножения. Его сексуальная готовность стала постоянной.

О каких потенциально социальных накоплениях идёт речь? Это — зачатки рассудочного мышления, производство орудий и простейших приспособлений, достаточно производительный коллективный труд, сооружение примитивных жилищ и укрытий от непогоды, умение делать запасы, способность поддерживать и использовать огонь. Обеспечив себя на постоянной основе пищей, жильём, теплом и защитой от представляющих опасность животных, человекоподобное существо в достаточной степени освободилось от зависимости от природных циклов. Готовность к спариванию вырвалась из узких хронологических рамок. Этот процесс сочетался с брачным освоением периферии.

Особое место в ряду социальных накоплений представлял огонь. Не удивляйтесь, уважаемый читатель, что овладеть химической реакцией горения может животное. Овладение огнём происходило совершенно бездумно, и огонь являлся сначала лишь побочным продуктом добывания пищи.

На животной стадии, поскольку труд уже был разделён между полами, нашими предками использовались и весьма отличные друг от друга приуроченные к полам орудия. Несколько упрощая, можно сказать, что основным женским каменным орудием был скребок, мужским — ручное рубило. С помощью рубила добывалось одно из излюбленных лакомств предчеловека — костный мозг. Вблизи некоторых стоянок археологи находят целые горы расколотых костей крупных животных. Самцы, разбивая рубилом положенные на каменное основание массивные округлые кости, наверняка не всегда наносили точные удары.

¹ См.: Семёнов Ю. И. Происхождение брака и семьи. — М., 1974, стр. 76.

² Ясиновская Е. Все мы немного неандертальцы. — URL: www.nkj.ru/news/18034

Бывало, рубило, скользнув по поверхности кости, срывалось, ударялось о твёрдое основание, высекало искру. От искры тлела и воспламенялась сухая подстилка (о наличии подстилки имеются свидетельства археологов и палеоботаников). Огонь то вспыхивал, то затухал. Он являлся спутником бессознательного кулинарного производства. Огонь — на животном уровне — ассоциировался с получением пищи. В результате предчеловеку не оставалось ничего другого, как в ходе психической эволюции преодолеть свойственный животным страх перед огнём. (Фото 5)

Привыкание к огню, по-видимому, продолжалось несколько десятков, если не сотен, тысячелетий. И только после этого, по-прежнему без искры разума, сверкающую искру стали высекать ради получения огня. На планете запылали костры. Древнейшие из них были зажжены в Африке около 1,5 млн лет назад. Костры, таким образом, старше человечества приблизительно в десять раз¹. (Фото 6)

Огонь, наряду с другими социальными заготовками, поставил предчеловека в относительно независимое положение от природы и её циклов. Эта независимость обусловила постоянную сексуальную готовность, и та, в свою очередь, вместе с периферийным промыслом самцов, сделала возможной экзогамию.

Предполагаю, что здесь вы спросите, читатель: а, собственно, в чём смысл экзогамии? Неужели он состоит только в удовлетворении половой потребности самцов? Разумеется, в какой-то мере, да. Но не это главное в экзогамии. Экзогамия была необходима (мы переходим к рассмотрению её необходимости) для осуществления прогресса, для втягивания в человеческое, социальное качество и закрепления в этом качестве.

Объяснить связь экзогамии и прогресса не составляет большого труда. Все мы видели или знаем из собственного опыта, какую власть над человеком имеет сексуальное чувство. Пленённый им человек теряет ориентацию в мире, перестаёт заботиться о собственной безопасности, забывает о занятиях и ценностях, которые совсем недавно казались ему первостепенными. Не случайно психиатры сексуальную озабоченность с такой симптоматикой квалифицируют как любовную манию. Вы представили человека в таком состоянии? А теперь полностью отнимите у него способную в определённой степени сдерживать сексуальное чувство волю. Вы получите лишённое разума животное, без тормозов, одержимое половым инстинктом, не видящее ничего, кроме предмета переполняющего его желания. Да, именно животные

ведут себя так в период полового влечения. Правда, этот период краток. Происходит спаривание, половая тяга угасает и жизнь возвращается в обычную, нормальную колею. Нетрудно представить, что случилось бы с особью и видом, если бы состояние сексуальной одержимости продолжалось неограниченно долго.

Вы представляете, уважаемый читатель, какая угроза нависла над нашим животным предком с его постоянной половой готовностью. Создав социальные накопления, он получил постоянную готовность, а получив эту готовность, наверняка мог бы одним махом уничтожить всё накопленное, если бы не нашёл выход из созданного им же противоречия, противоречия между выпущенной на свободу биологической, животной природой и будущим человеческим существованием. Думаю, не надо объяснять, что обуревающая существо перманентная сексуальная мания напрочь отбросила бы труд, коллективизм, зачатки мышления, сохранение припасов и всё прочее, что по крупницам собиралось в течение тысячелетий и что в потенции составляло социальное будущее.

И выход, единственно возможный, был найден. В борьбе противоположных тенденций секс, благо в лице экзогамной деятельности самцов имела такая возможность, был вынесен за пределы сообщества. Возможность и необходимость соединились в одном из ключевых пунктов на пути осуществления прогресса. Историческая необходимость нашла и использовала возможность, возможность обеспечила реализацию необходимости. Социализации была открыта зелёная улица.

Становление экзогамии и дуально-родовой организации гладко и просто выглядит лишь на бумаге. В действительности это был растянувшийся на сотни тысячелетий противоречивый и сложный процесс. Какие-то группы предлюдей были в большей степени охвачены этим процессом, какие-то — в меньшей. Где-то процесс приостанавливался или шёл вспять, и тогда группы, не укладывающиеся в русло исторического движения, стремительно скатываясь по лестнице прогресса, безвестно исчезали в небытии.

Описание действительности всегда отличается от подлинника. Подчиняясь законам изложения материала, я вынужден, хотя стремлюсь избежать этого, поочерёдно и относительно изолированно один от другого описывать различные аспекты становления экзогамии и дуально-родовой организации. На самом деле и формирование животного разделения труда, и возникновение полового промысла самцов, и накопление социальных потенций, и приобретение постоянной сексуальной готовности, как и развитие всех других моментов тогдашнего бытия, и по сути и во времени представляли собой единое целое. Рассматривать составные части этого целого можно поочерёдно, но понимать их необходимо только в диалектическом единстве.

¹ Древнейшие костры // Наука и жизнь, № 6, 1982, стр. 83; Самый первый костёр // В мире науки, № 6, 1983, стр. 44.

Не пытаясь объять необъятного, в исключительном богатстве фактуры процесса социализации мы выделили лишь то главное, что соответствует направлению нашего исследования. Нашими обобщениями и выводами тема далеко не исчерпана. Немало интересного и полезного, в дополнение к сказанному, вы, уважаемый читатель, найдёте в трудах Ю. И. Семёнова. Надеюсь, что как и при чтении моей работы, при ознакомлении с выкладками этого незаурядного автора вы будете внимательны и критичны¹.

Напомню, что мы движемся к выяснению назначения венер. И в этом движении, рассматривая в настоящей главе принципиальную сторону взаимодействия полов в первобытную эпоху и в период человеческой предыстории, мы выполнили половину намеченного для главы плана. До сих пор мы говорили о половом аспекте взаимоотношений сообществ (как наших животных предков, так и первобытных людей). Теперь нас будет интересовать отдельно взятое сообщество, а точнее, первобытный экзогамный род (далее в этой главе мы не будем заглядывать в предысторию человечества).

Экзогамия своей обратной стороной имеет запрет на внутриродовые гетеросексуальные связи (гомосексуальных контактов я не буду касаться в этой книге). В противном случае от внешнего брака было бы мало толка. Действительно, наблюдая пережитки родового строя, сохранившиеся в современном мире, мы можем прийти к выводу, что с началом человеческой истории такой запрет становится повсеместным. Правда, при этом он не является абсолютным. Время от времени сексуальную тишину рода нарушают пришельцы из прошлого. Однако, оргиастический секс, принявший в новых условиях форму праздников, уже не делает погоды в родовом сообществе. К тому же удельный вес необузданного секса всё более и более падает с ходом истории. В целом первобытный род, в смысле взаимоотношений мужчин и женщин, несомненно, является асексуальным образованием.

Чтобы как можно более действенно воспрепятствовать внутриродовым половым связям, на пути возможных неполовых контактов мужчин и женщин возводится множество самых разнообразных перегородок. Разумеется, такое разведение полов происходит стихийно, в ходе длительной эволюции, которая своими корнями уходит в глубины дочеловеческой истории.

Основой и отправным пунктом внутриродового разведения полов служит разделённый по половому признаку труд. Первобытное производство характеризуется не только отличными одна от другой видами

деятельности мужчин и женщин. Оно ещё привязывает полы к разным местам её осуществления. К тому же труд первобытного коммунистического общества, будучи и по содержанию и по форме в высшей степени общественным явлением, отделяя мужчин от женщин, внутренне сплавливает как ту, так и другую половую группу, придаёт, в соответствии со своими особенностями, определённую специфику мужскому и женскому коллективу и, как следствие, определённым образом противопоставляет их друг другу.

Надо сказать, что характер мужского труда делает мужскую группу рода более консолидированной, по сравнению с женской, превращает мужское сообщество в мужское содружество. Не случайно в русском и многих других языках есть выражения «мужская дружба», «братство», «братва», но нет ничего подобного для характеристики женской общности. Женщины, разумеется, тоже консолидированы, но в меньшей степени, чем мужчины. Их труд не требует такого единения.

Однако, как показал опыт истории, для размежевания полов естественно-трудового разделения оказалось недостаточно. Общество было вынуждено вырабатывать дополнительные средства полового размежевания. Одним из самых эффективных стало раздельное проживание мужчин и женщин. Как правило, на территории первобытной стоянки располагался мужской дом и, поодаль от него, часто на окраине деревни, — группа сооружений для женщин (реже строился, наряду с мужским, и женский дом). Если по каким-то причинам возводилась одна, общая для обоих полов постройка, женская половина всегда отделялась от мужской: глухой стеной, занавеской или символической перегородкой. (Фото 7)

Следы раздельного проживания свежи до сих пор. Их можно обнаружить в разных уголках мира, и не только у народов, живущих ещё в каменном веке. Например, во многих селениях Кавказа и сейчас вас могут пригласить в кунацкую, где мужчины встречаются, обсуждают новости, просто проводят время. Правда, вы войдёте в кунацкую, только будучи мужчиной. Женщинам вход туда строго воспрещён. Ну а если для подтверждения моих слов вам затруднительно ехать на Кавказ (я уж не говорю о Новой Гвинее или Амазонии, где мужские дома сохранились практически в первозданном виде), вы без труда обнаружите рудимент мужской половины в... православном храме. Вы догадались, уважаемый читатель, что я имею в виду алтарь, куда женщинам, как известно, входить воспрещается? Да, алтарь вырос из мужской части общей родовой постройки. Эта трансформация происходила на протяжении достаточно длительной исторической полосы, когда общество переходило от первобытности к классовому устройству, когда зарождалась религия и мужчина поднимался над женщиной. Не случайно

¹ См., например: Семёнов Ю. И. Происхождение брака и семьи. — М., 1974; его же: От кого произошёл Homo sapiens? // Природа, № 11, 1971.

священнослужителями старых конфессий могут быть только некогда (в эпоху распада первобытного строя) заведовавшие родовыми святынями мужчины¹.

В определённых условиях мужчины и женщины так далеко друг от друга располагали свои строения, что родовое поселение по сути дела распадалось на мужскую и женскую деревни². Этот факт, зафиксированный европейскими путешественниками в Африке, наводит на одну интересную мысль. Если однополые деревни разделяет достаточно большое расстояние, их взаимная удалённость, в какой-то мере затрудняющая или вообще делающая невозможной общую хозяйственную жизнь, может оформиться в практически полную самостоятельность. Тогда как мужская, так и женская община оказываются вынужденными выполнять и женские и мужские (внутренние и периферийные) хозяйственные и общественные функции. В такой ситуации на однополую общину падает удвоенная нагрузка. Понятно, что выдержать двойную ношу можно только при исключительно благоприятном стечении обстоятельств, а это, видимо, имеет место не очень часто. К тому же в таких деревнях мужчины должны феминизироваться, а женщины — маскулинизироваться. Не надо объяснять, что такие — однополые — «племена», во-первых, мало жизнеспособны и, во-вторых, представляют собой большую редкость.

Зачем же я тогда говорю об этом? В слове «племена» вы, наверное, читаете ответ на мой вопрос, читатель. Да, легендарные амазонки могут соответствовать именно такому хозяйственно-половому раскладу. Теоретически «племя» бесстрашных воинственных женщин вполне могло существовать. Правда, хотелось бы подкрепить эту теоретическую выкладку достоверными практическими свидетельствами. Что же касается мужских и женских деревень, об их существовании, помимо рассказов путешественников, свидетельствуют сказки разных народов. Перечитайте, пожалуйста, сказку о Белоснежке.

Некоторые народы, например, населяющие северные, холодные края, по всей вероятности, никогда не строили отдельных мужских и женских жилищ. Это, видимо, совершенно нецелесообразно там, где помещения приходится обогревать на протяжении нескольких зимних месяцев. Зачастую там мы не найдём и перегородок между мужской и женской половиной. К примеру, у коряков женщины отгораживаются

от мужчин плетёными занавесками или просто отворачиваются¹. Однако в общих постройках практически всегда имеются отдельные для мужчин и женщин входы и выходы². С какой целью это делается, понятно. В условиях внутриродовой асексуальности необходимо свести к минимуму даже самые незначительные контакты разнополых сородичей.

Этой же цели служат специально отведённые только для мужчин или только для женщин места на территории стоянки, а также мужские и женские тропинки. Если к пересечению таких тропинок одновременно подходят мужчина и женщина, то, как правило, женщина в нескольких шагах останавливается, отворачивается и пережидает, пока мужчина не удалится на некоторое расстояние. Такой порядок до сих пор поддерживается у некоторых отставших в развитии народов. (Фото 8)

Говоря о расселении членов рода, нельзя не отметить ещё одну норму первобытности. Мы ведь, сконцентрировав внимание на мужчинах и женщинах, забыли о детях. Где же они жили? Оказывается, и мальчики и девочки жили только с женщинами. И не только потому, что мужчины не рожают детей, много времени проводят на периферии и больше, чем женщины, подвержены риску. Это, разумеется, веские причины. Но есть ещё одна, делающая женщину абсолютно незаменимой в воспитательном процессе. Только женщина, будучи универсальным существом (в отличие от специализированного по тому или иному направлению мужчины), способна преподавать подрастающему поколению всю многогранную науку жизни.

Мы рассмотрели пространственные, связанные с дислокацией полов, перегородки между мужчинами и женщинами рода. Однако существует ещё один класс преград между полами. Эти преграды напрямую связаны с женской телесностью и внешностью женщины. Чем характеризуются такие преграды? Во-первых, мужчина воспринимает женщину вообще и её тело в частности, довольствуясь прежде всего, а зачастую и только, зрительным образом. Поэтому преграда должна быть поставлена на линии мужского взгляда. Во-вторых, в связке «мужчина–женщина» мужчина являет собой активную, помогающую сторону, а женщина — пассивную, защищающуюся. Поэтому такую перегородку должна ставить именно женщина.

Одной из самых действенных преград этого класса стала женская одежда. Я говорю об одежде начала человеческой истории. Тогда единственным её назначением было овеществление запрета на проникновение в женщину (мы помним, что в первобытную эпоху любая идея

¹ О раздельном проживании мужчин и женщин в древности и об эволюции этого явления см., например: Семёнов Ю. И. Происхождение брака и семьи. — М., 1974, стр. 179–184; Леви-Строс К. Печальные тропики. — М., 1984, стр. 104; Ганзелка И., Зикмунд М. К охотникам за черепами. — М., 1960, стр. 152, 154–155; Фальк-Ренне А. Путешествие в каменный век. — М., 1985, стр. 39–41.

² См.: Семёнов Ю. И. Происхождение брака и семьи. — М., 1974, стр. 182.

¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. — М.-Л., 1949, стр. 436–437.

² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. — М.-Л., 1949, стр. 376; Ганзелка И., Зикмунд М. К охотникам за черепами. — М., 1960, стр. 189.

должна была быть овеществлена, должна была быть соединена с чем-то практическим, материальным). Доказать, что назначением первой женской одежды было именно недопущение полового контакта, не составляет большого труда. Представительницы многих народов, закрывая какой-либо юбочкой или её подобием своё интимное место, совершенно не заботятся о прикрытии верхней части тела. Почему? Потому что функция древней одежды состояла не в том, чтобы просто прикрыть женские половые отличия, а в том, чтобы перекрыть единственный канал половой связи.

Далее мы ещё будем говорить о первой одежде женщины и её (одежды) происхождении. Сейчас только замечу, что такая женская защита была способна успешно выполнять свою функцию, даже превратившись в поясной шнурок, как, например, у женщин корубо в Амазонии, или будучи замещённой лодкой, прикрывавшей наготу женщин Огненной Земли. Что касается мужчин, к ношению ими одежды в древности не предъявлялось столь строгих требований. До сих пор существует немало народов, не знающих никакого мужского прикрытия. Явный перевес по части ношения примитивной одежды в пользу женщин свидетельствует о том, что это действительно сооружаемая женщиной преграда. (Фото 9)

Притягательным для мужчин является не только известное заветное женское место. У женщины есть, по крайней мере, ещё один телесный атрибут, также требующий защиты, но уже от мужского глаза.

Вы наверняка что-то знаете о сексапильности, уважаемый читатель. Но согласитесь, если есть явление, должно существовать и какое-то его материальное, в данном случае — телесное, основание. Что же является, если можно так сказать, телесным воплощением сексапильности? На что, в интересах соблюдения внутривидовой асексуальности, не следовало смотреть древнему мужчине?

Проведём небольшой мысленный эксперимент. Предположим, вы — молодая привлекательная женщина, идёте по пустынной улице, навстречу вам движется мужчина, и вы совершенно не склонны вступать с ним в какие бы то ни было отношения. Я вам скажу, что вы будете делать. Если вы не измените курс, вы обязательно отведёте взгляд в сторону, будете смотреть вниз или станете сверлить глазами бесконечность. Возможно, когда мужчина окажется в нескольких шагах от вас, вы начнёте что-то поправлять, доставать или каким-либо другим способом имитировать свою занятость. Если же вы будете смотреть на мужчину, резко возрастёт вероятность того, что он заговорит с вами. А дальше... Многое, если не всё, зависит от его характера, намерений и обстоятельств, от вашей выдержки и самообладания.

Если вы мужчина, и навстречу вам идёт женщина, смотрите на неё, не отрываясь. В 99 случаях из 100, если это не сексуально озабоченная женщина и если вы не прогуливаетесь по улице красных фонарей, она поступит так, как я только что описал.

Между прочим, подобные эксперименты проведены и дали результаты, с которыми я вас ознакомил. Можете их проверить. Для этого вовсе не обязательно быть участником опыта. Достаточно просто наблюдать.

Вы понимаете, что во взгляде есть какая-то сила, какой-то заряд? А если взглядами обмениваются мужчина и женщина, эта сила и этот заряд сразу приобретают сексуальную окраску. В таком, если можно так выразиться, межполовом взгляде представители противоположных полов несут и читают предложение, призыв, согласие, готовность. Исследования показывают, сто «шансы понравиться представителю противоположного пола заметно возрастают, если смотреть ему или ей прямо в глаза»¹.

Если женщина желает контакта с мужчиной, она должна жечь его своим взглядом, стрелять глазами, поводить глазами, делать глазки. Не случайно глаза как орган сексапильности (вот оно, телесное воплощение сексапильности!) фигурируют во множестве идиом различных народов. Сексуальная эффективность взгляда может быть увеличена. Известно, что в прошлом итальянские куртизанки, чтобы расширить зрачки и казаться более привлекательными, закапывали себе в глаза белладонну.

Если канал визуальной связи между полами столь важен, что должна была делать первобытная женщина, чтобы соорудить здесь перегородку? Всё просто. Она должна была прятать свои глаза, отворачиваться и скрывать лицо. Ранее мы уже коснулись этой темы, говоря о мужских и женских тропинках. Этнография, располагая богатейшими материалами по интересующему нас сейчас вопросу (от образцов чадры и других женских покровов до описаний многочисленных приёмов отведения и сокрытия взгляда), со всей очевидностью указывает на исключительную важность и широкое использование данного вида преград в первобытности. (Фото 10)

Нам остаётся только перенестись туда и посмотреть, как в условиях экзогамии и внутренней асексуальности рода осуществлялись контакты первобытных мужчин и женщин. Это — наша задача на третью главу.

Надеюсь, что после проделанной в этой главе работы нам удастся реконструировать картину древнего брачевания. А там, глядишь, в поле нашего зрения появятся и женские палеолитические статуэтки.

¹ Хотиме понравиться — смотрите в глаза // URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/sci/tech/newsid_7083000/7083154.stm.

Но прежде, чем стать свидетелями древнего брачного обряда, мы подведём итоги главы.

1. «Зацепившись» за бросающуюся в глаза сексуальную выразительность венер, мы взяли курс на рассмотрение половой сферы первобытного общества.

Что же мы выяснили?

В развитие намёток первой главы нами выделены основные, и обязательные, моменты древнего взаимодействия полов. Это, во-первых, реализация полового взаимодействия в обрядовой форме, во-вторых, соединение полов в групповом браке и, в-третьих, запрет на сексуальные связи с сородичами другого пола (внутриродовая асексуальность), вынесение взаимодействия полов за пределы рода (экзогамия, или внешний брак) и осуществление брачного взаимодействия с другим, вполне определённым, родовым сообществом (дуально-родовая организация).

2. Далее мы сопоставили ранее обозначенные нами функции женских палеолитических статуэток с главными моментами первобытного взаимодействия полов. Результат этого сопоставления укрепил нас в мнении, что искать разгадку венерианского феномена следует в организации половой, брачной сферы древнего социального организма вообще и в составе брачного обряда наших палеолитических предков в частности.

3. Рассматривая половую сферу древнего общества, мы сосредоточили своё внимание на экзогамии и дуально-родовой организации. Эти основополагающие атрибуты первобытного бытия были проанализированы нами с точки зрения возможности и необходимости их появления и существования.

Как мы выяснили, возможность для весьма своеобразного первобытного соединения полов предоставляли периферийная промысловая деятельность мужчин (ранее, на доисторическом этапе — самцов) и постоянная половая готовность человека и его животных предков.

Что касается необходимости внешнего и ориентированного на иной род брака, то только такой тип соединения полов мог обеспечить нарождающемуся и уже существующему молодому человеческому обществу действенную гарантию от межродовых конфликтов, утраты социальных завоеваний и скатывания в пучину животности.

4. Обратной стороной экзогамии является внутриродовая асексуальность. Мы выяснили, что для её обеспечения первобытным обществом был выработан довольно сложный механизм хозяйственно-бытового размежевания полов. Его основными

компонентами являются: раздельное или так или иначе изолированное проживание мужчин и женщин, мужские и женские входы и выходы, предназначенные для разных полов тропинки и места дислокации на стоянке, одежда, сокрытие женщинами лица, отведение взгляда.

Древнейшей, возникшей задолго до появления человечества перегородкой между полами являлось животное по своему происхождению разделение труда на периферийный, мужской и очаговый, женский. Немалые пережитки этого разделения сохраняются и сегодня.

Что касается детей, они были привязаны к женщинам и размещались в женских жилищах или на женской половине.

5. Наконец, поскольку «географический фактор» представляет собой новинку в деле исследования феномена амазонок, по-видимому, дополняя Ю.И. Семёнова, следует включить в итоги главы и предложенный мной аргумент в пользу существования «племени» воинственных женщин. С точки зрения необходимой в первобытном обществе асексуальности рода, легенда о женщинах-воительницах, имея под собой определённое теоретическое обоснование, вполне может оказаться достаточно правдивым повествованием.

ГЛАВА III

ПЕРВОБЫТНЫЙ БРАЧНЫЙ ОБРЯД

Завершая вторую главу, мы с вами, уважаемый читатель, поставили своей целью наблюдение брачного обряда наших палеолитических предков. Чем будет отличаться этот экскурс в прошлое от тех, что принимались нами ранее? Как вы заметили, до сих пор, не забывая о конкретике, мы в основном рассматривали принципиальную сторону древнего бытия и его половой и брачной сферы. На этот раз, в отличие от наших прежних погружений в историю, мы сосредоточим своё внимание на течении брачного обряда, на его событийном ряде и его деталях. Не исключено, что при рассмотрении с близкого расстояния нам удастся заметить то, что ещё не попадало в поле зрения исследователей. Возможно, это будут откровенные женские статуэтки. Мы ведь предположили, что они каким-то образом должны быть вписаны в обряд брачевания.

Вы готовы оказаться на родовой стоянке, читатель? Тогда мы отправляемся в прошлое.

Кнопка нажата, и «машина времени», это незаменимое средство исторического исследования, вмиг перенесла нас на двадцать тысячелетий назад. В нужное время мы оказались в нужном месте, скажем, на берегу Дона, где в наши дни располагается село Костёнки. В седой древности здесь находилась палеолитическая стоянка. (Фото 11)

Нам повезло. Опоздай мы на пару часов, и нам пришлось бы — в ожидании следующего брачного обряда — провести в гостях, надеюсь, у радушных хозяев, несколько недель, а, может быть, даже и месяцев. Конечно, это не было бы потерянным временем. Но мы всё-таки «прилетели» наблюдать брачное действо.

Как уже было сказано, соединение полов в первобытном обществе было строго регламентировано. Проведение брачных сессий неукоснительно подчинялось выверенному историей ритму хозяйственной жизни. Труд был отделён от секса, и брачные сходки, как правило, имели место после окончания каких-либо работ.

Главным занятием древнего населения Костенок являлась охота. На наше счастье, вскоре после завершения крупной охотничьей вылазки мы и прибыли к месту расположения рода. Назовём его родом сороки. Первобытные люди называли себя и свой род, от которого были неотделимы, именем родоначальника. Чаще всего таковым в их

представлении являлось какое-либо животное. Но не будем отвлекаться. Посмотрим, что происходит на стоянке.

Там царит деловитое возбуждение. Женщины громко переговариваются, выносят из жилища какие-то вещицы, склоняются над ними, что-то нашёптывают. Вот они собрались вместе и жестами указывают в сторону от стоянки. Видимо, они собираются куда-то отправиться. Или сами поджидают кого-то. Жаль, что, находясь на некотором удалении, мы не можем рассмотреть, что же они держат в руках.

Постойте, но почему же мы не видим мужчин? Может быть, они отправились на промысел? Вряд ли. Ведь они совсем недавно вернулись с богатой добычей. Впрочем, вдали слышатся мужские голоса...

Проходит ещё несколько минут, и из прибрежного ивняка один за другим выходят полтора десятка мужчин. Они направляются к стоянке. И сразу же стайка женщин срывается с места. Перейдя незримую границу стоянки, они быстрым шагом идут навстречу мужчинам. Расстояние между мужчинами и женщинами стремительно сокращается. Женщины на ходу то ли поправляют волосы, то ли что-то надевают на голову. Но нам сейчас не до мелочей. Куда важнее понять, что же происходит. Не рушится ли на наших глазах одна из важнейших норм асексуального рода? Мы помним, какие перегородки были поставлены родом между мужчинами и женщинами. А может быть, это оживает пришелец из далёкого прошлого, и мы станем свидетелями оргии? Нет, ни то и ни другое. Перед нами — дуально-родовой механизм в действии. К стоянке приближаются мужчины другой родовой общины. Её мы назовём родом ящерицы. Испокон веков этот род является коллективным брачным партнёром рода сороки.

Мужчины-ящерицы покинули своё родовое поселение ещё затемно. Но и проделав многокилометровый путь, они свежи и полны бодрости. Ведь они идут на брачную сходку. Но пока она не началась, мы ненадолго отвлечёмся от нашего зрелища и сделаем два, как мне представляется, важных замечания.

Во-первых, для совершения коллективного брачного обряда всегда отправлялись мужчины, но не женщины. Как хорошо известно, в половом взаимодействии (взятом в самом широком смысле) мужчины являют собой активную сторону, тогда как женщины более или менее пассивны. Мужчины вообще более активны во всех жизненных проявлениях, будь то труд, поиск или, в наше время, какое-то увлечение. Мужчины к тому же более мобильны, чем женщины. Вы помните, что ранее мы называли мужчин мобильными и периферийными существами. Наблюдаемый нами брачный поход наших прапра... дедушек вырос из древнейшего периферийного промысла. Кстати, участников такого похода историки первобытности называют брачной экспедицией.

Во-вторых, поскольку два составлявших дуально-родовую связку рода, располагаясь неподалёку один от другого, находились в одинаковых природных условиях и занимались в силу этого одной и той же хозяйственной деятельностью, время брачевания у них в принципе совпадало. Возможно, даже имелся какой-то механизм согласования времени выхода встречных брачных экспедиций. Впрочем, вполне приемлемым было и снаряжение экспедиций в разное время, но, разумеется, в пределах вполне определённой и достаточно узкой временной полосы. Такое разнесение во времени встречных экспедиций не могло быть источником конфликтов. Мужчинам брачующихся родов нечего было делить на попрание удовлетворения сексуальной потребности. Объектом их интереса были разные группы женщин. В нашем примере фигурируют согласованные во времени встречные экспедиции. Поэтому понятно, почему при таком развитии событий мы не обнаружили мужчин-сорок на их родовой стоянке. Когда мы туда прибыли, экспедиция сорок была уже на подступах к стоянке рода ящериц. Возможно, мужчины-сороки и мужчины-ящерицы повстречались где-то на полпути между своими стоянками. И разошлись, влекомые переполняющим их желанием.

Однако вернёмся к наблюдениям. Пока мы рассуждали об экспедициях и экспедиционерах, группы мужчин и женщин встретились в сотне метров от стоянки. Что будет дальше? Наверное, женщины, встретив мужчин, вернутся вместе с ними на стоянку, чтобы там приступить к брачному обряду. Нет, ни в коем случае. Любой секс, в том числе и с инородцами, был изгнан с родовой территории. Для брачного действия имелось другое место. Какое? Посмотрим, куда теперь двинутся сороки и ящерицы. Последуем за ними...

И вот, спустя несколько минут, мы у цели. Вслед за мужчинами и женщинами мы подошли к расположенной в ближайших окрестностях стоянки большой прибрежной поляне. Именно здесь, не в лесу, а на поляне, и развернётся брачный обряд (позже это будет доказано)¹. А сейчас я попытаюсь показать, что брачное действие ни в коем случае не происходило на стоянке.

На этот счёт имеется немало этнографических свидетельств. У многих отставших в развитии народов исследователями зафиксирован обычай вступать в половые отношения только за пределами селения и уж ни в коем случае не в жилище. Даже у некоторых народов, переросших первобытный брак и уже знающих супружество, мужу и жене воспрещается вступать в сексуальные отношения в их собственном жилище.

¹ Возможно, мужчины и женщины двух брачующихся родов без предварительной встречи сразу приходили на брачную поляну.

Для этого они должны удалиться за пределы селения. Если же такая «домовая» связь будет обнаружена односельчанами, нарушителей обычая ждёт в лучшем случае общественное порицание, а в худшем — наказание¹.

Это замечание ещё раз отвлекло нас от наблюдений. А тем временем на поляне мужчины и женщины расположились друг против друга. Похоже, начинается танец. Нет, эпоха танцев ещё не наступила. В движении, которое спустя многие тысячелетия превратится в коллективный народный танец, женщины выбирают, с их точки зрения, пригодных для сексуального действия мужчин. Именно женщины являются выбирающей стороной в деле полового взаимодействия. И им есть из кого выбрать².

Уважаемый читатель, здесь мы подходим к центральному пункту главы, а, может быть, даже и всей работы. Сейчас мы обнаружим то, что ещё не замечалось исследователями. Посмотрите-ка внимательно на «танцующих», пересчитайте мужчин и женщин. Что у вас получилось? Да, совершенно верно, женская группа существенно уступает по численности мужской.

Возможно, это случайность? Может быть, на других «площадках» более или менее соблюдается количественное равновесие полов? Нет, перед нами вполне закономерная картина. Думаю, что едва ли не в 999 случаях из 1000 мужчины-экспедиционеры сталкивались с недостатком женщин. Почему же женщин среди брачующихся было меньше, чем мужчин?

Мы знаем, что ещё наш животный предок приобрёл способность постоянно, не считаясь с природными циклами, вступать в половые отношения. Это качество — с образованием общества — перешло к человеку. Однако это — общая формула. Если вопрос рассматривать более конкретно, с учётом разделения сообщества на полы и с учётом исторической специфики, в постоянной готовности человека выявляются исключительно важные половые различия. Оказывается, в первобытном обществе женская половая готовность отличалась от мужской и, вообще-то говоря, не являлась такой уж постоянной. Женская половая готовность не зависит от природных циклов, но в первобытную эпоху она находилась в жёсткой зависимости от биолого-социального статуса женщины. Это проявлялось в том, что первобытной женщине строжайшим образом воспрещалось вступать в сексуальные отношения

¹ См., например: Семёнов Ю. И. Происхождение брака и семьи. — М., 1974, стр. 187–188; Зверев В. В. Амазония. Приключение русских в стране каннибалов. — СПб., 2004, стр. 254–255.

² См.: Искрин В. Диалектика полов. — СПб., 2005, стр. 7–16.

во время вынашивания и вскармливания, которое продолжалось зачастую до трёх лет. На это время женщина выпадала, если можно так выразиться, из сексуального оборота. А если учесть, что в древности женщина, в отличие от нашей современницы, рожала на протяжении всего репродуктивного периода, то нетрудно будет подсчитать, в течение какого времени она реально была готова вступать в половые связи. Вот почему на брачных полях в подавляющем числе случаев наблюдался избыток мужчин и недостаток женщин.

Что касается мужчин, для их сексуальной реализации не имелось никаких ограничений, кроме дуально-родового и родового регламента (далее мы увидим, что мужчины, как, впрочем, и женщины, могли сексуально реализовать себя не только в брачном обряде или внутривидовой оргии, но и ещё в одном — третьем, промысловом — типе первобытного соединения полов).

Итак, среди участников брачного обряда мужчин больше, чем женщин, и женщины должны выбирать. В связи с этим возникают два вопроса: кого выбирали древние женщины и как выбирали? Займёмся сначала первым.

Современная женщина, не изолированная от мира мужчин, делает свой выбор после сопоставления и оценки находящихся в её поле зрения представителей противоположного пола. Женщина высматривает мужчин на работе, в учебном заведении, на отдыхе, везде, где полы соприкасаются друг с другом. При такой, достаточно долговременной оценке можно составить представление о социальных характеристиках, моральных и деловых качествах, интеллекте мужчины. Разумеется, избранником женщине видится физически полноценный мужчина. Но физические данные не являются единственными и основополагающими для выбора. На первые места, и это хорошо отражают, например, брачные объявления, женщина ставит ум, надёжность, порядочность. Это и понятно. Женщине жить с мужчиной и вместе растить общих детей. Что перейдёт ребёнку от отца по каналу социального наследования, зависит от правильности выбора, сделанного женщиной.

В первобытном обществе всё было буквально наоборот. Мы знаем, что женщины были отгорожены от мужчин своей родовой общины. Общение полов внутри рода тогда было сведено к минимуму. Что же касается экспедиционеров из другого рода, даже о каком бы то ни было поверхностном знакомстве с ними не могло быть и речи. Нельзя было составить представление о социальном облике мужчины и во время скоротечной брачной сродки. Да это и не было нужно. В первобытном обществе не было привычного для нас отцовства. Дети оставались в роду матери и впитывали социальные качества не кровных отцов, а своих сородичей. Женщина от отца по крови могла взять и передать

своему ребёнку только генетическую информацию и обусловленные ей задатки. Понятно, что в таких условиях зримыми и поддающимися оценке были внешние, физические данные мужчины. Первобытная женщина могла ориентироваться лишь на то, что схватывает глаз: телосложение, силу, ловкость, уверенность. Таков был мужской идеал древней женщины.

Возможно, вы возразите, читатель: у людей разные вкусы, и, может быть, каким-то древним женщинам больше импонировали ярко выраженные первобытные мачо, а каким-то — худосочные палеолитические «интеллигенты». Не могу согласиться с таким предположением. Первобытное сообщество представляло собой монолит как в социально-экономическом, так и в духовном и морально-этическом плане. Первобытное бытие нивелировало людей и их взгляды на жизнь. Так что женский идеал мужчины тогда был общим и одинаковым для всех женщин.

Кстати, в последние годы в развитых странах явно увеличивается доля женщин, ориентирующихся не на длительную связь и совместную жизнь с мужчиной, а на эпизодические, краткосрочные контакты. Понятно, что для «занятий любовью» важны прежде всего физические, маскулинные, если можно так сказать, самцовые характеристики мужчины. Сейчас мы не будем выяснять, какими социальными подвижками обусловлены новые веяния в области сексуальных отношений. Для нас здесь интересно другое. Выведенный нами сексуальный идеал первобытной женщины представляет собой не вымысел, а вполне реальное, и что особенно важно, определяемое историческими условиями явление¹.

Перейдём к рассмотрению второго вопроса: как первобытные женщины выбирали пригодных для сексуального контакта партнёров? Чтобы разобраться в этом вопросе, нам для начала лучше всего посмотреть на мужчин-ящериц.

Ещё на подходе к стоянке сорёк они не могли и не хотели скрывать своего возбуждения. Это ведь первобытные мужчины. Их неокрепшая воля, а она является гранью интеллекта, была ещё не в состоянии в то время сдерживать животный по своей сути и по своему происхождению половой инстинкт. Мужчины вообще больше, чем женщины, одержимы сексуальной страстью. Наблюдаемым нами мужчинам необходимо было удовлетвориться, как говорится, здесь и сейчас, немедленно и всем. Их сплочённость и единообразие (на это мы обратили внимание в предыдущей главе) заставляли каждого из них взять от встречи с женщинами ровно столько, сколько возьмёт и любой другой. А женщин было меньше, чем страдающих мужчин...

¹ См.: Как определить, хочет ли мужчина детей. URL: www.obrazovanie.lv/modules/news/article.php?storyid=3203.

Мужчины пришли взять то, что так притягательно и естественно. Да, именно взять, причём в достаточно грубой и бесцеремонной форме. В то время в отношении мужчины к женщине не было ни трепетности, ни нежности, ни обходительности. Вы помните, уважаемый читатель, я заметил, что первобытные люди относились к представителям другого рода, как к нелюдям. Это, конечно, черта глубочайшей древности. Но двадцать тысяч лет назад такое отношение к инородцам далеко ещё не было изжито. Да что говорить о том времени, если и сейчас ослиные уши животного отношения к «другим» торчат из национализма и расизма.

В то время, в котором мы оказались, отношение к женщине было двойственным. С одной стороны, женщина ещё рассматривалась пришедшими для участия в брачном действе мужчинами как нелюдь и добыча промысловиков, с другой, — она уже воспринималась в качестве члена дуально-родового союза и не считалась, как в прежние времена, законченной чужачкой. Процесс очеловечивания отношений между относящимися к различным родовым общинам людьми был запущен. Это произошло с началом человеческой истории. Но до завершения ему было ещё очень далеко. Не завершён этот процесс и сегодня. Повидимому, ещё имеющее место стремление «иметь (поймать) женщину» и насилие над женщиной являются рудиментами животного и полуживотного прошлого человечества.

Итак, мужчины пришли взять женщин. А взять женщину дано было не каждому, а только тому, кто мог быть выбран женщинами...

Вы представили неужённых первобытных мужчин, читатель? А теперь попытайтесь представить себя на месте женщин, рядом с жаждущими их мужчинами. Что бы вы сделали, чтобы сразу решить три задачи? Да, именно три. Женщины должны были, во-первых, отобрать мужчин для сексуального действия. И отбирая пригодных, они неминуемо должны были кому-то отказать. Во-вторых, они должны были блокировать неизбежную ввиду недостатка женщин мужскую конфликтность. Понятно, что уговаривать выбранных мужчин хотя бы ненадолго отсрочить половой контакт было совершенно бесполезно. Сексуальная жажда не позволила бы первобытному сознанию воспринять такую логическую конструкцию. Наконец, в-третьих, раз мужчины пришли для совершения вполне определённого действия, женщины должны были всех их, причём одновременно, сексуально удовлетворить.

Эту триединую задачу требовалось решить в считанные минуты. Но разве она выполнима? На брачной поляне неизбежен взрыв...

Однако взрыва не произошло. Доказательством этого служит наше существование. Ведь если бы каждая брачная сходка взрывалась,

человечество было бы подрублено под корень. Но нет, человечество не погибло. Значит, женщины нашли спасительное средство.

Что же это за палочка-выручалочка? Увещевания? Нет, ни в коем случае. Мы хорошо знаем, что голая мысль не имела никакой силы в то время, да она в отрыве от практики и не могла тогда существовать. Мысль, желание, неосознанное стремление способны были дойти до древнего человека, только будучи подкреплёнными чем-то действенным, материальным. Что бы вы предложили в качестве материального, вполне осязаемого средства, способного решить, казалось бы, нерешаемую триединую задачу?

Окружающий человека мир огромен. Он состоит из неисчислимого множества элементов. Переберите все вещи и вещицы, все явления, все существа мира, и вы найдёте то единственное, с помощью чего можно решить поставленную порядком развития человечества сверхсложную и в то же время простую задачу.

Искомой нами палочкой-выручалочкой является женщина. Иного решения эта задача не имеет. Другими словами, в распоряжение выбранных мужчин должны были быть предоставлены недостающие до комплекта женщины. Но вы скажите: их же неоткуда взять. И обвините меня в схоластике, казуистике, формалистике и прочих грехах больной логики.

Не спешите, читатель. Вспомните своё детство. Вы поймёте меня лучше, если вы — женщина. Вы ведь играли в куклы? И до определённого возраста, и не только в игре (впрочем, игра и жизнь были для вас тогда неотделимы друг от друга), но и во время других детских занятий, вы твёрдо знали, что куклы (плюшевые мишки, зайчики и прочие ваши любимцы) чувствуют, боятся, радуются, любят, спят, едят, капризничают, безобразничают... Словом, куклы живут. Вы их одушевляли и наделяли, по своему образу и подобию, жизнью.

Период анимизма занимает в жизни человека считанные годы. Дети живут в окружении взрослых и под их влиянием, в известном смысле насильственным порядком, лишаются своих анимистических представлений. У молодого человечества не было наставников. Анимистический период в истории человечества растянулся на десятки тысячелетий. Даже в наше время следы анимизма обнаруживаются в представлениях не самых отсталых народов. Думаю, мы не ошибёмся, если скажем, что в интересующее нас время человечество находилось на пике анимизма. Люди растянувшегося детства человечества были склонны одушевлять всё и вся вокруг. Может быть, как и наши дети, древние люди тоже «играли» в куклы? Тогда для женщин куклы могли быть сёстрами, а для мужчин-инородцев они могли быть...

Здесь я прерву своё изложение, чтобы сделать одно оправдательное замечание. Уместно ли сопоставлять взросление человека и становление человечества? Да, вполне. Это — не проявление наивности. Такое сопоставление представляет собой эффективный метод исследования первобытной психики, наблюдаемой сквозь призму психики ребёнка. Для психологов не секрет, что человечество в своём психическом развитии в принципе проходит те же этапы, что и растущий в психическом плане человек. Психологические аргументы в пользу анимистических представлений наших первобытных предков, на мой взгляд, неплохо подкрепляют этнографическую аргументацию.

Кем же могли быть куклы для мужчин? Определённо, живыми женщинами. А если эти «женщины» обнажены и являются участницами брачного действа? Чтобы ответить на этот вопрос, мы посмотрим, что происходит на брачной поляне.

Раньше мы не разглядели, что держат в руках отправляющиеся на брачную сходку женщины-сороки. Теперь, подойдя поближе, мы можем рассмотреть и самих женщин и то, что они принесли с собой. Женщины выглядят очень странно. У них опущены головы и на глаза надвинуты плетёные шапочки. Так вот что они надевали на голову, спеша навстречу мужчинам. Интересно, зачем? Но на этот вопрос мы ответим позже. Сейчас же всё наше внимание сосредоточено на миниатюрных фигурках в руках женщин. Так ведь это же вены, которые мы видели в отделе древностей Эрмитажа. Правда, там их считанные единицы. Здесь же, в палеолитических Костенках такие фигурки в руках у каждой женщины. А у некоторых, нам удаётся это заметить, их даже две или три. Мы видим, как в ходе «танца» женщины передают фигурки некоторым мужчинам, и те, отходя в сторону, предаются... Впрочем, чем они занимаются, я думаю, в общем-то понятно. (Фото 12)

Проходит несколько минут, и женщины вместе с оставшимися — отобранными — мужчинами, разбившись на пары, присоединяются к мужчинам, занятым суррогатными женщинами. Брачный обряд достигает своего апогея.

Здесь мы закончим наши наблюдения. Цель достигнута, теперь нам известно, как и для чего использовались женские фигурки, у нас достаточно пищи для размышлений, и от полевых наблюдений мы можем перейти к кабинетной работе.

Итак, миссия, казавшаяся невыполнимой, успешно выполнена. Женщины с помощью сексуально-отказных статуэток легко решили все три задачи.

Во-первых, в соответствии с критерием своего времени женщины выбрали подходящих для сексуальной связи мужчин. Другой стороной их выбора явилось отстранение от этих связей тех представителей

мужского пола, которые не удовлетворяли предъявляемым к мужчинам требованиям. В принципе отстранёнными от реальных половых связей могли оказаться, скажем так, и вполне доброкачественные мужчины. Их беда заключалась в том, что они оказались избыточными, лишними. Правда, в то время такое отстранение бедой не являлось. Каменная или костяная женщина в их глазах была ничем не хуже настоящей. Это была такая же женщина.

Осуществляемый на брачной поляне женский выбор имел более глубокий смысл, чем может показаться на первый взгляд. Это был не только отбор мужчин для данной сексуальной сессии. Это был отбор признаков, которые, воплотившись в детях, должны были стать генетической основой будущего существования рода. На брачной поляне женщины осуществляли половой отбор. Руководствуясь своей, субъективной оценкой представителей противоположного пола, они действовали в качестве орудия объективной необходимости. Так продолжалось в течение многих тысячелетий. Женщины, реализуя свою сексуальную потребность, ни мало, ни много обеспечивали биологический и, в какой-то мере, социальный прогресс человечества. Их незаменимыми помощниками в этом исключительной важности деле были миниатюрные женские фигурки, известные нам под названием палеолитических венер. Что же касается выбракованных в ходе той или иной сходки признаков, часть из них, думаю, отметалась безвозвратно. Среди мужчин наверняка находились такие, которые никогда во время дуально-родового брачевания не имели связи с настоящей женщиной. На протяжении всей своей жизни на брачных сходках они удовлетворялись общением с сексуально-отказной куклой. Правда, у таких мужчин был шанс вступить в реальный половой контакт. Но об этом я скажу позже.

Во-вторых, женщины, удовлетворяя всех мужчин, неважно, посредством натуральной или суррогатной связи, полностью блокировали неизбежную при отсутствии кукол конфликтность. Единственное, что было необходимо для предотвращения конфликта, это достаточное количество сфабрикованных ими «сестёр». Думаю, женщины вполне успешно справлялись с этой задачей. (Фото 13)

Если же «сестёр» было меньше, чем требовалось, находчивые женщины достаточно оригинально и в то же время бесхитростно быстро увеличивали число сексуально-отказных игрушек. Об этом речь пойдёт в четвёртой главе.

Наконец, в-третьих, с лёгкой руки женщин все участники брачной сходки, разумеется, кроме искусственных «сестёр», получили полноценное сексуальное удовлетворение. Что касается женщин и отобранных ими мужчин, здесь нет никаких вопросов. Но вот получили ли

удовлетворение мужчины-отказники, мы, к сожалению, спросить у них не можем. Мы ведь предприняли виртуальный экскурс в прошлое. Однако мужчины, манипулировавшие куклами, «позаботились» об удовлетворении нашей любознательности. О получении сексуального удовлетворения они оставили свидетельство на... самих куклах.

Археологи отмечают, что поверхность некоторых палеолитических венер местами буквально отполирована. Почему? В рамках рассмотренных нами трактовок назначения венер об этом, в лучшем случае, можно только гадать. Наше понимание назначения палеолитических женских статуэток легко объясняет эту, казалось бы, незначительную деталь. Такие сексуально-отказные фигурки использовались многократно, возможно, на протяжении нескольких тысячелетий. Они прошли через многие тысячи пар мужских рук. Многократное использование статуэток вполне объяснимо. Женщины приходили со своими «сёстрами» на брачную поляну и с ними — в их представлении, живыми существами — должны были и уйти. По окончании сексуальных действий мужчины, быстро теряющие интерес к предмету только что пылавшей страсти, скорее всего, просто бросали фигурки в траву. Женщины искали и собирали фигурки, бережно хранили в своём жилище до следующей брачной сходимки, а когда старились и умирали, на эту же брачную поляну с теми же палочками-выручалочками выходили их дочери, внучки, правнучки... Наверняка не все куклы подбирались женщинами. Какие-то из них до сих пор лежат на местах бывших брачных игрищ. Если бы знать эти места, как бы пополнились музейные коллекции.

О получении мужчинами-отказниками удовлетворения при манипулировании откровенными фигурками свидетельствуют и пользующиеся устойчивым спросом их современные аналоги. С ассортиментом подобных изделий вы можете ознакомиться в ближайшем секс-шопе. Времена меняются, но животная ипостась мужчины (напомню, что пол представляет собой биологическое явление) не претерпевает сколько-нибудь значительных изменений. Современный мужчина в плане суррогатного сексуального удовлетворения не слишком сильно отличается от своего первобытного предшественника. Производя с сексуально значимым предметом те или иные действия, наш современник невольно одушевляет его и даже даёт ему имя и наделяет чертами, прежде всего, телесными, определённой, конкретной женщины.

Итак, уважаемый читатель, с назначением венер мы с вами определились. Как видите, эта работа оказалась не такой уж трудной. Достаточно было проявить внимание к обряду древнего брачевания, и мы увидели в общем-то лежащую на поверхности разгадку вене-рианского феномена. При недостатке женщин, обусловленном групповым брачеванием, веныры оказались совершенно необходимым

в таких условиях сексуально-отказным и регулятивным средством. Причём таким средством из мириад вещей могла быть только женщина-кукла. Нам выпала редкая для исследователя удача не перебирать и сопоставлять варианты решения задачи, а сразу выйти на единственно возможный. В нашем уравнении оказался всего лишь один корень.

Теперь, выяснив, как и для чего использовались веныры, мы можем ответить на вопросы, поставленные в первой главе.

Первый вопрос касался размеров палеолитических статуэток. Почему они такие маленькие? Почему они могли уместиться на ладони? Как мы теперь знаем, они и должны были уместиться на ладони или помещаться в руке. Только такие фигурки удобны для переноски — ведь женщины должны были принести их на брачную поляну. Что касается эротических свойств этих сексуально-отказных изделий, они несколько не умалялись из-за их незначительных размеров. Об этом свидетельствует как древняя полировка, так и, в наше время, использование мужчинами для сексуального возбуждения и удовлетворения различных эротических миниатюр, будь то изделия из секс-шопа, журнальные иллюстрации или «горячие картинки» на экране компьютера. (Фото 14)

Второй загадкой для нас были редуцированные, похожие на верёвочки и обрубочки, ручки и ножки древних женских статуэток. С такими ножками фигурки невозможно было установить в вертикальном положении (кстати, уже один этот факт ставит под сомнение версию поклонения). Но, как мы выяснили, веныры и не предназначались для стояния. Это были «ручные» фигурки. Их задачей было удовлетворение мужской страсти. Понятно, что распалённым мужчинам, получившим такое женское подношение, в этот момент интересны были не руки и ноги, а совершенно другие части тела женщины-куклы. (Фото 15)

Ответ на следующий вопрос, похоже, лежит в той же плоскости. Как вы помните, читатель, это был вопрос о безликости палеолитических статуэток. Интересует ли мужчину во время сексуального действия лицо партнёрши? Думаю, вы согласитесь, что не очень. А коли так, тогда вполне логично предположить, что и первобытные мужчины в этом отношении не сильно отличались от наших современников.

Казалось бы, с безликостью всё ясно, и мы, удовлетворившись таким объяснением, можем перейти к следующему сюжету. Но настораживает одно обстоятельство. Дело в том, что не у всех фигурок просто отсутствует лицо. Веныры, найденные в Виллендорфе, Дольни Вестонице, Парабите, Костенках, имеют достаточно проработанные и детализированные личные покровы.

Может быть, эти фигурки копируют настоящих женщин. Мы же знаем, что древние женщины скрывали и, возможно, чем-то закрывали свои лица. Правда, они скрывали лица в будничной жизни, от мужчин

своего рода. Для праздника полов вряд ли подходят копии будничных женщин. Да и не сочетается эта будничность с призывной открытостью всего остального. Неужели брачный обряд нуждался в закрытом лице женщины, и фигурки копируют брачующихся женщин?

А, может быть, древние художницы, соревнуясь в мастерстве, попросту украшали фигурки? Нет, люди первобытного общества были предельно правдивы в изображении действительности. Нанесение покровов на лица статуэток не могло быть ни украшательством, ни воплощением фантазии, ни выражением иносказания. Первобытное творчество было сугубо функциональным. Но если требовалось закрывать лицо женщине-кукле, то, тем более, требовалось закрывать его настоящей брачующейся женщиной. Зачем?

Да, уважаемый читатель, мы, видимо, столкнулись с серьёзной проблемой. А раз так, нам не остаётся ничего другого, как прибегнуть к испытанному способу выявления истины. Нам следует поискать ключ к неожиданно вставшей на нашем пути загадке в специфике общественных отношений того времени. Разумеется, прежде всего нас интересует брачный ракурс общественных отношений.

В первобытном коммунистическом обществе обобществление имело всеобщий характер. Обобществлён был и человек. В сущности, человека, личности не было в ту далёкую пору. Род представлял собой обезличивающий своих членов коллектив. На брачную поляну выходили не люди в современном понимании этого слова, а, скорее, подобные одна другой единицы общностей-монолитов. В сексуальные связи вступали, разумеется, отдельные люди. Но брак, который ни в коем случае нельзя сводить к сексуальным связям, являлся взаимодействием двух безличностных родовых организмов. В этом заключается сущность первобытного брака, который по форме был групповым. Всё то, что происходило во время брачных игр, включая сексуальный апофеоз обряда, являлось в высшей степени общественным делом и включало малейшие проявления индивидуализма. Если бы было иначе, мы вели бы разговор не о первобытности, а о значительно более позднем периоде истории¹.

Однако в монолитной сплочённости и обезличенности брачующихся сторон могла быть пробита брешь, могла вспыхнуть искра индивидуализма.

В предыдущей главе мы говорили о взгляде, прежде всего, женском. Как вы думаете, что должны были излучать глаза женщины, пришедшей на брачную сходку? По всей вероятности, готовность к определённому действию, интерес к мужчинам, необходимую при осуществлении

выбора внимательность. Вряд ли стоит объяснять, что могло бы случиться, если бы такой взгляд был перехвачен каким-либо мужчиной. Первобытный мужчина наверняка не смог бы устоять перед соблазном откликнуться на таящийся в женских глазах пусть осторожный и пассивный, но, тем не менее, сексуальный позитив. Достаточно было одной такой искры, чтобы воспламенить брачную сходку. Не трудно представить, к чему в считанные мгновения привела бы инициированная всего лишь одним перехваченным взглядом цепная реакция. И это — в условиях, когда мужчины численно превосходили женщин. От женского выбора, дуально-родового порядка, наконец, от социальности не осталось бы камня на камне.

Как можно было предотвратить такую, без всякой натяжки, социальную катастрофу? И кто это должен был сделать? Мне представляется, что эта задача имеет единственное решение. На линии взгляда должна была быть поставлена преграда. И эту преграду должна была поставить женщина. Причём, закрывая своё лицо, она должна была оставить небольшие отверстия, щели или какие-либо прорехи для наблюдения и осуществления выбора. Как раз такие маски мы видим на лицах некоторых венер. Имеется и более мягкий вариант решения задачи. Женщина могла участвовать в брачном обряде с наклонённой головой, исподлобья, незаметно для мужчин наблюдая за ними. Такому варианту соответствуют статуэтки со склонёнными головками. Впрочем, как показывает одна из последних находок (я имею в виду статуэтку из Холе-Фельс), венера вообще могла не иметь головы. Какой вариант мог быть реализован, зависело от местных условий и сложившихся традиций. (Фото 16)

Таким образом, механическая блокировка женского взгляда, представлявшая собой материализацию первобытной тотальной обезличенности, давала возможность нормально, без эксцессов провести брачный обряд. Женщина первобытного общества была обезличена, как в прямом, так и в переносном смысле, не только в обыденной жизни, но и в процессе соединения полов.

История не оставила нам свидетельств насчёт того, куда были устремлены во время брачного действия мужские взгляды. По идее на брачной сходке и мужчины не должны были в упор смотреть на женщин и даже обмениваться взглядами друг с другом. На них ведь тоже должен был распространяться свойственный первобытности принцип обезличенности. Глаза и взгляд — это «паспорт» индивида. В «беспаспортном» обществе социального равенства открытый взгляд должен был быть подавлен монолитом обезличивающего всех коллективизма. Так ли это было в действительности? Если история умалчивает о потупленных взорах мужчин, в том числе и на брачной поляне, то этнография даёт нам,

¹ См.: Семёнов Ю. И. Происхождение брака и семьи. — М., 1974, стр. 158–159.

как мне представляется, важнейшую информацию по этому вопросу. Оказывается, у ряда отставших в развитии народов под запретом находятся не только межполовые встречные взгляды, но и взгляды мужчин, направленные друг другу в глаза¹. Так что в древности и мужчины, возможно, участвовали в брачном обряде с отведёнными в сторону глазами.

Что касается женщин, они прятали лицо и отводили взгляд не только в процессе отбора мужчин, но и, что очень вероятно, во время сексуального контакта. Почему я так считаю? Во-первых, обезличенность не могла быть избирательной, обязательной в одном общественном действии и необязательной — в другом. Являясь атрибутом первобытного строя, она должна была иметь место во всех проявлениях общественной жизни (а частной тогда просто не было), в том числе и в непосредственном соединении мужчины и женщины. Во-вторых, кроме логики и внешнего облика статуэток, в нашем распоряжении имеются и свидетельства практического толка. Поразительно, но даже в новое время и в наши дни в странах Персидского залива и на Балканах блюдущие традиции женщины вступают в интимную связь со своими мужьями только с закрытыми лицами². Дыхание древности ощущается и поныне.

Казалось бы, что можно выжать из отсутствия лица у древней статуэтки. Однако, если даже к «пустому месту» подойти комплексно и исторически, оно сможет рассказать немало интересного.

«Мелочь», от которой мы отмахнулись, наблюдая за встречами женщин-сорок и мужчин-ящериц, и в которой позже мы распознали какие-то нахлобученные на глаза шапочки, оказалась не авторским вымыслом, призванным придать рассказу занимательность, а реально существовавшим в древности важнейшим и эффективным средством нормализации брачного процесса. В работе исследователя вообще не должно быть мелочей.

Из вопросов, поставленных в первой главе, без ответа остался лишь один, касающийся женских атрибутов древних статуэток. Думаю, что о причинах выставления напоказ привлекательных для мужчин элементов женского тела после всего сказанного не стоит и говорить. Сексуально-отказное и сексуально-удовлетворяющее назначение фигурок исчерпывающе объясняет эту главную, и я бы сказал, целевую особенность их внешнего облика.

Завершая рассмотрение внешнего облика венер, не могу не заметить, что некоторые из них не безлики. Таковы, например, фигурки, найденные на сибирских стоянках Мальта и Буреть. К этой же кате-

гории, видимо, относятся и женские головки, обнаруженные в Бальци Росси (Италия), Брассанпуй (Франция) или Дольни Вестонице (Чехия). Почему же эти фигурки не укладываются в канон, на обоснование которого мы затратили столько сил? Может быть, они не являются знаками сексуального отказа? Да, это, может быть, именно так. Эти фигурки, возможно, знаменуют собой начавшееся уже тогда, приблизительно двадцать тысячелетий назад, отделение от сексуально-отказного назначения статуэток функции оберега. Через тысячелетия этот знак дорастёт до божества. Но эту тему мы поднимем одной из последующих глав.

Рассматривая древний брак, мы сосредоточили всё своё внимание на его основной и соответствующей устоям первобытного общества дуально-родовой разновидности. Но сексуальные связи в то время осуществлялись и в более архаичной, постепенно сдающей свои позиции оргиастической форме. Такие связи также были в известной мере упорядочены. Дело в том, что в оргиях, как и в дуально-родовом брачном обряде, численный перевес практически всегда был на стороне мужчин. Именно поэтому упорядоченность и была необходима. Как были организованы оргиастические связи? Думаю, что в принципе так же, как и общение между двумя находящимися в брачном союзе родами. В оргиях также имел место групповой охват, использовались те же отказные методы и средства и дело происходило, скорее всего, на той же самой поляне. Древнейшие, ещё животного производства отказные куклы являются тому доказательством. В дальнейшем мы коснёмся древнейшей, дочеловеческой истории сексуального отказа.

Ранее мы заметили, что, кроме дуально-родового и оргиастического, в древности существовал ещё один тип половых связей. В рамках этого — третьего — типа сексуальное удовлетворение могли получить даже мужчины, постоянно отвергаемые женщинами, как при дуально-родовом брачевании, так и в оргиях. Что же это за сексуальные связи? Чем они обусловлены?

Такой тип связей восходит к древнейшему половому экспедиционному промыслу и в известном смысле представляет собой противоположность дуально-родового и оргиастического соединения полов. Эта противоположность состоит в том, что при соединении третьего типа группа женщин численно превосходит группу мужчин. Такое соотношение полов складывалось, когда небольшая группа мужчин, промышляя на значительном удалении от стоянки, сталкивалась с женщинами другой родовой организации, не являвшейся брачным партнёром рода мужчин-экспедиционеров (в редких, если не в редчайших, случаях аналогичная диспропорция могла возникнуть при дуально-родовом брачевании и в оргиях).

¹ См., например: Крайнович Е. А. Нивхгу. — М., 1973, стр. 266.

² Жена разводится после попытки мужа посмотреть на её лицо // URL: <http://lenta.ru/news/2008/05/19/divorse/>.

Встреча нескольких пришлых мужчин и местных женщин вполне могла перерасти в сексуальный контакт (на этот счёт имеются этнографические свидетельства)¹. Но поскольку в таком действии участниц было больше, чем участников, мужчины должны были отказывать каким-то женщинам.

Мужской отказ во всём, кроме одного, должен был быть аналогичен женскому.

Во-первых, он, как и женский, обязательно требовал овеществления. Вещь, вручаемая женщине, не могла быть тяжёлой, громоздкой и неудобной при переноске на большие расстояния. Эта вещь должна была (а вдруг представится случай) постоянно находиться у мужчины, но только не в руке. В длительном походе руки необходимы для других дел. Миниатюрное изделие удобнее всего было носить на шее (или, что менее вероятно, на поясе), и поэтому в нём, скорее всего, должно было иметься отверстие для шнура.

Во-вторых, отказная вещица должна была блокировать потенциальную женскую конфликтность, обусловленную недостатком мужчин.

В-третьих, предмет, вручаемый женщине, призван был доставить ей сексуальное удовлетворение.

Единственное отличие мужского отказного средства от женского состояло в том, что вручаемая женщине вещь должна была быть для неё эквивалентом мужчины, а не женщины, как это было при женском отказе.

Как вы думаете, уважаемый читатель, что из археологических находок подходит под такое описание палеолитического... фаллоимитатора? Да, ничем другим мужской отказной предмет быть не может. Вы, конечно, слышали о древних фаллоимитаторах. В принципе я не открываю ничего нового. Разве что мы с вами заглянули в такие глубины истории, в какие ещё никто до нас в поисках подобного приспособления не заглядывал. Видимо, одними из самых вероятных кандидатов на роль мужского отказного средства являются, например, так называемые птички из сибирской Мальты. Присмотритесь к ним внимательно. (Фото 17)

Возможно, в интересующее нас время мужские вещи-отказы уже утрачивали своё первоначальное назначение и постепенно превращались в обереги. К тому же с ходом времени удельный вес периферийного полового промысла падал, а дуально-родового брачевания — возрастал. Мужской отказ, уходящий своими корнями в глубокую архаику, становился всё более редким явлением.

Дело регулирования взаимоотношений полов всё более сосредоточивалось и в конце концов практически полностью сосредоточилось

в женских руках. В мужских же руках при этом оказывались сексуально-отказные куклы. Вручение их «лишним» мужчинам, как мы выяснили, было абсолютно необходимым. В то же время вручения кукол было вполне достаточно для упорядочения половых отношений и обеспечения нормального течения жизни. Сексуально-отказная кукла, без всякого сомнения, представляет собой величайшее «изобретение» наших далёких предков. Вряд ли можно переоценить роль и значение этого миниатюрного эротического изделия. Если бы оно не появилось, наверняка не было бы и человечества.

Совершив с помощью «машины времени» путешествие в древние Костенки, мы с вами, уважаемый читатель, стали свидетелями брачного обряда, необходимым компонентом которого было использование миниатюрных эротических фигурок. Таким образом, без особых усилий нам удалось выяснить назначение палеолитических венер. Но мы доказали их сексуально-отказное назначение, что называется, на кончике пера. Ведь наше путешествие было мысленным. Теперь неплохо было бы подтвердить наши выводы живой практикой. Где мы её возьмём? Об этом и о самой практике, после подведения основных итогов главы, вы узнаете из последующих глав книги.

1. В этой главе, рассматривая дуально-родовой механизм в действии, мы попытались воспроизвести цепь событий древнего брачного обряда. Её важнейшим звеном, в плане выяснения назначения венер, оказалась встреча относящихся к разным родам мужчин и женщин. В подавляющем большинстве случаев женская группа по своей численности значительно уступала мужской. Мы указали на причины такой диспропорции.

Ранее исследователи не обращали внимания на эту «мелочь», оказавшуюся ключом к решению загадки венеры каменного века.

2. Количественное несоответствие брачующихся мужчин и женщин таило в себе немалую опасность. Более того, оно несло в себе угрозу существованию человечества.

Чтобы избежать катастрофы, женщины должны были решить триединую задачу. Женщинам, во-первых, необходимо было отобрать — в соответствии с критерием своего времени — мужчин для сексуальной связи, во-вторых, требовалось в зародыше погасить обусловленную их недостатком мужскую конфликтность и, в-третьих, надлежало сексуально удовлетворить отстранённых от реальных половых связей «сверхкомплектных» мужчин.

Человечество в лице женщин блестяще выполнило, казалось бы, невыполнимое. Спасительным средством — единственно возможным из множества вариантов! — стала сексуально-

¹ См.: Семёнов Ю. И. Происхождение брака и семьи. — М., 1974, стр. 132–137.

отказная кукла. На протяжении многих тысячелетий она являлась атрибутом как дуально-родовых брачных сходов, так и внутриродовых оргий.

3. Анимистическое мировоззрение наших далёких предков заставляло их видеть в кукле живого человека, женщину. Для женщин кукла была одной из сестёр, для мужчин — полноценной женщиной.

Таким образом, благодаря особенностям психики первобытного человека, камень, кость или дерево в форме миниатюрной и стилизованной фигурки оказались призванными выполнять ряд важнейших общественных функций.

4. Назначение венер позволило нам ответить на вопросы, касающиеся внешнего облика статуэток. Но мы не только объяснили, почему фигурки имеют небольшие размеры, почему у них редуцированы конечности и почему они столь эротичны. Одна из внешних особенностей статуэток помогла нам реконструировать весьма существенную деталь древнего брачного обряда. Безликость статуэток поведала нам о безликости и обезличенности участвовавших в брачном обряде женщин.

5. Наряду с дуально-родовым и оргиастическим соединением полов в древности практиковался и третий тип сексуальных связей. Коренным его отличием являлось обусловленное избытком женщин использование мужчинами своего, специфического отказного средства. Это средство было симметрично женскому. Возможно, мы указали на самый древний, из известных, фаллоимитатор.

6. К выводу о сексуально-отказном назначении венер мы пришли, разумеется, опираясь на артефакты, логическим порядком. Отделённые от наших палеолитических предков огромной толщей времени, мы не могли непосредственно наблюдать отказное применение статуэток.

Теперь, чтобы сделать предложенную трактовку абсолютно неуязвимой, мы должны опереться на живую, реальную и потому доступную исследователю практику. Такая практика имеется. Большая часть нашей дальнейшей работы будет разворачиваться в практическом русле.

ГЛАВА IV

ЭВОЛЮЦИЯ ЖЕНСКОГО БРАЧНОГО ОТКАЗА

Обычаи, традиции, обряды исключительно живучи. Истоки многих из них исследователи нащупывают на удалении в сотни и тысячи лет от нашего времени. Но может ли какой-либо обычай или обряд, разумеется, в корректируемом историей виде, существовать десятки тысячелетий? Может ли кукла в качестве отказного средства дожить до наших дней? И, если она сохранилась, где её следует искать?

За десятки тысячелетий отношения полов претерпели кардинальные изменения. Отошли в прошлое брачные экспедиции с их сиюминутным общением мужчин и женщин, разрушению подверглись некогда разделявшие полы перегородки, групповой брак сменился моногамным, появился институт сватовства... Но остались женщины и мужчины, остался выбор мужчин, остался женский по своей сути отказ. Со становлением нового типа взаимоотношений полов выбор и отказ были перемещены из действия, разворачивавшегося на брачной поляне, в процедуру сватовства, а право выбирать и отказывать было передано родителям невесты. Именно здесь, в обряде сватовства, следует искать, возможно, ставшую в наше время простым символом, куклу. Если она будет обнаружена, причём обнаружена в отказном качестве, мы докажем её сексуально-отказное назначение в древности. Только бы удалось её обнаружить...

Признаюсь, что начиная свои исследования, я втайне надеялся на такой подарок. Однако, будучи реалистом, больше рассчитывал найти в традиционных обрядах лишь какие-то рудименты древней секс-куклы, её производные или фрагменты. Забегая вперёд, скажу, что таковые, и в огромном ассортименте, не заставили себя ждать. Но что сразу же, без каких бы то ни было усилий и не в далёкой Амазонии или у австралийских аборигенов, а здесь, у нас, под боком будет обнаружена настоящая отказная кукла, я никак не предполагал. Как говорится, действительность превзошла все ожидания.

На поиски первой своей куклы я затратил буквально пару минут. Едва в строку поиска были введены слова «жених», «сватовство», «кукла», «отказ», на экране компьютера возникли материалы известного этнографа А. К. Супинского, которому полвека назад удалось «подсмотреть» за незадачливым женихом, потерпевшим при сватовстве полное фиаско. Посмотрим и мы, как проваливали экзамен

на зрелость парни Череповецкого района Вологодской области. Вот что записал исследователь со слов жительниц деревни 2-й Большой Двор: «Если же жениху отказывали, и сваты возвращались ни с чем, наступали самые неприятные для жениха дни. В первую же ночь девушки всей деревней ставили перед «лазейкой» (дверь, ведущая с крыльца в сени) высокую жердь, к которой подвешивали соломенную куклу с льняными волосами, одетую в тряпье. Жениху ставили перед дверями столько жердей, сколько отказов он получил при сватовстве. Иногда жердь не ставилась, и куклу привязывали к скобе «лазейки»¹.

Вы представляете, читатель, это же отголосок палеолита в СССР середины XX века (данная запись сделана в 1949 году)! Кукла в своём древнейшем качестве сохранилась спустя, по крайней мере, два десятка тысячелетий после своего «изобретения». Настоящую, действующую отказную куклу, оказывается, можно подержать в руках. Поистине не надо никакой машины времени.

Понятно, что современная кукла не столь универсальна, как её первобытная предшественница. В наше время она уже не является объектом сексуального действия мужчины и не служит инструментом устранения мужской конфликтности. Развитие общества и человека сузило поле применения прежней палочки-выручалочки до осуществления с её помощью лишь функции женского отказа (заметьте, именно девушки в вологодской деревне выполняли отказную миссию).

Перед нами предстала соломенная кукла. Пусть вас не смущает это обстоятельство, читатель. У нас есть основания предполагать, что в глубокой древности венеры изготавливались не только из камня, кости или слежавшегося мела, но и из более нежных, растительных материалов. Конечно, такие куклы не дожили до наших дней. Что касается более близкого к нам времени, и об этом можно говорить совершенно уверенно, с освоением земледелия отказные соломенные куклы становятся едва ли не самыми распространёнными. В дальнейшем соломенные куклы земледельческого периода окажутся в центре нашего внимания. (Фото 18)

Увы, кукла Супинского оказалась единственной. Ни поиски в Интернете, ни штудирование литературы, ни наведение справок в Этнографическом музее не дали ни одного положительного результата. Что делать в такой ситуации? Единственный факт — не доказательство. И тут я вспомнил о докторе Покровском, который во второй половине XIX века собирал, и, надо сказать, весьма успешно, интересующий

его «детский материал» по переписке. А что, если и мне, для поисков материалов по брачному обряду, воспользоваться проверенным методом? Через несколько дней я составил довольно объёмный опросник и, в отличие от Покровского, корреспондентами которого были в основном сельские учителя и приходские священники, попросил помощи у своих студентов. Студенты, в свою очередь, отправили мои вопросы своим бабушкам и дедушкам с просьбой не только откликнуться, но и собрать интересующую меня информацию у своих пожилых знакомых и родственников. Письма разошлись по всей стране.

Первая ласточка прилетела через неделю. Бабушка и прабабушка одной студентки вспомнили, что в их молодые годы в деревнях Милюково и Николо-Раменье и селе Белом Рыбинского района Ярославской области в случае отказа при сватовстве отвергнутому жениху вручали куклу из льна или кудели. Так у вологодской куклы появилась ярославская «сестра».

А затем информация пошла потоком. Среди многочисленных отказных средств кукла занимала далеко не последнее место. Думаю, сейчас нет смысла перечислять все выявленные случаи использования куклы в качестве знака брачного отказа. Для введения в научный оборот новых данных потребуется специальная публикация. Привлеку ваше внимание, уважаемый читатель, лишь к одному, как может показаться, необычному случаю. Оказывается, в Нижегородской области, где наряду с соломенной куклой бытовала и деревянная (местные жители называли её голышом), преподнесённые женихам-неудачникам отказные изделия сразу же сжигались. Почему? Запомните этот факт. А на поставленный вопрос мы ответим в одной из последующих глав¹.

Со времени венер мир изменился до неузнаваемости. Однако, как десятки тысячелетий назад, и в новейшее время кукла по-прежнему принимает участие в женском отказе. Примитивное изделие давно уже не является «сестрой» женщины. На каком-то повороте истории кукла

¹ Приведённые случаи использования отказной куклы обнаружены моими студентками Александрой Васильевой и Кирой Егоровой. Выражаю им и их информаторам Л. К. Васильевой, Н. В. Колчановой и А. С. Удаловой свою искреннюю благодарность. Я также признателен своим корреспондентам и их информаторам, пополнившим мой архив ценнейшими материалами, которые будут использованы в дальнейшем. Особо я благодарю Анну Маришкину, Ольгу Маслакову, Анастасию Никулину, Любовь Соколову, Светлану Урванцеву, М. М. Васильеву, М. Я. Жук, Г. И. Зайцеву, М. И. Короткову, Р. М. Короткову, О. В. Медведеву, Е. Н. Яковлеву, Давида Васкеса (Колумбия), Пабло Рохаса Касаллери (Испания), Рональдо Менендеса (Куба), Франсиско Симоне Нето (Бразилия). Самые добрые слова благодарности я адресую изготовившим реконструкции народных кукол мастерицам «Сибирской медведицы» (Новосибирск) Н. Ларионовой, Е. Коршуновой, В. Кранц, В. Скорняковой, а также Э. Губайдуллиной. Их работы представлены на фото в гл. I, IV, VII.

¹ Супинский А. К. Обряды, игры, забавы молодёжи в Яргомжском сельсовете Череповецкого района Вологодской области. — URL: www.booksite.ru/fulltext/3_ch/ere/pov/ets/14.htm.

потеряла свою эротичность. А от полного набора функций палеолитической вены у современной куклы осталась лишь одна — отказная. Но разве отказ теперь нуждается в кукле? Человеку нового и новейшего времени можно отказать и без какого бы то ни было подношения. Но тем не менее кукла жива. Её участия в брачных делах требует обычай. Обычай и традиции ведь исключительно живучи. Не обладай они таким свойством, наше заключение о сексуально-отказном назначении палеолитических венер осталось бы всего лишь логически выдержанной гипотезой. А так, соединив историческую логику (и, разумеется, опираясь на данные этнографии) с современной практикой, мы получили право говорить о формировании начал теоретической концепции.

Как уже говорилось, кукла представляет собой лишь одно из многочисленных средств современного брачного отказа. Но если родство современной куклы с древней веной не вызывает сомнений, то спрашивается: что роднит с палеолитической фигуркой другие, на первый взгляд, совершенно не связанные с ней отказные предметы? А ведь, наверное, что-то роднит. Иначе различные предметы не служили бы исполнению одной функции. Таким образом, уважаемый читатель, вырисовывается направление нашего дальнейшего поиска. Нам не остаётся ничего другого, как заняться установлением родства членов исключительно пёстрого отказного множества с древним эквивалентом женщины, с сексуально притягательной палеолитической веной.

Как вы считаете, что общего между репой, корзиной, веником, деревянным клином, блином, бороной, мутовкой (этой палочкой, сделанной из сосновой верхушки, в деревне взбивали масло и размешивали негустое тесто), осколком горшка и вилами? Я перечислил лишь малую часть из известных на сегодня знаков брачного отказа. Да, всё это — знаки отказа. И поэтому все они — родственники. Поэтому от всех этих предметов должна тянуться ниточка к откровенной древней статуэтке, к сексуальному удовлетворению мужчины. Все эти предметы должны быть каким-то образом связаны с женской телесностью. Возможно ли такое? И если да, то как установить родство репы, веника или керамического осколка с палеолитической женской фигуркой?

Трудная нам выпала задача? Оказывается, не очень. Её решение мы найдём в истории брачного отказа. Немного забегаю вперёд, скажу, что, окинув взглядом всю эволюцию овеществлённого брачного отказа и обнаружив в ней ряд последовательных ступеней (их, без претензий на периодизацию, будет выделено шесть), мы легко уловим недоступный для понимания при внеисторическом подходе смысл вручения и репы, и бороны, и всего прочего, перечисленного в предыдущем абзаце, и много-много другого.

В этом нам поможет... мужчина. У него мы выясним, что в сексуальном плане ему интересно и привлекательно в женщине. А когда по выявленным направлениям мужского сексуального интереса мы станем, двигаясь по оси времени, раскладывать, на первый взгляд, совершенно разнородные отказные предметы, вы увидите, уважаемый читатель, что стоящая перед нами задача решена. Её решение мы начнём с выявления направлений мужского интереса к женщине.

Итак, что же волнует сексуально озабоченного мужчину? Во-первых, это женщина как таковая, во всей её красе и целостности, во-вторых, выступающие женские формы, грудь и ягодицы, и, наконец, в-третьих, низ живота женщины с расположенным там щелеобразным объектом сексуального действия (кстати, русское слово «женщина» или, к примеру, французское «une femme» по-древнешумерски обозначалось следующим образом: ∇).

Правильность данной классификации мужских сексуальных интересов вы можете проверить, рассматривая росписи на стенах тамбура пригородной электрички или, скажем, общественного туалета, разумеется, мужского. Мне «посчастливилось» изучать мужскую классификацию женских «достопримечательностей», что называется, без отрыва от производства, в университетских аудиториях, на крышках столов, разрисованных многими поколениями студентов. (Фото 19)

Той же классификации подчинён и ассортимент «мужских игрушек», предлагаемых секс-шопом. Спрос, как известно, рождает предложение. Это предложение на прилавках магазина с ярко-розовой дверью совершенно чётко распадается — в полном соответствии с локализацией мужских сексуальных интересов — на три семейства. Первое составляют различные куклы, во втором представлены кукольные выпуклости, прежде всего, бюст, в третьем — разнообразные вариации генитальной зоны. Ни малый размер некоторых «игрушек», ни фрагментарность изделий нисколько не претят сексуальным вкусам современного мужчины и не мешают его сексуальному удовлетворению. (Фото 20)

Своей небольшой величиной изделия из секс-шопа перекликаются с миниатюрными венерами. В плане возбуждения, вызываемого сексуально выразительными миниатюрами, мужчина нашего времени и его первобытный собрат выказывают полнейшее сходство.

Что касается восприятия фрагментов женщины-куклы, то и здесь древний и современный мужчина совершенно не отличаются друг от друга. Откуда я это взял? Почему я утверждаю, что и в глубокой древности мужчины удовлетворялись «частичными изделиями»? У вас ведь возникли такие вопросы, читатель? Отвечу. Я утверждаю так на основании исторических данных. Между прочим, мы дважды

затронули вопрос о частях женщины-куклы, в первой и третьей главах. Вы помните, я заметил, что некоторые палеолитические фигурки намеренно разбивались. Тогда мы взяли этот факт на заметку. Пришло время о разбивании венер поговорить подробнее.

То, что фигурки в значительном количестве намеренно разбивались, у специалистов давно уже не вызывает никаких сомнений. Интересно, как они разбивались. Известный археолог П. П. Ефименко отмечает: «Чаще всего маленькие фигурки раскалывались двумя последовательными поперечными ударами на три части — во-первых, головку, во-вторых, верхнюю часть торса с грудью и, наконец, нижнюю часть фигурки — от поясницы»¹.

Что же дальше происходило с разбитыми фигурками? Может быть, они выбрасывались? Отнюдь. Части фигурок так же тщательно хранились, как и целые венеры. Как можно трактовать дробление фигурок и хранение их частей? Исследователи, исповедующие фантазийные представления о назначении венер, разумеется, не в состоянии объяснить столь варварское отношение к «произведениям искусства» и «предметам почитания» и бережливое — к их останкам². Ну а мы с вами, уважаемый читатель, зная, для чего служили венеры и как они использовались (и имея представления о мужском отношении к «частям целого»), прекрасно понимаем, что таким бесхитростным способом первобытные женщины просто-напросто пополняли свой отказной арсенал.

С некоторого времени этот арсенал стал распадаться на три части. Одну составляли целые фигурки, вторую — их верхние части с грудью, третью — фрагменты, главным достоинством которых была генитальная зона. Как видим, три семейства современных «мужских игрушек» имеют глубокие — палеолитические — корни. Мужчина на протяжении всей человеческой истории остаётся мужчиной. Что касается головок, они, возможно, отбивались за ненадобностью (согласитесь, головка на торсе как объекте вожделения представляет собой явное излишество) или на всякий случай (поскольку головки хранились, не исключено, что они порой шли в дело в качестве выпуклостей). По крайней мере, мы можем так предполагать.

Разумеется, обладательницы первобытного сознания пришли к разбиванию фигурок не логическим порядком. Этот процесс имел стихийный, случайный характер. Скорее всего, отправляясь на брачную сходку и испытывая нехватку целых фигурок, женщины вынуждены были брать с собой повреждённых, но хранимых ими «сестёр». А может быть,

они захватывали с собой и производственный брак. Женщины видели, что мужчины вполне могут довольствоваться частью вместо целого. И тогда они стали специально разбивать статуэтки на части, стараясь отделить сексуально привлекательный для мужчин верх от не менее приятного низа. (Фото 21)

На этой — второй, характеризующейся фрагментированием кукол — ступени (на первой, более древней, надо полагать, производились и использовались только целые фигурки) от отказных кукол отпочковываются куклы-обереги. Сексуально-отказные изделия, и об этом свидетельствуют их разбивание, уже не рассматриваются в качестве живых существ. Куклы-обереги, напротив, в представлении людей живут и охраняют. В перспективе им суждено превратиться в идолов и богинь. Но об этом мы ещё успеем поговорить. Что касается сексуального удовлетворения отвергнутых мужчин, то оно на данной ступени, думаю, обеспечивается как куклами, так и их частями.

Следующая, третья ступень характеризуется отказными средствами, которые, по сравнению со знаками отказа предыдущей ступени, имеют два существенных отличия. Во-первых, женщины теперь вручают мужчинам не только фрагменты разбитых кукол, но и специально произведённые привлекательные «частичные изделия». Во-вторых, фабрикуемые в это время знаки отказа всё более упрощаются и становятся более условными. Гротескный реализм вытесняется стилизацией и абстракцией. Особенно показательны в этом отношении находки, сделанные археологами на берегах Дона и чешских стоянках¹.

Как и прежде, ассортимент отказных поделок распадается на три семейства. Наряду с куклой в ход идут стилизованные бюсты, становящиеся всё более условными женские треугольники (иначе называемые медальонами) и даже кружки с желобком посередине. Полагаю, что на этой ступени сексуальное влечение к суррогатам женского тела начинает падать. Групповой брак медленно вступает в полосу превращения в свою противоположность. Былая необходимость начинает трансформироваться в обычай. (Фото 22)

Описанные изменения занимают многие тысячелетия. Мы познакомились с ними за считанные минуты и сейчас в нашем погружении в историю брачного отказа стремительно приближаемся и вступаем в эпоху цивилизации. Чем характеризуется эта историческая полоса? На четвёртой ступени знаки отказа полностью утрачивают функцию сексуального удовлетворения мужчины. Более того, люди, мужчины и женщины, перестают понимать и ощущать былую могучую связь между отказными предметами и сексом. В исторической памяти мгла

¹ Ефименко П. П. Костенки I. М. — Л., 1958, стр. 345.

² См. там же, стр. 423–424.

¹ См.: Ефименко П. П. Костенки I. М. — Л., 1958, стр. 424–425.

застилает прежнее отношение к женским подношениям мужчине. Но обычай продолжает соблюдаться. Соблюдаться неукоснительно и бездумно. В это время он приобретает полностью завершённый, иррациональный вид.

Новый, необычный и неожиданный, вид приобретают на этой ступени и отказные предметы. Теперь их, пожалуй, лишь за исключением гости из далёкого прошлого — куклы, не производят специально для обряда брачного отказа. Подношения отвергаемому жениху находят в доме, во дворе, в огороде, в лесу, среди хозяйственной утвари и инструментов. Единственным требованием к новым вещам-отказам является их достаточно приблизительная похожесть на знаки прежних эпох, а в конечном счёте — на женщину и сексуально привлекательные части её тела. Эта генерация отказных предметов представляет собой поколение знаков-аналогов. Аналоги куклы и её интимных мест, будучи звеном единой исторической цепи, по-прежнему составляют известные нам семейства. В первое входят всё ещё бытующая кукла и её подобия, во второе — аналоги женских выпуклостей, в третье — всё чем-то похожее на женский низ и гениталии. Классификация женской привлекательности, «разработанная» древним мужчиной, как и на протяжении прошедших тысячелетий, определяет и очерчивает семейства отказных средств.

На четвёртой ступени слова, которыми, надо полагать, всегда сопровождался брачный отказ, отделяются от подношения. Вещь отходит на второй план и в конце концов в большинстве случаев исключается из отказного действия. Это и понятно. На данном этапе, утратив функцию сексуального удовлетворения мужчины, она уже не является жизненно важной необходимостью. Слова же, выходя на авансцену отказа, приобретают теперь оскорбительное звучание, несут в себе насмешку и издёвку. На историческую вахту заступает строй эксплуатации, угнетения и унижения человека. Мужчина возвышается над женщиной. Теперь получение им, хозяином жизни, отказа от женщины, которая по меркам новой — моногамной — морали по всем статьям уступает мужчине, расценивается как позор.

За четвёртой ступенью следуют пятая и шестая. К этому времени история всё более и более ускоряется, новации, если можно так выразиться, наползают одна на другую и новое не отменяет, а лишь дополняет сложившийся ранее порядок. Отказы двух последних ступеней исторического ряда с определённого времени сосуществуют с отказами предшествующей ступени. Поэтому, рассматривая бытовавшие совсем ещё недавно и дожившие до наших дней отказные предметы (и связанные с ними язвительные идиомы) и распределяя их по семействам, мы имеем возможность сразу охватить три

последние генерации. Но сначала мы должны охарактеризовать заключительные звенья отказной исторической цепочки.

На пятой ступени в качестве отказных средств к аналогам куклы и её определённых частей присоединяются различные производные этих аналогов и самой куклы. Сватам, например, вручаются не только отказные овощи, но и предлагается какое-нибудь приготовленное из них и приправленное острыми словечками блюдо, а вместо куклы в ход идёт сопровождаемый издёвкой пучок соломы.

Шестая, последняя, ступень являет нам своего рода отказной модерн — на арену брачного отказа выходят аналоги аналогов и аналоги производных. В качестве примера этой отказной экзотики я приведу, скажем, пузатые железные чайники (отдалённое подобие женских форм) или совершенно несъедобные, но по консистенции чем-то сходные с отказной пищей субстанции (керосин, скипидар и пр.). На этой стадии оскорбление и унижение приобретают ещё более обидные формы, а вещный модерн (со стороны своей внешности) теряет всякую связь с исходной моделью. Облик отказной вещи лишается последних следов своего прежнего, обусловленного эротичностью женщины, наполнения. Но и время овеществлённого отказа подходит к концу. Растянувшаяся на десятки, а то и на сотни, тысячелетий история женских отказов-подношений мужчине завершается.

Охватив её двадцатитысячелетний отрезок, мы можем эволюцию вещного компонента женского отказа свести к скупой и рельефной формуле. Эта шестичленка будет выглядеть следующим образом: кукла — сексуально значимые фрагменты куклы — специально изготовленные (и стилизованные) женские атрибуты куклы — аналоги женских атрибутов и самой куклы — производные аналогов — аналоги аналогов и производных. При этом кукла, как основополагающий объект вещного набора, сохраняется, разумеется, видоизменяясь, на всём историческом пути, несмотря ни на какие метаморфозы других предметов отказа.

Я понимаю, уважаемый читатель, что моя отвлечённая от конкретики историческая цепочка, особенно в её трёх последних звеньях, несколько затруднительна для восприятия. Сейчас мы исправим положение. Но прежде, чем повернуться лицом к живой отказной действительности и перейти к рассмотрению бытующих в наше время отказных предметов и соответствующих им идиом, я сделаю два замечания. Первое касается источников и литературы, второе — некоторых трудностей, возникающих при определении принадлежности небольшого числа вещных отказов к тому или иному семейству отказного множества.

К источникам следует отнести прежде всего публикации материалов «полевых» наблюдений, разумеется, если они проведены по всем

правилам. К сожалению, их не так уж и много. Основная их часть сосредоточена в различных словарях народных говоров. Понятно, что упоминая о том или другом отказном предмете, словари на первый план выносят речевое сопровождение подношения (кстати, нередко являющееся идиомой). В словарях, если и присутствует описание отказного предмета, то только в самом сжатом, не дающем законченного представления о вещи виде.

Литература, также немногочисленная по интересующему нас вопросу, хромает и на другую ногу. Авторы, пишущие на «отказную тему», вырывая овеществлённый брачный отказ из исторического контекста и основываясь на собственном «здравом смысле», так объясняют семантику отказных предметов, что остаётся только восхищаться полётом их фантазии. Серьёзному исследователю известно, что результат обществоведческих изысканий, основанных на «здравом смысле» и чужающихся исторических корней, только случайно может не иметь в той или иной степени бредовой окраски. С энциклопедическим собранием субъективистской метафизической «мудрости» вы можете ознакомиться, посмотрев работу Е. Л. Березович «Формулы отказов при сватовстве»¹. Правда, при всех, мягко говоря, семантических промахах этого автора, ему надо отдать должное за огромную работу по собиранию рассеянных по источникам и литературе фактов, как и за выявление новых данных в лингвистических экспедициях. Однако, должен заметить, что моё собрание материалов по большинству позиций превышает и значительно превосходит по качеству собранное Е. Л. Березович.

Чтобы не быть голословным, приведу пример, который, кстати, обнажает и причины трудностей, возникающих при определении принадлежности какого-либо знака отказа к одному из отказных семейств. Такими причинами, на мой взгляд, являются, прежде всего, скудость характеристики отказной вещи и пробелы в описании её использования.

В источниках и литературе в качестве вещи-отказа фигурирует гвоздь. Но как он связан с женской сексуальностью и к какой категории отказных средств его следует отнести, при констатации лишь факта использования этого отказа можно только гадать. Не больно проясняет ситуацию и сопутствующая такому отказу идиома «сковать гвоздь». Принадлежность гвоздя-отказа к определённому семейству выясняется только при внимательном его рассмотрении. Оказывается, гвоздь, используемый для отказа, должен быть особым образом

согнут. Эту ключевую для понимания подробность я узнал в с. Нижние Кузлы Пономарёвского района Оренбургской области. Ну а в какое семейство отказных предметов входит «гнутый гвоздь» (так говорят в Оренбургской области), вы, читатель, вскоре узнаете — мы переходим к рассмотрению отказных средств трёх последних генераций (возможно некоторые из этих средств ещё и сегодня встречаются где-то в сельской глубинке).

Эту работу мы начнём с первого, пожалуй, самого малочисленного семейства, заменив его порядковый номер на название. Впредь входящая туда группа отказов будет именоваться семейством куклы. Что же входит в это семейство, помимо его заглавного персонажа?

Самым распространённым отказным предметом семейства куклы, без всякого сомнения, является веник (или голик, как его часто называют). География отказного веника настолько обширна, что все места, где он встречается, невозможно перечислить. Это и центральные области России, и Русский Север, и Поволжье, и Белоруссия. Что же касается следов использования этого отказа, они прослеживаются в Европе вплоть до Испании. Не вызывает сомнений и происхождение веника-отказа. Ведь конструкционно голик представляет собой лишённую одежды куклу, у которой солома заменена на прутья. Не случайно этот аналог куклы местами наделяют женским именем. Например, в Водлозерье, где при неудачном сватовстве в сани сватов старались напихать прошлогодних веников, связку прутьев именовали Анисьей, а сам этот обычай обозначался словами «подложить старую Анисью». Разумеется, для получивших такой отказ это было большой обидой¹. Не менее обидными словами сопровождалось «награждение» веником-голиком и в других местах («навязывать веники», «прицепить веник», «получить голик» и т. д.). (Фото 23)

Интересно, что в некоторых местностях веник, как инструмент и знак брачного разлада, наделялся в представлении людей некой самостоятельной силой, которую надо было или использовать, чтобы расстроить сватовство, или, напротив, — перебороть, чтобы сватовство и свадьба прошли успешно. Так, в Каталонии, желая отказать сватам, по их прибытии в дом девушки там начинали отчаянно подметать пол, чтобы веник гнал пыль на нежеланных гостей². Для достижения противоположного результата веник подвергался всяческому поруганию. Например, в конце XIX в. в Германии и Тироле молодые, отправляясь венчаться, переступали через положенный на порог веник, а в Чехии

¹ См.: *Логинов К. К.* Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья. Обряды, обычаи и конфликты. — М.: Петрозаводск, 2010, стр. 217.

² См.: *Матвеева А.* Чтобы праздник не кончался. — URL: <http://www.tili-testo.ru>.

¹ *Березович Е. Л.* Формулы отказов при сватовстве // Язык и традиционная культура. — М., 2007.

веник бросали под ноги жениху и невесте. В России, в Курской губ. через веник перепрыгивала сваха, а в Пензенской губ. невесты прятали веник как можно дальше, «чтобы он не засорил дела»¹. Разве не чувствуется во всех этих действиях с ближайшим родственником куклы его причастности к брачному отказу?

От другой, цельнодеревянной куклы (часто это было полено в подобии женской одежды) тянется ниточка к отказной колодке. Такая колодка, встречавшаяся в центральных губерниях России, представляла собой палку, украшенную красным кушаком, ленточками и разноцветными лоскутками. На родство колодки с куклой указывает не только её «наряд», но и применение. Например, в Острогском уезде Воронежской губ. женщины как бы в наказание привязывали такие колодки к ногам парней, не женившихся в прошедший мясоед. До нас дошло и соответствующее идиоматическое выражение — «волочить колодку»². Надо полагать, среди «заколоженных» парней было немало «отказников». Тех же, кто не получал отказ, но и не женился, «наказывали» за нерасторопность и увиливание от брака.

Украинский этнограф Н. А. Маркевич описывает малороссийский вариант «заколоживания», кстати, не только парней, но и девушек: «В конце февраля проходит Масленица; женщины волочат колодку, то есть идут по домам и привязывают парубкам и дивкам небольшую колодку к ноге, в наказание за то, что не вступили в брак в прошлый Мясоед. Эту колодку можно снять не иначе, как за некоторый выкуп; на собранные деньги пируют и вместо блинов московских подают вареники со сметаной...». Это наблюдение было сделано в середине XIX века. В дальнейшем мы ещё будем говорить об отступлениях от семейно-брачных канонов и их порицании, как и о переносе отказной семантики на женщин и девушек.

В старое время отказные куклы изготавливались не только из солом, но и из травы, облиственных веточек и различной ботвы. Пучок сухой гороховой ботвы, так называемая гороховина, дошёл до нашего времени как одна из производных куклы. Надо думать, «гороховый отказ» был достаточно распространённым явлением. Иначе он не оброс бы идиомами. В Архангельской области, например, говорили, что парню, получившему отказ, девушка «гороховину повесила»³. Более продвинутым вариантом подобного овеществлённого отказа было вручение отвергнутому жениху венка. Для его изготовления использовались

не только гороховые вершки, но и стебли других растений. Такие отказы практиковались в различных странах Европы.

Другой производной куклы стала её изменённая до неузнаваемости одежда. Дело дошло до того, что в ход пошли, причём в последнее время преимущественно только на словах, армяки, кафтаны и их подобию, наскоро нарезанные из рогожи и даже газеты. Не надо говорить, что таким подношением (или приклеиванием соответствующего словесного ярлыка) жених-неудачник выставлялся на всеобщее посмешище. Так совсем ещё недавно «веселились» в северных областях России.

В конце концов отказная кукла сумела превратиться даже в наряженную бутылку. Случай такого модерна зафиксирован в Печорском районе Псковской области, где принесённая женихом на сватовство бутылка водки обвязывалась невестой платком, поясом или дьянкой (варежкой). Не правда ли, читатель, этот «наряд» (за исключением варежки, которую мы «расшифруем» позже) очень похож на «одежду» колодки? Если же сватовство расстраивалось, и парню отказывали, бутылку, «одетую» при сватовстве, возвращали¹. Разумеется, ни девушка, ни жених, ни окружающие не могли и помыслить, что стеклянная фигурантка неудавшегося мероприятия является последним изданием наверняка хорошо им известной отказной куклы. Что ж, обычаи, сохраняясь, порой изменяются до неузнаваемости.

В следующее семейство современных знаков отказа входят предметы, в конечном счёте сводящиеся к женским выпуклостям. Здесь несомненным лидером является тыква. Поэтому второе семейство по праву следует назвать её именем. Ареал отказной тыквы (или гарбуза, как её чаще называют) огромен. Он простирается от Дальнего Востока и Сибири через всю Европу до Латинской Америки. Этот отказной плод фигурирует в песнях («пишов би я її сватать, так гарбузом пахне»), в кинофильмах, о «тыквенном отказе» знают те, кто никогда не соприкасался с темой сватовства. Значительно и число связанных с отказной тыквой идиоматических выражений и приговорок. Приведу лишь некоторые. Это и «поднести гарбуз», и «покатить гарбуз», и «гарбуза на нос навесить», и, скажем, «забирайте тыквúшку и забудьте про нашу душку».

В качестве брачных отказов в некоторых местностях использовались ближайшие родственники тыквы — арбуз (кавун) и кабачок. Но этой троицей далеко не ограничивается большое семейство тыквы.

¹ См.: Сумцов Н. Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. — Харьков, 1881, стр. 194.

² См.: *Словарь русских народных говоров*. Вып. 14. — Л., 1978, стр. 158; *Круглый год*. Русский земледельческий календарь. — М., 1991, стр. 443.

³ См.: *Словарь говоров Русского Севера*. Т. 3. — Екатеринбург, 2005, стр. 110.

¹ Копонев В. В. Свадебная обрядность русских Печорского района Псковской области // I и II Межведомственные научные конференции аспирантов и студентов. Этнографическое изучение Северо-Запада России (итоги полевых исследований 1996 и 1997 гг. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях). Краткое содержание докладов. — СПб., 1998, стр. 68.

Ближе к северу к недругам сватов присоединяются репа, редька и брюква (кила), также сопровождаемые множеством забористых идиом¹.

Отказные предметы, имитирующие женские формы, можно было найти и дома. Во многих европейских странах в отказных целях часто использовали корзину (в Россию её «привезли» осевшие в Поволжье немцы), а у нас и на Украине достаточно популярными знаками отказа были объёмистые горшки и ковшики. Горшки передавали сватам или осторожно подкатывали, стараясь не повредить хрупкие изделия.

С появлением института сватовства возникает обычай потчевать сватов. Разумеется, если гости были желанны, на стол выставлялось всё самое свежее, вкусное и богатое. Ну а если родители не хотели выдавать дочь за негодного жениха? Почему бы им не сопроводить свой отказ кулинарным подкреплением? Действительно, шанс отведать сватов «пищей со смыслом» не был упущен. Сватам стали предлагать блюда, приготовленные из отказных овощей. Особенно часто в таких случаях на столе оказывалась печёная тыква и репа.

Но это были только цветочки. За производными отказных овощей последовали разнообразнейшие аналоги производных. Главное, чтобы предлагаемое было плохонькой пищей или, в более оскорбительном варианте, имело только лишь пищеобразную консистенцию. Понятно, что есть нечто непотребное или просто принимать такое оскорбление никто не собирался. Сватов старались облить или забрызгать какой-либо жидкостью, налить её за голенища, плеснуть в сани. Отказ сопровождался выкриками и насмешками. Слова часто отделялись от издевательской «материи», приобретали самостоятельное значение, становились идиомами, до сих пор встречающимися в живом языке.

Что же использовалось в этой группе отказов семейства тыквы? Самым мягким оскорблением сватов была предлагаемая им так называемая пустая пища — суп ритатуй (похлёбка из картошки и лука на воде) и не заправленные сметаной или молоком щи, борщ или каша. На следующей ступени иерархии отказов-унижений размещалась совершенно несъедобная гуща (или, как её называли в некоторых местах, опара) — остаток при производстве кваса и пива. Сюда же, видимо, следует отнести и прокисший кефир. Далее следовали уже и рядом не стоящие с едой бут (строительный раствор из глины и песка), скипидар и, в более позднее время, даже керосин. А «отказать» или «получить отказ» при сватовстве звучало соответственно как «накласть опары», «обдать опарой», «налить гущи» или «с опарой воротиться»,

¹ См., например: *Сумцов Н. Ф.* О свадебных обрядах, преимущественно русских. — Харьков, 1881, стр. 185; *Словарь русских народных говоров*. Вып. 35. — СПб., 2001, стр. 23–24.

«приехать с бутом», «поехать со скипидаром» (практически полную, и весьма объёмистую, подборку известных на сегодня идиом этого ряда вам дадут различные словари народных говоров).

Что касается аналогов аналогов сексуально значимых мест куклы-прародительницы, то, как я уже заметил, заменой тыквы, корзины или горшка сравнительно недавно стали вестники века железа — чайники или, скажем, котелки.

Таковы последние генерации второго отказного семейства. Переходим к рассмотрению современного наполнения третьего.

В третье семейство входят те средства овеществлённого отказа, которые ведут свою родословную от низа живота древней отказной куклы. Однако здесь нас подстерегает одна сложность, и обусловлена она непростым «устройством» этого самого низа. Поэтому данную группу вещей-отказов нам придётся разбить, в соответствии с «устройством» объекта, на три подсемейства. Первое из них вберёт в себя предметы, отображающие низ как таковой, второе — отказные средства, являющиеся слепком женского треугольника, третье — всё то, что перекликается с целью мужских устремлений, с половым отверстием.

Первое подсемейство мы назовём подсемейством vareжки. Именно так, за внешнее сходство с этой вещицей в народе зачастую именуют низ живота женщины. Ведь в старое время vareжки изготавливали почти исключительно из меха. Причём значительная часть vareжек шилась мехом наружу. Во многих местах vareжки называли ещё мохнатками, мохнашками, мохнушами. Так называли и называют сейчас и низ живота женщины. И точно так же, и, думаю, не надо объяснять, почему, называли и называют распутную женщину¹. Так что подсемейство vareжки вполне заслуживает данное ему название. Разумеется, vareжка служила и отказным средством, как самостоятельно, так и в комбинации. Не случайно в приведённом мною примере девушка обвязывала бутылку vareжкой. Совершенно не понимая смысла такого обвязывания, она тем самым усиливала звучание своего отказа. Это был, если можно так выразиться, удвоенный отказ. Неудовольствие жених таким образом наделялся «женщиной» (бутылкой) и впридачу к ней — ещё и «низом женского живота» (vareжкой). Если бы бедный парень знал об этом! Кстати, в дальнейшем с vareжкой мы встретимся ещё раз.

Самую нижнюю часть женского торса называют ещё лаптем, валенком, головешкой. Но это — не только ярлыки. Одновременно я перечислил и предметы, вручаемые в случае провала сватовства. Отказам этой группы также сопутствуют разнообразные идиомы.

¹ См.: *Словарь русских народных говоров*. Вып. 18. — СПб., 2002, стр. 309–310.

Интересно, что в идентичных по смыслу идиоматических выражениях с одними и теми же существительными могут соседствовать различные, часто имеющие противоположный смысл, глаголы. Например, лапти можно «сплести», а можно и «расплести», можно «вешать», а можно даже и «есть». Существительное и глагол в подобных выражениях выполняют разные функции. Консерватор-существительное, обозначая собой вполне определённый и, если можно так сказать, неслучайный предмет, служит исторической логике. Склонный к переменчивости глагол, обслуживая актуальные нужды (выражая усмешку, издёвку, оскорбление), служит своему времени и в известных пределах подчиняется людям. Так в идиоматических выражениях соединяются и переплетаются объективная данность и субъективный по своему характеру колорит. История сохраняет в языке идиом главное и позволяет людям, в соответствии с духом эпохи и потребностями дня, манипулировать словами второго ряда. Филологам, занимающимся отказной лексикой, неплохо бы это знать.

Подсемейство варежки включает в себя ещё целый ряд отказных предметов. Но, как и ранее, я ограничусь рассмотрением необходимого, с моей точки зрения, минимума вещей-отказов. Мы ведь занимаемся не накопительством, а выяснением сути исторического феномена, эхо которого звучит ещё и сегодня. Разве что, в добавление к сказанному, упомяну о «модерне» этой группы отказных предметов — ботинке. Такой аналог аналога (лаптя или валенка) получил некоторое распространение в Сибири. Как видим, и подсемейству варежки не чужды новации.

На очереди у нас — следующая группа овеществлённых отказов. В этом множестве явно первенствует мутовка (её другое название — рогатка). Посмотрите на эту кухонную принадлежность, читатель, и вы увидите совершенно недвусмысленную абстракцию женского треугольника (кстати, в вульгарной речи слово «мутовка» используется для обозначения женского стыдливого места). А раз так, будем считать, что с названием второго «низового» подсемейства мы определились, и теперь можем сосредоточить своё внимание на мутовке и её круге. (Фото 24)

Ещё лет пятьдесят назад мутовка имела в каждом деревенском доме, и в любой момент, будучи всегда под рукой, могла использоваться для отвода нежелательного предложения. Этим объясняется и её распространённость в качестве отказного предмета, и довольно широкий ассортимент действий с её применением, и обилие выросших из этих действий идиом. Мутовку старались не только вручить отдёргивающим от неё руки сватам, но и бросали им вслед, привязывали к саням, подкидывали к избе отвергнутого жениха, вешали на стене в помеще-

нии, где собиралась молодёжь, если туда приходил получивший отказ парень. Весть об отказе разлеталась по деревне в виде ёмких, язвительных формул: «дали мутовку», «сделали мутовку», «отмутовили» и «получил мутовку», «с мутовкой уехал» и т. д.¹

Наряду с рогаткой-мутовкой в качестве отказной вещи использовалась и другая рогатка — еловая веточка с раздвоенным концом. Такую рогатку, по имеющимся у меня сведениям, не вручали, а лишь показывали сватам. Впрочем, вряд ли бы они её и взяли².

В старые времена женихи одаривались и увеличенной копией мутовки — бороной-суковаткой (сейчас она продолжает жить в идиомах). Когда же суковатку сменила борода в виде рамы с зубьями, на новую модель, видимо, как это водилось ранее, силой старались усадить неудачника, причём иногда — прямо на зубья. Бороны с песнями, свистом и улюлюканьем таскали по деревне. Это считалось большим позором³. Рама бороны, весьма отличная от треугольника, конечно, уже не несла в себе и подобия эротического воспоминания своей рогатой предшественницы. Но обычай не умирал. В нём по-прежнему фигурировала всё та же и при этом совершенно другая борода. В обычае продолжала бытовать не столько определённая, конкретная вещь, сколько её функция и название. С обычаями случается и такое.

На бороны-суковатки походит сухара (или сушина) — высохшее на корню дерево с отходящими от ствола вверх и под углом сучьями. Этот огромный аналог женского треугольника сваты, не выполнившие свою миссию, могли получить в северных, таёжных краях. Там же, как, прочем, и южнее, отказом могли служить и деревянные вилы, которые в старину имели два или три острия. Трёхрогие вилы, в этом вы можете убедиться в этнографическом музее, представляют собой классический женский знак. (Фото 25)

Из других отказных вещей подсемейства мутовки назову загнутый в виде уголка гвоздь, клин, грествяник (небольшой угловатый камень), деревянный крюк (он представлял собой развилку с неравными рогульками, большая из которых забивалась в стену или привязывалась верёвкой к перекладине). Как видите, уважаемый читатель, все эти предметы так или иначе несут на себе печать заветного треугольника.

¹ См., например: *Русский Север: этническая история и народная культура*. XII–XX века. — М., 2001, стр. 481.

² См.: *Позднякова А. С. Свадебный обряд на Гдовщине (по итогам экспедиции в Гдовский район Псковской области в 1996 г.)* // I и II Межведомственные научные конференции аспирантов и студентов. Этнографическое изучение Северо-Запада России (итоги полевых исследований 1996 и 1997 гг. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях). Краткое содержание докладов. — СПб., 1998, стр. 34.

³ *Русский праздник*. — СПб., 2002, стр. 552–553.

Все они прекрасно вписываются, несмотря на радикальные внешние отличия, в подсемейство мutowки¹. (Фото 26)

Сюда же мы должны отнести и глиняный горшок, но только не тот, который упоминался ранее. Вернее, горшок мог быть точно таким же, но, в отличие от горшка семейства тыквы, этот горшок не подкатывали к ногам сватов, а бросали. Горшок со звоном разбивался, и у ног сватов оказывались... отказные треугольники. Почему-то керамика имеет обыкновение раскалываться в основном на «отказные фигуры». В этом нетрудно убедиться, грохнув какую-нибудь не особо ценную вещь, например, тарелку, об пол. Может быть, вам случалось проводить подобные «опыты», читатель. Правда, «керамический отказ» не всегда и не везде имел столь эпатажный характер. Зачастую сватов выпроваживали вручением уже «готового» черепка.

Подсемейство мutowки, как и все другие группы отказных средств, не лишено момента развития. Поэтому и здесь мы находим определённые нововведения. Так, например, мы можем предположить, что шест и кол появились в ряду вещей-отказов как производные сухары и бороны (для этого ствол должен был потерять сучья), а колун — с внедрением в обиход железа — продолжил линию клина. Впрочем, шест и кол могут иметь и другую родословную. Не исключено, что прежде, чем приобрести самостоятельное отказное значение, они были, если можно так сказать, вспомогательным оборудованием — жердями, к которым привязывали куклу, варежку или, скажем, насаживали репу.

Что касается «модерна» XX века, видимо, и он где-то пробил себе дорогу. Но в этом подсемействе мне пока не удалось обнаружить экзотики типа бутылки или керосина. Может быть, у вас, читатель, есть подобные данные? Буду рад, если вы со мною ими поделитесь.

В знакомстве с ассортиментом отказных предметов нам осталось сделать всего один шаг. Последнюю группу из семейства женского низа мы назовём подсемейством калитки. Под калиткой народное сознание понимает не только отворяющийся вход во двор, но и женское половое отверстие (сравните с китайскими «нефритовыми воротами»). Кстати, именно эта калитка, маскируясь под проход в заборе, фигурирует в различных сонниках. Видеть калитку открытой или открывать её во сне, утверждают сонники, — к счастливому супружеству, видеть закрытой — к отказу на твоё предложение. Как видим, и сонник занимает определённое место в ряду источников по истории взаимоотношений полов.

¹ См.: *Фольклор Тверской губернии*. — СПб., 2003, стр. 8, 31; *Словарь русских народных говоров*. Вып. 13. — СПб., 2002, стр. 297; Вып. 15. — СПб., 2002, стр. 358.

Но есть и ещё одно значение слова «калитка» (именно им обусловлено название данного подсемейства). Так называют открытый пирожок, маленькую круглую или овальную ватрушечку с приподнятыми краями и каким-либо лакомством посередине. Хозяйки по сей день готовят калитки в Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Псковской, Новгородской областях, в Карелии и Финляндии. Когда-то в процедуре брачного отказа это кулинарное изделие и стало заменой той, женской калитки. Народное сознание и в этом случае схватило внешнее сходство столь различных объектов.

За калиткой, как и положено, потянулся целый шлейф устойчивых речевых оборотов. «Наесться калиток» в случае неудачи сваты могли на Северо-Западе и Севере России. А, например, в Кировском районе Ленинградской области «калитками» называли осрамившихся, т. е. не сумевших высватать невесту сватов. О женихах, накопивших немалый опыт отказов, там же говорили: «Сколько раз отказ получил, столько калиток и съел». При этом калитку как кулинарное изделие жених мог так ни разу и не отведать¹. (Фото 27)

Кроме калитки, женский отказ олицетворяли и другие — круглые и небольшие — выпечные изделия: блин, солоник (лепёшка, посыпанная солью), преснуха (та же лепёшка, но без соли). Впрочем, в ряде мест всё это называлось калитками. Из даров природы, тоже благодаря определённому сходству с известным предметом мужского интереса, отказным средством умудрился стать даже рыжик. Не желая выдавать дочь замуж, родители девушки для жениха и сватов, в более позднее время — только на словах, «жарили (или солили) рыжики».

Ну а затем в ход пошли и аналоги аналогов. Например, в Оренбургской области знаком отказа стал чёрствый сухарь. Как и другие группы предметов брачного отказа, подсемейство калитки демонстрирует нам общий для всего отказного множества эволюционный алгоритм.

В движении всего «отказного фронта» мы наблюдаем одну и ту же закономерность. Согласитесь, было бы, мягко говоря, странно, если бы дело обстояло иначе.

Таков в своей эволюции женский овеществлённый отказ. Пройдя вместе с ним путь длиной в два десятка тысячелетий, от палеолитической вены до, подумайте только, чёрствого сухаря, рваного ботинка

¹ См.: *Словарь русских народных говоров*. Вып. 12. — СПб., 2002, стр. 360; *Позднякова А. С. Свадебный обряд Суховской волости Кировского района Ленинградской области* // I и II Межведомственные научные конференции аспирантов и студентов. Этнографическое изучение Северо-Запада России (итоги полевых исследований 1996 и 1997 гг. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях). Краткое содержание докладов. — СПб., 1998, стр. 78.

и прокисшего кефира, теперь, после одного небольшого отступления от «отказной темы», мы можем подвести итоги главы.

На моногамном отрезке человеческой истории брачная процедура растягивается во времени. На смену скоротечному общению полов приходит целая череда ведущих к супружеству событий. На одном из первых мест в этой цепочке стоит сватовство, которое от свадьбы порой отделяют недели и даже месяцы. Если раньше, на заре человеческой истории, женское согласие и сексуальный контакт хронологически были практически неразделимы, то теперь, в новой социальной обстановке, вопрос «быть или не быть?» решается задолго до заключения брака, на сватовстве. Мы, в соответствии с направленностью нашей работы, рассмотрели второй вариант. Что же касается положительного ответа, то теперь, со вступлением в новую эпоху, здесь появляется одна существенная новинка. Ранее опредмеченным был только отказ, и, как мы выяснили, он не мог быть другим. В новых условиях овеществлённым становится и согласие. В таком виде брачующимся сторонам оно видится более весомым. Быть таковым его заставляет всё ещё не вырвавшаяся из объятий прошлого психика человека. Наконец, в выборе вещи-согласия есть, от чего оттолкнуться. Надо лишь для противоположного отказу ответа подыскать противоположный или хотя бы непохожий на отказную вещь предмет.

Сделать это, как показывает практика, совсем нетрудно. В предметном море, окружающем человека, всегда найдётся хотя бы подобие альтернативы отказной вещи. Так, народная смекалка противоположностью мутовки избрала половник, а альтернативой вил — грабли (ими ведь загребают невесту). В Узбекистане, где в качестве вещи-отказа популярна лепёшка («сестра» русской калитки), в знак согласия требовалось, а кое-где требуется и сейчас, разломить её и в таком виде вручить родителям жениха. Аналогичный обычай отмечен в Краснодарском крае. Там невеста в знак согласия должна была разломить булку пополам. Но это — уже более поздний слой в истории согласия, так же, как, скажем, поднесение сватам в Боснии и Герцеговине сладкого кофе (горький кофе наливался в знак отказа)¹.

Согласие на брак, существуя на определённом историческом отрезке рядом с брачным отказом, претерпевает по сути дела те же самые метаморфозы, что и его противоположность. Такое «сходство» мне представляется дополнительным аргументом в пользу изложенного в этой главе взгляда на эволюцию женского отказа.

На этом мы спрашиваемся с одной из его форм. Дальше нас ждёт немало интересного. Но прежде, чем перейти к рассмотрению отказа

в супружестве и любовной измены, мы с вами, уважаемый читатель, подытожим сделанное в данной главе.

1. «Вычислив» назначение палеолитических венер, мы поставили вопрос о подтверждении наших выводов практикой. И что же? Оказалось, что и сегодня, как два десятка тысячелетия назад, кукла по-прежнему используется как средство женского отказа. Жизнь изменилась, отказная кукла переместилась из брачного действия в обряд сватовства. Она потеряла ряд своих важнейших функций. Но обычай всей своей слепой силой всё ещё заставляет женщину в случае нежелания выходить замуж брать в помощницы куклу. Не будь обычай столь жизнестойки, наши логические построения оказались бы не более чем оригинальной гипотезой.

Связав историю и современность, мы вышли на путь формирования теории. Будет ли это теория женского отказа или мы расширим эти сравнительно узкие рамки, покажут следующие главы.

2. Окунувшись в море отказных вещей, мы определили то общее, что роднит их друг с другом и с древней откровенной женской статуэткой. Этим связующим началом является сексуальная привлекательность вещи-отказа для мужчины (сначала абсолютная, затем — с ходом истории и развитием человека — убывающая и в конце концов уходящая полностью). Нами были выделены направления мужского сексуального интереса и по каждому из них образовано семейство отказных предметов.

Таких семейств, согласно мужской классификации женских достоинств, было выявлено три. Ключевым и отправным объектом первого семейства является сексуально привлекательная кукла, второго — её выступающие формы, третьего — генитальная зона.

3. Как и всё в нашем мире, женский овеществлённый отказ подвержен изменениям. Мы выяснили, как эволюционировал знак отказа, представленный в начале своего исторического пути одной только куклой. Эволюция знака отказа была разбита нами на шесть последовательных ступеней, следуя по которым мы обнаружили в конце исторической цепочки отказные предметы и субстанции, казалось бы, совершенно не связанные с куклой, но тем не менее ведущие свою родословную именно от неё, от сексуально привлекательной искусственной женщины.

Так взглянуть на суп ритатуй, отказной керосин, железный чайник или чёрствый сухарь нас заставил (и дал нам такую возможность) абсолютно незаменимый при исследовании

¹ См.: Скарлато Г. Удивительная планета Земля. — М., 1997, стр. 244.

общественных феноменов исторический подход. К сожалению, историзм чужд авторам, пишущим о брачном отказе.

4. Теперь, когда мы распределили предметное множество по семействам и рассредоточили его во времени, разместив те или иные отказные вещи на ступенях эволюции женского отказа, вы, уважаемый читатель, можете заняться... черчением. Думаю, вам не составит труда набросать таблицу (3×6), которая в принципе вместит в себя все без изъятия существующие отказы. Цельный зрительный образ исследовавшегося в этой главе явления будет неплохим дополнением к текстовой последовательности. Признаюсь, при написании главы я пользовался такой таблицей.

5. Женский отказ на протяжении всей истории идёт рука об руку с положительным ответом. Но если в древности овеществлением согласия была сама женщина, то выражающие согласие на брак вещи появились только со вступлением общества в эксплуататорский период истории. Однако и на этом, сравнительно кратком, её отрезке брачное согласие в своей эволюции успело продемонстрировать те же закономерности, что и отказ. Этот факт делает наши позиции ещё более прочными.

Мы лишь коснулись темы женского согласия. Для её более или менее основательного рассмотрения, по всей видимости, следует написать отдельную работу. Главы этой книги могут стать её фундаментом.

ГЛАВА V

СУПРУЖЕСКИЙ И ЛЮБОВНЫЙ ОТКАЗ

Историю и её этапы можно рассматривать в различных ракурсах, с весьма отличных одна от другой точек зрения. На исторический процесс можно взглянуть сквозь призму экономики, а можно во главу угла поставить взаимоотношения общества и природы, можно сосредоточить внимание на совершенствовании техники и технологии, а можно — на развитии материальной и духовной культуры, можно из исторического потока вычленить изменение человека, а можно — эволюцию человеческого труда... Понятно, что выбор ракурса, в котором исследователь наблюдает историческое движение, зависит от поставленных им целей и решаемых им задач.

Мы с вами, уважаемый читатель, взявшись за решение загадки венеры каменного века и достаточно быстро выйдя на сексуально-отказное назначение древних миниатюрных статуэток, «оседлали» половую и семейно-брачную ипостась человеческой истории. И, видимо, вы согласитесь со мной, кое-что наработали по этой части. Сквозь толщу времени мы наблюдали брачный обряд наших далёких предков. Нами прослежена эволюция женского отказа. А добравшись до наших дней, мы обнаружили в обряде сватовства — в виде многочисленных и разнообразных отказных предметов — всё ещё неостывший след давно минувших эпох.

Разумеется, линия женского брачного отказа, а именно она пока была основной в нашей работе, проводилась нами не в безвоздушном пространстве. Там, где это было необходимо, мы старались связать её с линией социального развития, с фундаментальными характеристиками строя, в рамках которого нами наблюдались те или иные половые, брачные или отказные феномены. Однако эта работа пока ещё не доведена до конца. Мы лишь в нескольких точках связали сексуально-брачную и социальную линии. Теперь мы должны связать их по всей длине. Для этого нам потребуется структурировать человеческую историю, в главном охарактеризовать её этапы (периоды) и, если можно так выразиться, вшить половой и семейно-брачный срез истории в общесоциальную канву.

Это будет полезно во всех отношениях и, прежде всего, для того, чтобы исторически оттенить то новое, что приходит в женский отказ с переходом от первобытности к эксплуататорскому общественному

устройству. Ранее в центре нашего внимания находились абсолютно вольная в своём выборе первобытная женщина и легально осуществляющая выбор (через своих родителей) девушка эпохи цивилизации. В настоящей главе речь пойдёт о тайном выборе замужней женщины, о супружеской и любовной измене, об обманутом муже, о наклеиваемых на него ярлыках. Все эти исторические новинки обусловлены принципиально иными, по сравнению с первобытными, социальными отношениями, качественно отличным от коллективистского общественным устройством.

Итак, какова же в самом общем виде история общества? Рассматриваемая с диалектических позиций, а это, на мой взгляд, самая продуктивная методологическая установка, человеческая история состоит из трёх качественно отличных один от другого периодов. Первый, самый длительный, первобытный, характеризуется монолитно цельной экономикой и несобственническими общественными отношениями, коммунистическим коллективизмом, отсутствием эксплуатации, угнетения, унижения и обмана.

Следующий, более короткий, эксплуататорский период (или, иначе говоря, период цивилизации) являет собой в главном противоположность первого (между прочим, периодизация лишь тогда может претендовать на безукоризненность, когда она строится на фундаменте присущего развитию отрицания отрицания). На этом — классовом — отрезке человеческой истории на смену соединению труда приходит его разделение, дезинтегрируется экономика, обособляются производители, возникают и становятся побудительными мотивами человеческой деятельности частные материальные интересы. В разделённом социальными перегородками обществе воцаряются собственнические отношения, накладывающие свою печать на все стороны бытия социума и человека. В это время нормой жизни становятся угнетение, унижение, пренебрежение человеком, сокрытие правды и двойная мораль. Однако при всей своей неприглядности эксплуататорский период истории служит необходимой ступенью в лестнице общечеловеческого прогресса.

Третий, исключительно короткий отрезок человеческой истории, которого мы не будем касаться в этой книге и о котором я упоминаю, что называется, для полноты картины, в содержательном плане воспроизведёт в своих основополагающих характеристиках, разумеется, на неизмеримо более высоком уровне развития, первобытное коммунистическое общество. Незашоренному наблюдателю такую перспективу история демонстрирует уже на протяжении целого столетия.

В ходе человеческой истории один период сменяется на другой не посредством плавного, эволюционного нарастания, а в революционном режиме. Таков объективный алгоритм развития как такового. На стыках

исторических периодов находятся имеющие известную длительность переходные, революционные эпохи. Общественный порядок, переходный от первобытности к эксплуатации и характеризующийся сочетанием их черт, называют строем военной демократии. Современная эпоха, переходная от эксплуатации к новому общественно-экономическому укладу, по сути дела также представляет собой социальную революцию в широком смысле этого слова.

История семейно-брачных и половых взаимоотношений, будучи струёй единого исторического потока, подпадает, и это вполне естественно, под то же самое членение. В наличии такого рельефа интересующей нас ипостаси истории нетрудно убедиться, наблюдая данную линию в её изменении во времени.

Первый этап сексуально-брачного среза истории, соответствующий первобытности, характеризуется групповым браком, экзогамией рода, дуально-родовой организацией и, что для нас особенно важно, свободой женщины и безоговорочной и полной реализацией такой её природной сущностной черты, как способность сравнивать, оценивать и выбирать (и выбирая, без каких бы то ни было общественных ограничений кому-то отказывать). Данный период мы можем назвать эпохой свободного осуществления женского выбора или, несколько заостряя формулировку, женским (что совершенно не означает, что в это время мужчины были хотя бы в малейшей степени ущемлены — полная демократия является демократией для всех).

Период свободы женского выбора, через растянувшийся на многие столетия революционный переход, сменяется, как и первобытность в целом, своей противоположностью. На этом, втором, этапе сексуальной и семейно-брачной истории на место половой демократии заступает моногамия, по существу оказывающаяся не единобрачием, как прямо считать, цепляясь за перевод этого слова, а подчинением женщины мужчине. Мужчина, возвышаясь как собственник и властитель, распространяет, и это закрепляет государство и освещает новая, эксплуататорская мораль, собственнические отношения на женщину. Брак и семья объявляются вечной, существующей с сотворения мира ценностью. Теперь женщина становится женой, а оформившаяся моногамная семья — клеточкой общества и клеткой, куда женщина заключается вместе со своим даром и предназначением выбирать и отказывать. (Фото 28)

С переходом к эксплуататорскому строю женщина превращается в товар, становится предметом, который можно продать, и существом, которое ничего не стоит предать. Отношения подчинения и унижения человеческого достоинства распространяются на детей. Теперь отец, мотивируя свой поступок выгодой, которую сулит брак с состоятельным

женихом, и оправдываясь перед собой заботой о благополучии дочери, без зазрения совести может выдать её замуж за противного ей человека. И взрослая дочь не имеет права даже возразить хозяину дома. В новых исторических условиях женщина — жена, дочь, невестка — должна молчать и подчиняться. И ни в коем случае не смотреть на мужчин. (Фото 29)

Однако дар, данный природой, не способна одолеть никакая сила, будь то отец, муж, закон, религиозные и моральные установления или осуждение окружающих. Но выбор и отказ, чтобы сохраниться, должны отступить, должны уйти в тень, перейти на нелегальное положение. Любовный выбор (любовь существует только на эксплуататорском отрезке истории) и сопутствующая ему отставка собственному мужу теперь осуществляются женщиной в тайне. Реализация женских потенций становится преступлением, именуемым прелюбодеянием. Напротив, аналогичное действие мужчины зачастую даже поощряется обществом. Общественное мнение проявляет терпимость в отношении проституции. (Фото 30)

Если же обнаруживается связь мужчины с девушкой или замужней женщиной, «проказнику» это чаще всего сходит с рук как баловство, вполне допустимое для мужской натуры. Другое дело, когда от повелителя и владельца ускользает его — собственная — жена. Такое неумение держать жену при себе считается большим позором. И общество, в котором принято побивать любого, давшего слабину, незамедлительно начинает обклеивать «простофилю» всевозможными ярлыками и прикреплять к его лбу известное ветвистое «украшение». Но об этом и о женском супружеском отказе мы начнём разговор буквально через пару минут. Сейчас же закончим градуировку сексуально-брачной исторической шкалы. (Фото 31)

На третьем этапе, свидетелями и участниками перехода к которому мы являемся, вновь восторжествует половая демократия. Её ростки в наиболее продвинутых общественных системах уже видны невооружённым глазом. Третий, заключительный период сексуально-брачной истории станет отрицанием своего предшественника — мужского этапа, на протяжении которого женская природа была подмята захватившим верховенство в обществе мужчиной. Однако истоки существования в течение нескольких тысячелетий моногамного порядка надо искать не в происках мужчины, а в диалектике общественного развития, объективно необходимым историческим компонентом которого является строй классовой и половой эксплуатации и дискриминации.

Заключительный период будет характеризоваться полной реализацией женского дара выбирать (и отказывать), изъятием из процесса воспроизводства, как это было и в первобытном обществе, определённой категории мужчин, отсутствием известной нам семьи, созданием

на её месте временных «семейных» ассоциаций, включающих в себя прежде всего женщин и детей, минимальным участием мужчины в воспитании и содержании подрастающего поколения и взятием на себя этих обязанностей обществом. Таким образом, на протяжении современного переходного этапа общество, взятое в сексуально-брачном ракурсе (так же, как и общество в его целостности) подвергнется столь же радикальным изменениям, как и при переходе от первобытного к эксплуататорскому строю.

Осилив третью ступень своего развития, сексуально-брачная сфера завершит череду своих метаморфоз. Что далее? По завершении человеческой истории, что по её меркам произойдёт достаточно скоро, помы (и связанная с ними сфера жизни общества), выполнив свою историческую миссию и будучи замещёнными более прогрессивным средством эволюции, прекратят, как и всё, когда-то появившееся в нашем мире, своё существование. Но это уже — тема совсем другого исследования. Разумеется, оно должно иметь под собой солидную доказательную базу. Подвести её, когда потребность и возможность подобных — социальных и постсоциальных — перемен приобретают зримые очертания, не составляет большого труда. Такая работа входит в мои планы.

Итак, перед нами развернулась прогрессивная последовательность исторических форм общественных и сексуально-брачных отношений. Сейчас в этой трёхчленке нас интересует среднее звено с его моногамным подавлением женской свободы, супружеской и любовной изменой и молвой, перемывающей косточки «изменщикам» и их жертвам.

Как я уже отметил, в моногамной семье женщина превращается по сути дела в вещь, которой распоряжается её собственник и властелин и которую новый общественный порядок лишает возможности выбирать и отказывать. На основе новых общественных отношений складывается и соответствующая им мораль. Теперь на корню, не только делом, но и словами осуждения, пресекается всякая, даже самая невинная, попытка женщины реализовать себя в качестве полового существа за порогом своего дома-клетки. Да и дома она не столько реализует себя, сколько используется мужем-хозяином.

Кажется, победа над женщиной достигнута. Но нет, природу победить невозможно, и женщина не сдаётся. Оставаясь выбирающим существом, она, даже убеждая себя в недопустимости этого, продолжает «сканировать» мир мужчин. И если позволяют обстоятельства, собственный нрав и, зачастую, какой-нибудь случай, если порыв оказывается сильнее так называемых устоев, птичка вырывается на волю. Только там она становится женщиной, и только там, посредством любовного демарша, она может отказать мужчине, к которому привязана брачными узами. Но теперь это приходится делать не так, как делалось раньше, в условиях

первобытной половой демократии. В новых общественных условиях это надлежит делать тайно. И отказ теперь называется изменой.

Как женщина в новых условиях оформляет отказ? В начале перехода к эксплуататорскому обществу, когда моногамная семья ещё только начинает складываться, а мужчина только заступает на дорогу, ведущую к власти, несомненно, женщина использует старые методы и средства — подношение отказных предметов и сопровождение дарения соответствующими словами. Постепенно слова, отделяясь от вещей, приобретают самостоятельное существование и превращаются в идиомы. Но, что ещё важнее, с возвышением мужчины отказ легальный и освещаемый моралью становится всё более и более неприемлемым, аморальным и тайным. Женщина уже не может открыто оформить отказ и открыто высказаться. В конце концов она его осуществляет посредством тайной любовной связи. А мир — что ему ещё остаётся делать? — смакует, осуждает, судачит и... щеголяет заготовленными на все случаи теневой половой жизни идиоматическими выражениями. Плохо это или хорошо? Это естественно. Каждая эпоха носит одежду своего роста.

О чём судачит мир? Какие выражения он пускает в ход, смакуя столь пикантную по меркам нового времени тему? Одно из таких выражений знает каждый. Это — достаточно часто употребляемая «рогатая» идиома. Наверняка ввиду своей распространённости она попала в поле зрения исследователей. Интересно, какие объяснения причинно-следственной связи между супружеской неверностью и «вырастанием» рогов у обманутого мужа имеются на сегодня в распоряжении любознательной публики? Я не злоупотреблял критикой, уважаемый читатель. Поэтому, думаю, мы с вами вправе уделить немного внимания бытующим объяснениям этого выражения. Не стану утомлять вас перечислением множества существующих на этот счёт версий. Они не сильно отличаются одна от другой своим качеством. Остановлюсь на трёх из них. Как мне представляется, они неплохо иллюстрируют современное состояние интересующего нас вопроса.

Согласно одной из версий «рогатая» лексема народилась благодаря забавам византийского императора Андроника Комнина. Как писал ещё дореволюционный исследователь М. И. Михельсон, этот умеющий поиздеваться развратник позволял мужьям женщин, с которыми он был в связи, охотиться в своём зверинце. После чего на воротах домов униженных мужей выставлялись олени рога. Затем рога, разумеется, только на словах, стали прикрепляться ко лбам. Так появились рогоносцы. Это выражение, замечает Михельсон, перешло к нам или непосредственно от греков, или через французов¹.

¹ Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова. — СПб., 1896, стр. 372.

Что ж, версия выглядит вполне правдоподобно. Только вот интересно, как называли бы обманутых мужей, если бы венценосная особа предпочитала охотиться, например, на фазанов? Может быть, перьяносцами? Выходит, название прилипло к обманутым мужьям случайно?

Тот же автор упоминает и о более раннем, германском следе в деле «орогачивания» мужчин. Сохранились сведения, что у германцев существовал обычай, по которому женщины, провожая своих мужей на войну, надевали им шлемы из звериных кож с рогами. А так как отправив мужей, они приобретали некоторую свободу и могли достаточно вольно распоряжаться собой (в то время у германцев ещё окончательно не сложилась моногамная семья, в которой женщина всецело подчинялась мужчине), выражения «надеть мужу рога» (*Hörner aufsetzen*) и «снаряжать мужа в поход», со всеми вытекающими отсюда последствиями, сделались синонимами¹.

Примем к сведению и эту версию. В отличие от первой, она опирается не на случайное обстоятельство, а на народный обычай. Но и здесь возникают сомнения. К примеру, как и благодаря чему изобретению древних германок удалось покорить весь тогдашний мир?

Из современных авторов укажу на Е. Л. Березович. По её мнению, рога характеризуют «признак раздвоенности, который как нельзя лучше подходит для выражения семантики измены»².

Да, вроде бы и подходит. Но как тогда быть с обозначающими измену различными «безрогими» и «нераздвоенными» идиомами? Они ведь хорошо известны Березович. Что же получается? Одному и тому же явлению соответствует совершенно разношёрстная семантика? Остаётся только полагать, что много тысячелетий назад людям не чужды были семантические упражнения. А если серьёзно, решение этого автора представляет собой элементарную подгонку под более или менее путный результат.

Что тут скажешь... «Объяснения» разные и... одинаковые. Они различны по форме, но одинаково бессодержательны по сути. Все они (это касается и прочих версий) абсолютно внеисторичны. Ни один автор не пытается увидеть развития явления. Мы уже где-то встречались с этой болезнью, читатель.

Без обращения к историческим истокам невозможно понять и смысл идиом, обозначающих измену. В чём он состоит? В принципе, для нас здесь нет никакого секрета. Мы ведь перелопатили историю женского отказа. Эта задача решается нами автоматически.

Рога, рогулька, рогатина, как мы знаем, являются не чем иным, как изображением и обозначением женского треугольника. А древний,

¹ Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова. — СПб., 1896, стр. 372.

² Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. — М., 2007, стр. 249.

глубинный смысл этого «дарения» состоит в том, что женщина, отказывая мужчине, «компенсировала» свой отказ предоставлением в его распоряжение другой «женщины», первоначально — куклы, превратившейся затем, на протяжении десятков тысячелетий, в рогульку, а ещё позже — в оторвавшееся от подношения выражение. Так что к «семантике измены», охоте на оленей и шлемам древних германцев рога из данной идиомы не имеют никакого отношения. Европейские выражения «наставить рога» и «рогоносец» могли появиться только как завершение прослеженной нами исторической линии женского отказа. Таким образом, мы можем сделать вывод, что и в Европе задолго до формирования моногамной семьи различные рогатки широко использовались в качестве отказного средства. Древний овеществлённый отказ — явление всепланетное, и повсеместно он знает практически одни и те же вещные формы.

Рогатка как легальное отказное средство получила распространение и в России. Неужели у нас, с образованием моногамной семьи, не додумались до «наставления рогов» обманутому мужу и позаимствовали импортную идиому? Спешу вас обрадовать, читатель. Чувство вашей национальной гордости в полной безопасности. Русские выражения даже более колоритны, чем привнесённые. Как вам нравится, например, выражение «надеть роги»? Так говорят на Дону. А вот фраза, которую мы находим в том же «Словаре русских народных говоров»: «Семья была, теперя рогалём стал. От одного рогалья ушла, к другому рогалю пришла». Эта запись народной речи сделана в Забайкалье в 1980 году¹. Смешно думать, что в Сибирь рога, впечатанные в идиому, привезли из Константинополя или Парижа.

В эксплуататорском обществе появляется не только клетка для женщины. В это время в половых взаимоотношениях происходит и подвижка противоположного свойства. На этом отрезке человеческой истории отношения между полами становятся неизмеримо более плотными и намного более многогранными, чем это было на предыдущей ступени общественного развития. Теперь ведь нет тех межполовых перегородок, которые воздвигались и поддерживались в первобытном обществе. Представители противоположных полов общаются во время работы, на отдыхе, просто на улице. И вот что важно, отношения полов распространяются на брачный возраст, на парней и девушек.

Появляется и другая новинка. Вместе с отношениями собственности, присвоением чего бы то ни было и противопоставлением своего и принадлежащего кому-то другому во взаимоотношения полов приходит любовь. Её постоянными спутниками являются измена

¹ *Словарь русских народных говоров*. Вып. 35. — СПб., 2001, стр. 118–119.

и ревность. Любовь подразумевает не только определённые чувства к предмету своей страсти, но и включает в себя огромный компонент «присвоения» любимого человека. Отношения парней и девушек выливаются, если можно так выразиться, в любовную монополию. На любимую девушку и на любимого парня, соответственно у парня и девушки, возникает неписанное монопольное право. Поэтому выход из пары «на сторону» рассматривается, в соответствии с собственническими, моногамными нормами общества, как правонарушение, как любовная измена.

Нарушение верности в любви как незаурядное событие требует и достойного себя обозначения. Откуда взять броскую этикетку? Да их вокруг сколько угодно. И любовная измена примеряет к себе словесные ярлыки из богатого отказного лексикона. В результате на любовном фронте мы в обилии встречаем хорошо нам знакомые по женскому брачному отказу колоритные идиоматические выражения.

Вы заметили, что, говоря о любовном разладе, я не выделяю девушку в качестве отказывающей стороны? Любовный отказ, в отличие от брачного (или супружеского) не является прерогативой девушки (или женщины). Полю в любовной связке равноправны. А раз так, то, наверное, и словесные метки мужской и женской измены не должны различаться между собой. Да, это действительно так. Отказные идиомы в добрачном (любовном) сегменте взаимодействия полов, за малым исключением, обусловленным незавершённостью процесса, становятся интерполовыми. Тем более, что сексуального толкования едких словечек давно уже нет и в помине.

Более того, в ряде мест урезанные (потерявшие глагол) отказные словесные этикетки используются для обозначения собственно любовного разлада. «Когда гуляешь, а он с другой пойдёт, — сетует девушка из Новоржевского района Псковской области, — уже это рыжики»¹. Такое расширение идиомы понятно. Ведь разрушается пара, в потенции являющаяся семьёй — бастионом нового времени. При разладе жертвой любовной оступы становится не только представитель какого-то пола, но и общественный институт. К этому несчастью остаётся только прикрепить витающее над любовными страстями «разлучное» словечко. Почему без глагола? Это очень просто. «Нажарить рыжиков» можно человеку, но не общественному явлению.

Но отказная идиома в своём расширении не останавливается на этом. Трансформируясь аналогичным образом, она приживается в характеристике измены как свершившегося факта (например, в Новгородской области любовная измена часто называется репнёй) и даже

¹ *Словарь русских народных говоров*. Вып. 35. — СПб., 2001, стр. 305.

в наименовании участников коллизии (так, «рыжилом» в Архангельской области называют нарушителя верности, а в Псковской, напротив, — того, кому изменили).

Однако самым богатым в лексическом плане, несомненно, является обозначение измены-действия. Наиболее представительный набор таких формул любовного отказа мы находим в северных и северо-западных областях России. Чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть, скажем, в новгородскую и псковскую глубинку середины прошлого века. Сейчас мы посмотрим, уважаемый читатель, как там называли (и, между прочим, называют ещё и сейчас) измену в любви и, если можно так выразиться, любовную отставку. Я приведу некоторые формулы любовной измены и отставки в том порядке, в котором в предыдущей главе мы рассматривали отказные предметы и идиомы, вручаемые и выговариваемые провалившим сватовство сватам. Замечу, что в отказной любовной лексике присутствуют идиоматические выражения, представляющие все семейства отказных предметов и сопутствующих отказу слов.

Семейство куклы в формулах измены, конечно же, представлено «веником». Это слово в Псковской области вбито в ёмкое выражение «прокатить на венике», что, на литературном языке, означает «отказывать в любви», «изменить».

Тыква с «друзьями» и их производные разворачиваются целым лексическим спектром на Новгородчине. По-новгородски «изменить» или «нарушить верность» звучит как «поставить тыквину», «дать редчину», «налить квасу», а получить любовную отставку — как, например, «поесть репни».

Третье отказное семейство, как мы помним, состоит из трёх подсемейств. Первое из них, подсемейство варежки, в Псковской и Новгородской областях делегировало в любовно-отказной лексикон «лапти» и «головешку». «Сделать лапти», «сплести лапти», «дать головешку» там означает «изменить в любви», а «собирать головешки» или «получить головешку» — «принять любовный отказ».

Подсемейство мутовки также имеет своих представителей среди выражений любовно-отказного свойства. Как вам нравятся, скажем, такие новгородские идиомы, как «затащить борону на крышу» или «повесить колун»? Они употребляются в качестве эквивалента выражения «изменить в любви».

В заключение нашего небольшого словарика формул любовного отказа — выходцы из подсемейства калитки. В грибных областях в этом подсемействе бесспорными лидерами являются «рыжики». Смысл выражения «изменить в любви» там можно передать словами «дать рыжиков», «нажарить рыжиков», «поднести рыжиков», «насолить рыжиков»,

«наварить рыжиков» и т.д. Разумеется, можно и «получить рыжиков». Иногда вместо «рыжиков» в идиомах фигурируют просто «грибы». Имеются и «негрибные» идиомы. Например, «остаться в печальном одиночестве» в этих областях звучит как «получить блин»¹.

А теперь, уважаемый читатель, давайте оглянемся назад и сравним последние исторические формы отказа с женским сексуальным отказом глубокой древности. Что же изменилось? Сведём главные, бросающиеся в глаза изменения к двум пунктам.

Во-первых, слова отказа, оторвавшись от необходимого в своё время подношения, оформились в идиомы, полностью лишённые сексуальной окраски, и в значительной степени благодаря этому отказ в конце концов смог стать интерполовым.

Во-вторых, лояльный отказ древности в эксплуататорском обществе превратился в отказ-оскорбление.

Да, кажется, это финал. Вроде бы всё, что могло произойти с женским овеществлённым отказом, произошло. Разве возможны ещё какие-либо превращения? Удивительно, но, оказывается, возможны. Последней картиной отказной эпопеи является... Впрочем, давайте сначала мысленно набросаем нечто теоретически возможное, а потом попробуем найти «вычисленное» нами в жизни.

Главные, радикальные изменения, которые произошли в отказном процессе, мы свели к двум фразам. Так получилось, что эти изменения оказались вынесенными в конец и того и другого предложения. Соединив эти концовки, мы получили квинтэссенцию изменений: прежний лояльный сексуально-брачный отказ вырожден в интерполовой отказ-оскорбление. Опять у нас суть изменений оказалась выраженной последними словами. Тем лучше, так нагляднее. Что может ещё произойти, теперь уже с интерполовым отказом-оскорблением? Вы почувствуете, уважаемый читатель, что теоретически историческая тенденция превращений ещё не исчерпала себя? У неё ещё есть задел. Оскорблению, а именно оно в рассматриваемых нами действиях самым порядком вещей выдвигается в эксплуататорском обществе на первый план, осталось сделать ещё один, последний шаг. Оскорблению осталось оторваться от полов вообще и отмежеваться от отказа, т.е. стать просто оскорблением, но с использованием слов из старого сексуально-отказного лексикона. Вам нравится такая теоретическая конструкция?

¹ Большую часть использованных здесь выражений вы найдёте в «Новгородском областном словаре», «Псковском областном словаре с историческими данными», «Словаре псковских пословиц и поговорок» и «Словаре русских народных говоров»; некоторые идиомы взяты из моего личного архива.

Что ж, повернёмся лицом к жизни. Посмотрим, есть ли «вычисленное» нами в «практике ругани». Да, у последней картины отказной эпопеи именно такой сюжет — отказные идиомы идут в ход как заурядные ругательства (и это, замечу в скобках, не отменяет рассмотренного нами словесного сопровождения брачного, супружеского и любовного отказа).

Сейчас мы переберём некоторые такие идиоматические выражения и в каждом из них встретимся со словами, в конечном счёте обозначающими части женского тела. Но спросите о сексуальной, телесно-женской подкладке этих идиом у конфликтующих, и никто, могу поручиться за это, никакого скрытого смысла ругательным словесам не припишет. Представьте себе дистанцию от сексуального отказа древней женщины до брани, унижения, издёвки и словесного сопровождения побоев. Какие потрясающие метаморфозы преподносит история.

Начнём с самого серьёзного, со слов, сопровождающих избиение. В этой идиоматической группе, по всей видимости, первенствует «мутовка». Это крепкое словцо употребляется в центральных, северо-западных областях, в Карелии. Общерусское «побить» там модифицируется в «прописать мутовку» и «задать мутовку». А отдельно употребляемое слово «мутовка» означает «избиение». Борона, увеличенная копия мутовки, фигурирует в псковском бранном лексиконе. Выражение «дать бороновку» связано там не с дарением сельскохозяйственного орудия, а с банальными побоями. Правда, ввиду увесистости бороны, эти слова вряд ли когда-нибудь опредмечивались. А вот лёгонькая мутовка вполне могла, да может, наверное, и сейчас, использоваться в качестве технического воспитательного средства.

Известной популярностью в словесном оформлении побоев пользуется и «блин». К примеру, на Дону, на Урале, в Новгородской области выражения «дать блин (накормить блинками)» и «получить блин» соответственно означают «ударить (пнуть)» и «быть кем-то побитым». На Псковщине идиома «печь берёзовые блины» равнозначна выражению «пороть, хлестать кого-либо». Там же, если вы чем-то провинитесь, вам могут «надавать преснух». А в Калужской области тумак не будет менее чувствительным, если вас «попотчуют пирожком», за которым также скрывается интимное женское место.

Женские выпуклости тайно присутствуют в «побойных» выражениях, фигурантами которых являются объёмные, дородные овощи. Сомневаясь, что таковые когда-либо использовались в качестве орудий побоев. Насколько я знаю, история вроде бы не зафиксировала фактов их применения в драках и расправах. В соответствующие идиомы такие овощи привела исследуемая нами логика трансформации брачного

отказа. Какие это овощи? Конечно же, прежде всего тыква. Например, на Северо-Западе России «дать тыквину (тыквин надавать)» означает «ударить кого-нибудь (учинить побои)». В «ударном» лексиконе присутствуют названия и других ближайших и дальних родственников тыквы. Скажем, «побить кого-либо» или «дать подзатыльник» по-новгородски звучит как «дать редчину», а по-псковски — как «дать буту» (бут, как мы знаем, относится к тому же семейству, что и тыква с редькой).

Таковы некоторые выражения, связанные с недобрым физическим воздействием и восходящие к древнему сексуальному отказу. Теперь — об идиомах, в которых обыгрывается нанесение синяков и ссадин другого рода, о словах, наносящих душевные травмы и унижающих человека, об оскорблении, порицании и насмешке с незримо присутствующей сексуально-отказной подкладкой.

Интересно, встречается ли среди идиом этой группы что-либо, так сказать, треугольное? Разумеется. И чтобы не повторяться в предметном плане, я укажу на словосочетания, центральной фигурой которых являются находящиеся в явном родстве с мутовкой крестьянские трёхзубые вилы. Как можно обидеть, к примеру, белоруса? Нет проблем. Надо лишь сказать: «вот тебе вилы». Русские почему-то более конкретны. В русском языке подобное оскорбительное выражение имеет вид «вилы тебе в бок». Заметьте, не нож, не коса, не острога или ещё что-либо острое, а именно вилы.

А вот унижение, чреватое смертью или того, кому оно адресовано, или того, от кого исходит. Вы отгадали эту загадку? Конечно, речь идёт о вызове на дуэль. Однако относится ли это к нашей теме? Оказывается, да. Дело в том, что на Британских островах и в Скандинавии (и весьма вероятно, в других странах Европы) средствами брачного отказа были кожаная рукавица и латная перчатка. Почему? Достаточно бросить взгляд на эти изделия, чтобы заметить острый угол, образованный большим пальцем и остальной частью рукавицы или перчатки. Так что совсем не случайно рукавица и перчатка пополнили ассортимент аналогов женского треугольника. В их схожести с предметом мужского интереса вы можете убедиться, посетив исторический или этнографический музей, заглянув в Интернет или, на худой конец, если вам не хочется отрываться от чтения, прямо сейчас, не сходя с места. Вы вполне обойдётесь без рукавицы или рыцарской перчатки. Просто посмотрите на свою руку. Правда, если вы согнёте пальцы, то увидите нечто похожее на калитку. Как бы то ни было, рукавица и перчатка представляют собой аналоги интимных мест. Со временем вручение латной перчатки из акта брачного отказа превратилось в полностью лишённый полового наполнения оскорбительный жест. В этом случае средством оскорбления и унижения стала не идиома,

а поступок. Что касается кожаной рукавицы, ей так не «повезло». Она застряла на уровне отказной вещи. (Фото 32)

Разумеется, группу идиом-оскорблений «украшает» своим присутствием и «гарбуз». Например, на Украине, казалось бы, безобидное выражение «гарбуз тебе печёный» воспринимается как нечто граничащее с нецензурной бранью.

В арсенале оскорблений и порицаний мы находим и слова, за которыми в конечном счёте скрывается та самая — женская калитка. Так, уже упоминавшийся мною в известном смысле осязаемый «блин» выступает и как не связанное с побоями порицание, как просто обидное слово. К примеру, в Смоленской области бытует выражение «горелый блин». Так называют того, кто плохо или вяло работает (не надо путать старинный смоленский «блин» с новомодным общероссийским, сравнительно недавно расцветшим в языке, благодаря сходству со словом, которым обозначают распутную женщину). Другое по смыслу родственное «калитке» слово используется в ряде областей как характеристика неудачи. Скажем, в Самарской и Нижегородской областях клише «потерпеть фиаско», «нарваться на что-нибудь» «обмануться в своих ожиданиях» и им подобные часто выражаются словами «съесть гриб» или «грибами объесться» (вспомните символизирующие любовное фиаско «рыжики»).

В заключение этой подборки идиом я хочу предложить вам совершенно особенное выражение. На Русском Севере оно было в ходу ещё несколько десятилетий назад. Это выражение, во-первых, имеет оттенок и порицания, и насмешки, и издевательства. Во-вторых, оно не только выговаривается, но ещё и овеществляется (и в этом слышится дыхание глубокой старины). И, в-третьих, это выражение подкрепляется и усиливается использованием сразу нескольких оскорбительных (ранее — отказных) предметов. А звучит оно просто, даже можно сказать, простенько: «Вот те кила!» (килой в ряде российских областей называют репу, реже — редьку). Так говорили тому (а иногда его ещё и называли «килой»), кто отставал на работе, главным образом, запаздывал с жатвой. При этом в борозду нерадивого работника ставился кол (или палка), на который насаживалась репа или к которому привязывалась наполненная репой varejka. Часто к колу или палке прикреплялся пучок соломы (или сена). Вот такой «оскорбительный набор». Перечислю составляющие его предметы. Это — кол, репа, varejka и солома. Все они нам знакомы по «отказному списку»¹.

¹ Приведённые в данном блоке примеры взяты, кроме названных в предыдущей сноске словарей, из «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» и моего личного архива.

Таковы некоторые из выражений (и вещей), несущих в себе оскорбление, порицание, обиду.

Пожалуй, здесь под примерами, да и под главой, поскольку её план отработан полностью, мы подведём черту. Думаю, приведённых примеров вполне достаточно, чтобы убедиться в закономерном характере формирования — на базе лексики брачного отказа — и формул супружеской и любовной измены, и интерполовых идиом, и «бесполох» идиоматических выражений оскорбительного свойства.

Завершая главу, обращаю ваше внимание на одно несколько странное обстоятельство. Вас не удивило, что солома только раз, и к тому же очень скромно, предстала перед нами в виде порицания? Неужели как знак унижения этот рудимент некогда широко распространённой соломенной куклы нашёл приют лишь на конце воткнутого в землю кола? Этого просто не может быть. Признаюсь, уважаемый читатель, я придерживал «соломенную лексику», чтобы заняться ею специально. Соломой связан, видимо, самый мощный пласт нелицеприятных идиом. Так что, подводя итоги главы, мы с вами вновь должны будем окунуться в мир слов, на этот раз обязанных своим существованием отказной соломенной кукле. Некоторые из «соломенных» выражений нередко употребляются и сегодня.

Итак, что же мы сделали в этой главе.

1. Поскольку в настоящей главе наш исследовательский интерес сконцентрировался на взаимоотношениях полов в условиях эксплуатации, у нас возникла потребность выявить специфику полового взаимодействия на этой стадии общественного развития.

Эту задачу мы решили посредством структурирования человеческой истории, её периодизации и сопоставления этапов развития общества. Диалектический подход позволил и обязал нас выделить в прогрессивном движении человеческого общества три периода. Точно такому же членению, что вполне естественно, мы подвергли и являющуюся струей единого исторического потока историю семейно-брачных и половых взаимоотношений.

Эксплуататорский отрезок истории, рассматриваемый с точки зрения взаимодействия полов, был охарактеризован нами как период господства мужчины над женщиной, как эпоха лишения женщины её природной способности выбирать и отказывать, как время двойной половой морали.

2. Мы констатировали, что эксплуататорское общество в плане организации взаимодействия полов характеризуется моногамной семьёй, в которой муж является хозяином и властелином. Но и в этих условиях стремление женщины выбирать

подчас оказывается сильнее принуждения, запретов и моральных установлений.

Реализуя свой «внешний» выбор, женщина (впрочем, это касается и её обманутого мужа) должна дорого платить. За пределами семьи-клетки женский выбор превращается в это время из блага в зло, сексуальное волеизъявление женщины расценивается как измена, полюбившая женщина становится в глазах общественного мнения падшей, её обманутый супруг покрывается позором и делается рогоносцем (мы объяснили происхождение «налобного украшения» обманутого мужа), а мир оказывается комментатором «пикантных событий».

На эксплуататорском отрезке истории прежний тип взаимоотношений полов превращается в свою противоположность.

3. Одной из новинок эксплуататорского общества является добрачная любовь. Вслед за ней на арену страстей выходит добрачная, любовная измена.

В отличие от семейных, отношения парней и девушек строятся на паритетной основе. Поэтому любовная измена как представителей одного, так и другого, пола оценивается здесь по единому тарифу. Вполне закономерно, что идиомы, пришедшие из женского отказа, в этом сегменте взаимоотношений полов становятся интерполовыми. Мы показали это на множестве примеров.

4. Следуя по линии изменения сексуального отказа, мы в конце концов пришли к его полному выхолащиванию. К такому финалу стартовавший в обличье секс-куклы отказ привела логика общественного развития. Палочка-выручалочка начала человеческой истории обернулась совершенно оторванными от полов оскорблениями, издёвкой, порицанием. Эти унижающие человеческое достоинство атрибуты эксплуататорского строя донашивают словесную одежду своего предшественника — отказа. Свидетельством тому служат многочисленные перешедшие из отказа в унижение идиоматические выражения. История способна на удивительные превращения.

Рассмотрение этого сюжета вывело нас за пределы половой, отказной тематики. Концепция женского отказа начинает расширяться на другие области.

ГЛАВА VI

НАСЛЕДИЕ СОЛОМЕННОЙ КУКЛЫ

Времена меняются. На место старых заступают новые формы устройства общества, обновляются устаревающие общественные связи, изменяется быт и весь строй жизни людей. Замена старого новым, в сущности, представляет собой способ существования общества. Особенно сильно обновляется общество с переходом на новую, качественно отличную от старой, ступень развития.

Однако обновление никогда не бывает абсолютным. Зачастую даже самая радикальная общественная трансформация оказывается не в силах полностью подавить не укладывающиеся в новый порядок свойства, стремления человека, его природные задатки и черты. Мы это видели на примере женского выбора и отказа, которые, будучи существенно урезаны, тем не менее сумели выжить и сохраниться в крайне неблагоприятных для самореализации женщины условиях.

Выбор и отказ сохранились. Но в новых условиях изменился взгляд на них. Необходимый и действенный регулятор взаимоотношений полов в глазах людей стал злом, превратился в безнравственную и преступную измену. Время, зачастую до неузнаваемости, изменяет представления человека.

Отличное от прежнего бытие заставляет людей менять взгляды, наделяет их новыми вкусами и пристрастиями, формирует новые идеалы. У людей появляются соответствующие духу времени интересы. Иным становится поведение. И, что для нас сейчас особенно важно, изменяются оценки, даваемые людьми вещам и явлениям. Нередко то, что раньше являлось совершенно нормальным и считалось вполне нравственным, в новых социальных условиях рассматривается как нарушение порядка, вызов обществу и даже смертный грех.

На эксплуататорском отрезке истории вызовы моногамному порядку не ограничиваются одной только супружеской неверностью. Моногамная нравственность подрывается множеством больших и маленьких грехов, непосредственно связанных с полом. Так что, уважаемый читатель, нам есть чем заняться. Тем более, что от всех этих прегрешений ниточка тянется к исходному пункту нашего исследования — к специфике организации семейно-брачной и половой сферы первобытного общества, к древнему женскому отказу и его инструменту, кукле. Как мы договорились, в этой главе точкой отсчёта у нас будет

соломенная кукла. Кстати замечу, что такая кукла, как мне представляется, появилась задолго до земледелия, возможно, на заре человеческой истории, а, может быть, и ещё раньше. Далее я приведу весьма убедительный довод в пользу древнего и древнейшего происхождения куклы из соломы.

Но прежде, чем заняться перебиранием грехов, подумаем, что же может считаться отступлением от канонов семейно-брачного и полового поведения в эксплуататорском обществе. Я полагаю, нам следует выделить три группы таких отступлений. Почему три? Судите сами.

Ячейкой и одним из важнейших атрибутов общества эпохи цивилизации является моногамная семья, основу которой в Европе составляет супружеская пара (моногамия, сущность которой заключается в подчинении женщины мужчине, знает и другие численные соотношения между полами, например, у скотоводческих кочевых народов). Следовательно, всё то, что разрушает пару (измена, о которой мы говорили, лишь подрывает, но не разрывает семью) или препятствует образованию семьи, вступает в противоречие с существующим общественным порядком. Вот вам первая группа отступлений от канонов.

Далее. Для каждой эпохи характерно определённое половое поведение. На эксплуататорском отрезке истории особые требования общество предъявляет к женщине, которая за порогом дома не должна проявлять себя как половое существо. Значит, все нарушения по этой части также являются отступлениями от принятых в обществе норм. Эти отступления мы объединим во вторую группу.

Наконец, мужчина, возвышающийся над женщиной, должен в глазах общественного мнения соответствовать обусловленной эпохой роли хозяина и господина. Мужчине эксплуататорского общества зазорно опускаться до уровня женщины и, тем более, уподобляться женщине. Ну а если такое или что-либо иное случится (например, «пустой секс», тогда как любому мужчине эпохи цивилизации, в отличие от занимающегося с куклой его далёкого предка, в принципе доступны связи с женщинами), разве это не нарушение сложившегося порядка? Соберём мужские отступления от моногамных канонов в третью группу.

Пожалуй, мы учли все возможные прегрешения. Что ещё существует в это время в интересующей нас сфере? Все половые страсти вертятся вокруг семьи, женщины и мужчины. Дети? Их внесемейное происхождение и бытие мы отнесём на счёт неосмотрительности женщины и ущерба семье. Так что эти отступления от нормы прекрасно вписываются, соответственно, во вторую и первую группу.

Таким образом, мы можем приступить к наполнению очерченных нами групп отступлений от моногамных канонов.

В «семейной группе» прегрешений самым громким вызовом моногамному порядку, несомненно, является разделение супружеской пары, инициатором которого намного чаще, чем мужчина, выступает женщина. Как называют такую женщину? Это — соломенная вдова (тогда как её номинальный муж, но фактически уже не связанный с ней брачными узами мужчина, называется соломенным вдовцом, а раздельное существование сторон такой номинальной пары именуется соломенным вдовством).

Что же получается? Ключевое отступление от моногамных семейно-брачных канонов помечено «соломенным ярлыком». Может быть, такое наименование номинальных супругов не связано с нашей соломой? Нет, уважаемый читатель, связано, и мы с вами, таким образом, без лишних поисков, легко и просто выходим на «соломенную тему» и «соломенную лексику», анонсированную в конце предыдущей главы. Наименование вдовства при живом супруге своим происхождением действительно обязано той, «сексуальной», соломе, из которой когда-то делались отказные куклы. Впрочем, давайте во всём разберёмся по порядку. Но прежде выясним, что означает слово «вдова».

Слова «вдова», «вдовец», «вдовство» — отнюдь не русское изобретение. Словом того же корня называют женщину, оставшуюся без мужа, во многих других странах. Так в Польше — это *wdowa*, в Болгарии — *вдовица*, в Чехии — *vdova*, в Сербии — *ўдова*, в Германии — *Witwe*, во Франции — *veuve*, в Италии — *vedova*, в Испании — *viuda*, в Румынии — *văduvă*... Обратите внимание, что приведённые в качестве примеров в общем-то модификации одного слова относятся к разным языковым группам. О чём это говорит? Только о том, что мы столкнулись с очень древним термином. Вдовы появились раньше, чем сформировались современные языки и народы. А раз так, время, видимо, стёрло первоначальное значение этого слова.

Так что же такое древняя «вдова»? Оказывается, «отделённая», «разлучённая». Вебстерский этимологический словарь связывает разноязычных «вдов» с латинским глаголом *videre* — разделять, отделять. Но истоки интересующего нас слова находятся ещё глубже. В том же словаре упоминается и древнейшая «отделённая» — санскритская *vidhavā*. Интересно, что и в ряде современных языков женщину, оставшуюся без мужа, «понимают», что называется, по старинке. Так, скажем, латышская «вдова» (*atraitne* или *atraikne*) явно находится в родстве с глаголом «отвергнуть» (*atraidīt*).

Итак, «вдова» означает «отделённая», «разлучённая». А как в древности происходило отделение мужчины от женщины? Мы знаем, что с помощью куклы. Получив куклу, мужчина оказывался отделённым как от настоящей женщины, так и от настоящего полового контакта

(правда, занимаясь с куклой, сам он так не считал). Женщина же, отказав в ходе брачной игры лишнему и не удовлетворяющему женским требованиям мужчине, обязательно находила себе подходящего партнёра (как мы помним, на брачных сходках в подавляющем числе случаев имел место избыток мужчин). От реального отделения от представителя противоположного пола женщину практически на сто процентов страховал групповой брак. Так что объективно отделённость мужчины от женщины была совершенно иной по сравнению с женской отделённостью. Если под отделённостью (вдовством) понимать отстранение от реальной половой связи, то первыми реально отделёнными, первыми вдовцами были мужчины, а не женщины.

Если же в брачном действе фигурировала соломенная кукла, то мужчина, будучи отделённым от женщины соломой, оказывался соломенным вдовцом. Женщина, отделяясь от мужчины той же куклой, конечно, тоже являлась соломенной вдовой, но вдовой формальной, не лишавшейся полноценного сексуального удовлетворения (с другим мужчиной). Такое её вдовство (отделение) лишь указывало на факт и технику отбраковки одаренного ею мужчины.

Первобытное вдовство не заключало в себе ничего антисоциального. Оно было вдовством только в смысле отделения и не влекло за собой никаких социальных последствий. Первобытное вдовство являлось всего лишь возможностью настоящего соломенного вдовства, которое могло развернуться только в эксплуататорском моногамном обществе.

Замечу, что первобытное вдовство ни в коем случае не было связано, как связано нынешнее вдовство (не соломенное), со смертью. Супруга в современном понимании этого слова в то время просто не было. Брак был групповым, смерть отдельного человека вообще никак не отражалась на брачной сходке и не была с ней связана, и отделение мужчины от женщины являлось, если можно так сказать, разовым.

Только позже, с разворачивающимся переходом к классовому (эксплуататорскому) обществу и моногамной семье, когда брачные сходки становились историей и брак всё более индивидуализировался, реально отделённой всё чаще оказывалась и женщина. Если инициатива разделения исходила от неё, она по традиции вручала мужчине (теперь мужу-партнёру, с которым она составляла переходную к моногамной парную семью) соломенную куклу или пучок соломы (на этом этапе общество вступает в век земледелия, в век соломы). Это не означало, что отвергнутый муж должен был заниматься «соломенным сексом» — на данном уровне развития отказной предмет утрачивает функцию сексуального удовлетворения мужчины. Это означало, что теперь уже и женщина, лишившись сексуально-брачной

гарантии, обеспечиваемой ранее групповым браком, вполне могла оказаться, не найдя себе пары, реальной соломенной вдовой.

Так со сменой первобытного строя эксплуататорским номинальные (формальные) соломенные вдовы всё более становятся реальными соломенными вдовами. В это время название «соломенная вдова» прочно прикрепляется к отделившимся женщинам. Таким же ярлыком наделяются и получившие отставку мужчины. (Фото 33)

Если же инициатива «развода» исходила от мужчины, то, возможно, и в этом, достаточно редком, случае к бывшим «парным супругам» прикреплялось какое-то название. Теоретически оно должно было быть связанным с предметом мужского отказа (на такие предметы я указал в третьей главе). Впрочем, если подобное название и существовало, оно определённо было подавлено и замещено более мощной женской «соломой».

Бежит вперёд время. Общество всё ближе подходит к черте, за которой эксплуататорские отношения воцаряются полностью и на несколько тысячелетий. Женщина всё более подпадает под власть мужчины. Она лишается инициативы развода. Она уже не может открыто выступить против неугодного ей супруга и не может выдать ему куклу или пучок соломы. Всё это может иметь самые тяжёлые последствия. Но она может просто уйти. Уйти со ставшим меткой разделения словесным ярлыком, оставив такой же ярлык своему мужу, ставшему теперь, в условиях полной моногамии, как и она, если можно так выразиться, законченным в своей исторической эволюции соломенным вдовцом (впрочем, и мужчина может покинуть жену, наделив и её и себя тем же статусом и теми же названиями).

Слова очень живучи. Эти названия переживут соломенное подношение, некогда разделявшее мужчин и женщин. «Соломенная вдова» и «соломенный вдовец» будут жить в «соломенных языках». Это — *slomiana wdowa* у поляков, *сламена вдовица* у болгар, *slaměna vdova* у чехов, *солom'яна вдова* у украинцев, *Strohwitwe* у немцев, *veuve de paille* у французов, *vedova di paglia* у итальянцев, *văduvă de paie* у румын, *salmu atraitne* у латышей...

Вы спросите, читатель, почему в моём перечислении отсутствуют, к примеру, англичане? Не допустил ли автор небрежность? Нет, не допустил. На Британских островах нет «соломенной вдовы». Для исследуемого нами состояния там используется другой термин. Англия — всё-таки северная страна. А до сих пор мы говорили о странах Средней и Южной Европы. Земледелие в тёплых краях было освоено сравнительно рано, и вместе с ним ключевые позиции в отказном обряде заняла соломенная кукла, а позже — просто солома. Именно поэтому определённую группу стран и языков я отнёс к категории «соломен-

ных». Что же тогда представляет собой в этом плане Англия? К какой растительной категории мы отнесём английский язык? На этот вопрос отвечает сам английский язык. В Англии женщину, живущую отдельно от мужа, называют травяной вдовой (*grass widow*). Следовательно, английский язык в интересующем нас плане мы можем назвать травяным. Аналогичные обозначения для вдов при живом муже мы встречаем, к примеру, в Нидерландах (*grasweduwe*), Дании (*græsenke*), Швеции (*gräsänka*), Норвегии (*grassenke*). Не трудно предположить, что в этих — северных, холодных, «несоломенных» — странах в отказном брачном обряде эквивалентом южной соломенной куклы была кукла, сделанная из травы. Содержание явления, как видим, единообразно для всех народов, а вот формы, и это естественно, разнятся в зависимости от местных условий. (Фото 34)

Такова краткая история «соломенной вдовы».

Но эта история имеет продолжение, и даже не одно. Сейчас мы займёмся словами, порождёнными этой идиомой, но сначала сделаем, как мне представляется, одно весьма важное замечание. Оно касается травяной куклы. Эта заготовка сослужит нам свою службу в заключительной главе.

Ранее мной была отмечена связь соломенной куклы с земледелием. Как было сказано, с освоением земледелия и наступлением века соломы такая кукла стала едва ли не самым распространённым отказным средством. Что касается доземледельческого периода, я предположил, что и в то время использовались подобные куклы. Однако это я никак не аргументировал. Тогда доводов в пользу данного предположения у меня ещё не было. Сейчас аргумент, подтверждающий доземледельческое происхождение таких кукол, появился. Бытование травяной куклы (а на это указывает ведущая от неё свою родословную «травяная вдова») показывает, что ещё до освоения земледелия производились, и, видимо, в немалом количестве, куклы из растительных материалов, представляющие собой в общем-то связку стеблей каких-то растений. Такие — растительные — куклы могли изготавливаться и из соломы дикорастущих растений, например, практически повсеместно распространённого камыша. Понятно, что временных ограничений для производства растительных кукол не существует. Куклы в виде связки стеблей могли производиться, наряду с твёрдыми венерами, и десятки тысячелетий назад.

Вернёмся к теме главы. Итак, какие же продолжения имела история «соломенной вдовы»? Пока укажу на два из них.

Первое касается детей соломенных вдов и вдовцов. Наследуя не укладывающийся в бытующий семейно-брачный канон статус своих родителей, в ряде мест они получают и соответствующие словесные

реквизиты. Так, например, в Пинежском районе Архангельской области дети соломенного вдовца и в наши дни называются окружающими соломинками¹. Видимо, поскольку это дети, такое название несёт в себе известную долю жалости. Но в то же время оно является и характеристикой определённой маргинальности. Ведь, как уже говорилось, внесемейное существование в это время расценивается как серьёзное отступление от нормы. Поэтому и все слова «соломенного лексикона» приобретают в таких условиях оттенок осуждения и пренебрежения.

Вторым продолжением истории «соломенной вдовы» является появление на основе этой идиомы некоторого круга слов-синонимов. Люди склонны сокращать длинноты, разнообразить слова, придавать им свойственный какой-либо местности колорит. Не удивительно, что от «соломенной вдовы» и «соломенного вдовца» отпочковывается известное число областных, а иногда даже и районных, слов и выражений. Скажем, на Урале, в Алапаевском районе Свердловской области женщину, не живущую с мужем, называют соломенной. В Архангельской и Омской областях соломенную вдову кличут просто соломой. Впрочем, точно так же там называют и отделившегося (или отделённого) от неё супруга. А в Брейтовском районе Ярославской области такие женщина и мужчина именуются соответственно соломенницей и соломенником².

Это продолжение интересно и с другой точки зрения. Слова, которые я только что назвал, представляют собой не только статусное обозначение. Они являются ещё и прозвищами. Так называли людей и так иногда к ним обращались. А от прозвищ, как известно, на определённом историческом этапе образуются фамилии. Посмотрите, например, в «Энциклопедии русских фамилий» Т. Ф. Вединой, каково происхождение фамилии «Соломин»? Этот автор считает, что данная фамилия обязана своим происхождением той соломе, которая в старину употреблялась на корм скоту, в качестве строительного материала и как основа для изготовления тюфяков³. Куда, казалось бы, естественнее (я уж не говорю, что это было бы правильно) искать исток этой фамилии в Соломе-прозвище. Но, видимо, Вединой об этом не ведала. Ну а мы теперь без труда сможем объяснить происхождение их фамилий и Соломиным, и Соломенниковым, и Соломенцевым и другим потомкам людей, некогда разрушивших моногамную ячейку общества. Кстати, от женихов-неудачников и обманутых мужей тоже тянется целый шлейф фамилий, образованных от прозвищ. Должен сказать, что

¹ См.: *Словарь русских народных говоров*. Вып. 39. — СПб., 2005, стр. 293.

² См.: *Словарь русских народных говоров*. Вып. 39. — СПб., 2005, стр. 290–293.

³ См.: Вединой Т. Ф. *Энциклопедия русских фамилий*. — М., 2007, стр. 407.

в далёкие годы предки Голиковых, Репиных, Гуциных, Опариных, Рогалёвых... явно не стяжали славы на поприще сватовства и в деле поддержания устоев домостроя. Что ж, и к делу объяснения фамилий тоже требуется исторический подход.

Вы не забыли, читатель, что мы занимаемся первой группой отступлений от канонов семейно-брачного и полового поведения в эксплуататорском обществе? Поговорив о разрушении семьи и «соломенных» названиях её разрушителей, перейдём теперь, если можно так выразиться, к несозданию моногамной ячейки.

В принципе, между человеком, разбившим семью и не создавшим её, когда вроде бы пора это сделать, нет большой разницы. Игнорирование брака и в том и в другом виде не может поощряться и не поощряется в обществе, разбитом на пары. Следовательно, для тех, кто увильивает от брака, нет нужды выдумывать новые наименования — вполне можно воспользоваться уже имеющимися. Действительно, обладателями «соломенных этикеток» становятся и воздерживающиеся от брака. К примеру, на Севере и Северо-Западе России неженатого мужчину часто называли соломенником, а, скажем, русские, живущие в Грузии, засидевшуюся в девках ещё и сейчас именуют соломенной девой (между прочим, распространение идиомы на старую деву представляет собой ещё одно, у нас — третье, продолжение истории «соломенной вдовы»). Понятно, что это далеко не лестная характеристика¹.

Как уже говорилось, наряду с соломой злаковых растений, в качестве отказного средства в ход шла и гороховая. Такая солома на определённом этапе, как и злаковая, стала использоваться женщиной для размежевания пары. Известная нам логика в конце концов сделала гороховину и меткой несоздания семьи, причём кое-где не только на словах. По данным Т. А. Агапкиной, в Польше в Пепельную среду не успевших вступить в брак парней и девушек били кнутами, сплетёнными из гороховой или житной соломы, а в последний день масленицы замужние женщины (в древности именно женщины вручали мужчинам знак сексуально-брачной невестребованности) гонялись за не женившимися в мясоед парнями и пытались надеть на них гороховые венки².

Известны случаи, когда невступление в брак отмечалось такими отказными по своему происхождению средствами, как, например, репа или корзина. Эти метки «брачных уклонистов» (и источники своей информации) называет Е. Л. Березович³. Ну а о «наказании»

за нерасторопность и увильивание от брака колодкой вы уже знаете, читатель. Это средство и соответствующая ему идиома («волочить колодку») упоминалось в четвёртой главе. (Фото 35)

Вторую группу отступлений от моногамных канонов составляют женские грехи. Без всякого сомнения, серьёзнейшим из них считается внебрачная беременность (я, как и прежде, говорю не о сегодняшнем дне с его значительными послаблениями, а о растянувшейся на несколько тысячелетий эксплуататорской эпохе). Входит ли внебрачная беременность в круг «соломенных» явлений? По идее, должна входить, ибо и она подрывает существующий моногамный порядок. Мы вправе ожидать переноса соответствующих меток с разрушителей семейной ячейки на женщину, зачавшую и вынашивающую ребёнка вне брака. Действительно, обратившись к практике, мы видим, как «замешанные на соломе» идиомы, зачастую существенно видоизменяясь, распространяются на всё то, что пусть непосредственно не связано с разрушением или несозданием семьи, но тем не менее весьма и весьма этим чревато. Внебрачная беременность в числе отмеченных идиомами антисемейных деяний занимает видное место.

Приведу пару примеров. Так, в Виноградовском районе Архангельской области о женщине, забеременевшей и родившей вне брака говорили: «Горошку объелась, принесла оскрепётка». Аналогичная идиома была распространена и в Сибири¹. Известно, что объедание горохом округляет живот. Но идиома «горошку объесться» явно не связана с газообразующими свойствами гороховой каши или внешними признаками беременности как таковой. Эта идиома-каламбур представляет собой «воспоминание» о той гороховой соломе, которая во времена парного брака использовалась женщиной как разделительное средство. Ведь эта идиома употребляется не после плотного обеда, а исключительно в том случае, когда речь идёт о забеременевшей вне брака женщине. А использование гороховой соломы (гороховины) для отделения от мужа указывает на то, что когда-то, возможно, существовали и гороховые вдовы, как, разумеется, и гороховые вдовцы.

Высказанный мной взгляд на «гороховую беременность» подтверждается и белорусским обычаем надевать гороховый венок на женщину, родившую вне брака².

Что касается рождённого вне брака ребёнка, то и для него в народном лексиконе имеется «соломенный ярлык». К примеру, в Ярославской

¹ См.: *Словарь русских народных говоров*. Вып. 39. — СПб., 2005, стр. 292–293.

² См.: Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. — М., 2002, стр. 208, 241–242.

³ См.: Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. — М., 2007, стр. 257, 263.

¹ См.: *Словарь говоров Русского Севера*. Т. 3. — Екатеринбург, 2005, стр. 111; *Словарь русских народных говоров*. Вып. 7. — СПб., 2002, стр. 66.

² См.: Коваль В. И. Восточноевропейская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение. — Гомель, 1998, стр. 94–95.

области девочку, рождённую вне брака, до сих пор называют соломенницей, а мальчика — соломенником. Понятно, что эти слова имеют негативный оттенок¹.

Другой, уже не такой серьёзный, женский грех — фривольное, вызывающее поведение. Не надо объяснять, что таковое совсем не способствует семейной жизни. Связана ли фривольность с соломой? Оказывается, да. В средневековой Франции женщинам за провинности, касающиеся женской чести, на голову надевали соломенную косу. Наказание косой налагалось за такие прегрешения, как слишком большой вырез платья или же, например, походка, которая могла быть соблазнительной для мужчин. Видимо, на этот случай существовала и соответствующая идиома. (Фото 36)

Следующий грех — взгляды «в сторону» и мимолётное любовное увлечение. И это отступление от моногамной нормы также отмечено «соломенными» идиомами. Я ограничусь тремя примерами, но, заметьте, они взяты из языков, весьма удалённых один от другого. Во всех трёх идиомах обыгрывается любовное увлечение, мимолётная вспышка сексуального чувства. В таком случае французы говорят «feu de paille», немцы — «Strohfeuer», а поляки — «słomiany ogień». Как же переводятся на русский язык эти выражения? Оказывается, совершенно одинаково: «соломенный огонь» (или «соломенная вспышка»). Комментарии, как говорится, излишни. Справедливости ради надо отметить, что данные выражения используются для характеристики не только увлечения незамужней женщины (любовное увлечение замужней женщины граничит с изменой, если ей уже не является), но и лёгкого романчика холостяка и мужчины, находящегося в браке. Впрочем, эксплуататорская мораль позволяет на такие мужские шалости смотреть сквозь пальцы.

Но есть такие мужские «странности» и «забавы», к которым общество относится не столь терпимо. Таким образом, мы переходим к мужским аномалиям. Разумеется, и они не миновали «соломенного» клеймения.

В первобытном обществе, как мы выяснили, известная часть мужчин была отстранена от сексуальных связей с женщинами. На брачной поляне такие мужчины занимались суррогатным сексом, манипулируя куклами. Иначе говоря, они мастурбировали. Свидетельством этого является полировка, нанесённая мужскими руками на поверхность древних отказных статуэток. К тому же первобытные мужчины практиковали, как бы мы сейчас сказали, оральный секс с юношами, готовившимися к инициации. Тогда это расценивалось как наделяние

подростающего поколения мужскими качествами. И в том и в другом случае мужчины мастурбировали в отсутствие женщин. В то время такое удовлетворение было совершенно нормальным.

Эпоха цивилизации перевернула представления людей в этом вопросе. В эксплуататорском обществе суррогатный секс был вынесен за пределы нормы. Молодое поколение теперь могло взрослеть, вполне обходясь без архаичного «вливания мужественности». А что касается мужчин, на этом этапе истории все они, в принципе, могли быть удовлетворены женщинами, во-первых, в семье, благодаря дроблению общества на моногамные ячейки и, во-вторых, на худой конец, пользуясь услугами проституток. Поскольку «пустой секс» сделался аномальным, он, как и другие не укладывающиеся в моногамные рамки деяния, по идее, должен был получить «соломенную маркировку». И он её действительно получил. Слова, обозначающие непотребные по меркам нового времени действия, стали идиомами.

Что же это за идиомы? Чтобы познакомиться с ними, мы перенесёмся в Латинскую Америку. Испаноязычный мир является заповедником «суррогатно-соломенной» лексики.

По-испански, солома — *raja*. Но точно так же в Аргентине, на Кубе, в Мексике, Колумбии, Панаме называют, правда, не на публике, и мужское сексуальное самовозбуждение. На Кубе, в Мексике и Колумбии синонимом этого словечка является «*rajuela*» (в Колумбии употребляют и форму «*rajuelo*»). А вот в Бразилии соломой (на бразильском диалекте португальского: *roga*) называют не процесс, а в известном смысле результат этого действия — сперму. «Заниматься мастурбацией» во многих латиноамериканских странах звучит как «*hacerse la raja*» (букв.: заниматься соломой) или «*hacer la raja*» (букв.: делать солому). В Панаме то же самое выражают и одним словом — «*rajarse*», что можно перевести на русский язык как «соломениться». Не обойдён вниманием латиноамериканцев и человек, практикующий такие занятия. Например, в той же Панаме его именуют «*rajiso*».

На эксплуататорском отрезке истории в круг «соломенных» явлений втягивается всё то, что не укладывается в каноны семейной, моногамной нормы и морали, всё то, что можно назвать сексуально-аномальным. Однако где границы этого круга? У каждого народа они свои. С точки зрения латиноамериканцев, и женоподобный мужчина находится в этом круге. Например, на Кубе такого называют «*rajarito*». Что же тогда говорить о мужчине специфической сексуальной ориентации. На кубинском жаргоне такого человека именуют «*raja*».

Приведённые мной идиомы не являются изобретением латиноамериканцев. Во времена колонизации они были «экспортированы» в Новый Свет испанцами. Языки изменяются, и за несколько столетий

¹ См.: *Словарь русских народных говоров*. Вып. 39. — СПб., 2005, стр. 293.

каждая из двух испаноязычных ветвей «соломенной» лексики приобрела определённое своеобразие. Например, по-испански (в данном случае я имею в виду не язык, а страну) «мастурбировать» звучит как «ра́еар», «заниматься мастурбацией» — как «ра́еарсе», а человека, предающегося такому занятию, в Испании называют... Впрочем, я чуть-чуть придержу это слово. Интересно, что незнание его смысла обернулось немалыми потерями для... одного автомобильного гиганта.

Вы наверняка видели на улицах машину, на которой крупными буквами сверкает слово «ра́ега». Честно говоря, не знаю, как понимает это слово создатель автомобиля — японский концерн Mitsubishi. Видимо, как что-то означающее силу, смелость и красоту. Но вот беда, эта марка не находит сбыта ни в Испании, ни на латиноамериканском рынке. Вы, конечно, догадываетесь, почему. В Испании «тёзкой» автомобиля является человек, занимающийся мастурбацией. А в Латинской Америке, где, насколько я знаю, не бытует такое слово, возникают, как мне сказал один мой панамский коллега, ассоциации. (Фото 37)

Эти ассоциации больно ударили по производителю. Тогда японцы срочно переименовали машину. Для Латинской Америки её стали выпускать под маркой «montero» («конный охотник»). Однако в концерне Mitsubishi, видимо, и на этот раз не оказалось толстого испанского словаря, и... у латиноамериканцев появились новые ассоциации. Ведь, например, в Боливии словом «montera» называют шляпу индейца, а в Гондурасе — и вовсе попойку. Так что знание идиом представляет не только академический интерес. Иногда на первый план выступает и интерес экономический.

Что касается нас с вами, уважаемый читатель, надеюсь, мы более или менее удовлетворили свой познавательный интерес, окинув взглядом достаточно представительную «соломенную» лексику, маркирующую различные отступления от канонов семейно-брачного и полового поведения в эпоху цивилизации. Вроде бы можно подводить итоги. Но я хочу вам предложить одно небольшое дополнение. Предлагаемый вашему вниманию сюжет дополнит и данную главу, поскольку он касается ещё одного отступления от половых канонов, правда, не эксплуататорского общества, а пережившей своё время первобытности. И одновременно он будет дополнением к предыдущей главе, где речь шла, в частности, о добрых взаимоотношениях полов.

Как уже говорилось, в любом историческом укладе всегда найдутся вкрапления глубокой старины. Некоторые пришельцы из далёкого прошлого, доживая свой век в виде рудиментов, тихо отмирают. Другие, и о таких явлениях речь шла в настоящей главе, существуют

на правах изгоев, находясь в конфликте с установившимся порядком. Третьи, видоизменяясь и приспосабливаясь, вживаются в ткань существующего уклада, становятся его неотъемлемой частью. Понятно, что какие-либо отступления от таких обновлённых старых реалий (норм, обычаев, порядков) не могут рассматриваться людьми как что-то естественное и нормальное. Этим отступлениям люди дают оценки, зачастую превращающиеся в идиомы. Идиоматическим выражениям, представляющим собой негативную оценку определённого отступления от одной нормы полового поведения (и человека, не вписавшегося в эту норму) мы и уделим немного внимания. Все идиомы, с которыми мы сейчас познакомимся, связаны с первобытным взаимодействием полов и несут в себе указание на то, что на древних брачных сходах все женщины должны были вступать в сексуальные отношения с мужчинами. Так что, и с этой точки зрения, данное дополнение будет нам полезно.

О каком отступлении идёт речь? Что это за идиомы? Сейчас увидите.

Представьте себе девушку, пришедшую на танцы или игры и не принявшую в них участия. Разве это нормально? Разумеется, нет, и окружающие с неодобрением комментируют такую ситуацию. Неплохую подборку идиом на этот случай вы можете найти в книге И. А. Морозова и И. С. Слепцовой «Круг игры»¹.

Как же люди говорят о такой девушке? По-разному. Например, в Вологодской области бытуют такие выражения: «с корягой домой ушла», «сосну поволокла» (имеется в виду ствол с отходящими от него под углом сучьями), «яблошника наелась», «с горóховиком ушла» (яблошником и горóховиком на Русском Севере называют небольшие пироги и ватрушки соответственно с картошкой и варёным горохом), «ушла домой с сайдой», «все сайду с собой унесла». Что означают такие разные идиомы?

Нет, они отнюдь не разные, точнее, они различаются лишь формально, по сути они абсолютно идентичны. Что такое «коряга», «рогатая сосна», «яблошник» и «горóховик»? Всё это — поистертые и потерявшие своё былое смысловое наполнение этикетки женского интимного места. А «сайда» — его и ныне употребляемое наименование. Выходит, девушка ушла домой с этим самым местом, и жаль, что... его не использовала. Какая же тут логика, и есть ли она вообще? Да, есть, и логика эта историческая. Ведь в древности женщины приходили на брачные сходы именно с целью своей полной сексуальной реализации, с целью, так сказать, использования. А современные игры, танцы, праздники выросли из сексуальных, брачных сходов и не из чего более.

¹ См.: Морозов И. А., И. С. Слепцова. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). — М., 2004, стр. 176.

Так какое отступление от нормы осуждается этими идиомами? Да, совершенно верно, сексуальная нереализованность (её оборотной стороной является сексуальная невостребованность), выступающая в наше время в виде неучастия в танцах и играх.

Данные идиомы, как и «соломенные», появились во времена парного брака. Тогда сексуальное взаимодействие полов, перемещаясь с брачной поляны в складывающуюся семью, отделялось от игрищ. В это время на утрачивающей брачное назначение поляне всё более требовалась не сексуальная реализация, а, если можно так сказать, игровая. Если же девушка (впрочем, это касается и парня) оказывалась в стороне от игр и забав, её положение определённым образом и на ещё понятном тогда языке, но уже в переносном смысле, характеризовалось окружающими. Этот язык, в виде идиоматических выражений, некоторые из которых я привёл, дожил, уже совершенно непонимаемый, и до наших дней.

Между прочим, данные идиомы показывают, что корягой, яблочником, горбóховиком, а также мутовкой, клином, рогаткой, преснухой, рыжиком и т. д. в своё время называли не только вещи, похожие на сексуально привлекательные места женщины, но и сами эти места. Так что, занимаясь вещным отказом, мы не ошиблись, связав различные предметы с женской телесностью. Аргумент, подтверждающий нашу правоту, пришёл, в виде ряда идиом, с танцевальной площадки.

Идиомы, если к ним подойти исторически, если ими заниматься в контексте развития и в связи со всеми сторонами жизни, могут многое поведать о прошлом. Зачастую только язык хранит в себе информацию о давно минувших днях. Несомненно, в двух последних главах он нам оказал большую услугу. Но нам надо идти дальше, и здесь с удовлетворением мы должны попрощаться с исторической лингвистикой.

Но прежде, чем поднять следующую проблему, сформулируем итоги главы. Что же мы сделали, взяв в разработку, казалось бы, узкую — «соломенную» — тему?

1. Продолжая исследовать взаимоотношения полов на эксплуататорском отрезке истории, мы рассмотрели, вслед за супружеской и любовной изменой, целый ряд больших и маленьких отступлений от норм моногамного порядка. Эти отступления были объединены нами в три группы. Такая группировка была обоснована.

В первую группу вошли прегрешения, состоящие в разрушении и несоздании семьи, во вторую — нарушения женщиной надлежащего полового поведения, в третью — мужские грехи.

2. Все отступления от семейно-брачных и половых канонów эксплуататорского общества, а мы рассмотрели практически весь их списочный состав, имеют свою метку-идиому. В подавляющем большинстве таких идиом фигурирует «солома». Таким образом, выбор «соломенной темы» оказался весьма выигрышным и, надеюсь, плодотворным.

Мы выяснили, что присутствие в идиомах этого ряда «соломы», во-первых, обусловлено в конечном счёте древним женским сексуальным отказом и его инструментом — куклой, во-вторых, является не произвольным и случайным, а, напротив, представляет собой закономерное следствие широкого использования в женском отказе соломенной куклы и, далее, пучка соломы и, в-третьих, в условиях эксплуататорского общества придаёт идиоматическим выражениям характер осуждения и издёвки.

3. Все рассмотренные нами отступления от моногамного регламента подтвердили закон, согласно которому в семейно-брачной и половой сфере эксплуататорского общества осуждению подвергается всё то, что было вполне нормальным и нравственным в прежнюю, первобытную эпоху.

Одна эпоха сменяет другую, и точно также сменяется вырастающая из бытия мораль. Эта смена нравственных оценок имеет объективный характер и не является предметом критики.

4. Нам удалось найти истоки и объяснить смысл исходной идиомы «соломенного семейства». Как было показано, «соломенная вдова» (как и «соломенный вдовец») родилась в процессе женского отказа на этапе парного брака и семьи. Тогда, с освоением земледелия массовым инструментом женского отказа и отделения от мужа (вдова значит «отделённая») стала соломенная кукла и, позже, — пучок соломы. Отделённая от мужа подношением соломы женщина стала соломенной вдовой.

Будучи в условиях парного брака нормальным явлением, «соломенное отделение» превратилось на моногамном отрезке истории в неодобряемую общественным мнением аномалию.

5. В странах, где земледелие появилось сравнительно поздно, эквивалентом «соломенной вдовы» является «травяная вдова». Эта идиома позволила нам прийти к выводу, что растительная отказная кукла, в принципе, не связана с земледелием и поэтому вполне могла производиться и использоваться в женском отказе даже на заре человеческой истории.

Это ценное заключение будет использовано нами в дальнейшем.

6. В дополнение к главе мы обратили внимание на ряд идиом, характеризующих невострребованность девушки на сборах молодёжи (мы не коснулись невострребованности парня, поскольку она, сопровождаемая соответствующими идиомами, по сути дела является аналогом невострребованности девушки).

Таким образом, в добрачном сегменте половых взаимоотношений вслед за любовью и изменой мы обнаружили ещё один элемент — невострребованность (и её другую «половину» — нереализованность). Картина добрачных взаимоотношений полов приобрела теперь законченный вид.

7. Попутно мы обзавелись аргументом, подтверждающим нашу правоту в деле оценки отказных предметов как аналогов и заместителей сексуально привлекательных частей женского тела. Ведь раньше сексуально привлекательные части женского тела назывались людьми так же, как и вещи, сделавшиеся отказными. Причиной использования в отказе этих вещей стала не только их внешняя похожесть на предмет замещения, но и определённая смысловая тождественность натуры и суррогата.

Мы убеждаемся ещё раз, что женский отказ генетически связан исключительно с сексуальным замещением натуры суррогатом.

ГЛАВА VII

КУКОЛЬНОЕ ДРЕВО

Вы помните, уважаемый читатель, с чего мы начинали? Зацепившись за эротичность палеолитических женских статуэток, мы в главных чертах реконструировали систему взаимоотношений полов в первобытном обществе. Именно там, в межполовых отношениях, каким-то образом могли быть задействованы сексуально выразительные фигурки. И мы оказались правы. Наши предположения подтвердились. Мысленно преодолев двадцатитысячелетнюю толщу времени и став свидетелями древнего брачного обряда, мы увидели эти фигурки в действии. Загадочные венеры оказались не предметами поклонения, не произведениями искусства и не изображениями матерей-прародительниц. Они были отказными секс-куклами. На том уровне развития человека только так, с помощью искусственных женщин, вручаемых настоящими женщинами сверхкомплектным мужчинам, можно было организовать нормальное взаимодействие полов и тем самым обеспечить существование общества.

Казалось бы, с ростом человека и развитием общества овеществлённый отказ должен был давно стать достоянием истории. Однако нет, обычаи живучи, и, пройдя ряд стадий, предметный отказ, уже при сватовстве, сумел дотянуть до самого новейшего времени. Даже кукла, правда, утратив пару своих важнейших функций (сексуального удовлетворения мужчины и снятия мужской конфликтности) и в наши дни продолжает кое-где фигурировать в качестве отказного средства. Что же касается словесной составляющей отказа, она расцвела целой кроной колоритных идиоматических выражений.

Со временем в этой кроне на правах ответвлений появились формулы супружеской измены, интерполовые идиомы, выражения, «обслуживающие» сексуальную невострребованность, слова-оскорбления, термины для обозначения людей, разрушающих семью и увиливающих от её создания, характеристики внебрачной беременности и прозвища детей, рождённых вне брака, ярлыки для мужчин, занимающихся «пустым сексом», и даже оскорбительные этикетки для гомосексуалистов и женоподобных субъектов. И всё это — порождения древнего сексуального отказа.

Перед нами, таким образом, предстало древо, выросшее из потребностей архаичного полового регулирования, осуществлявшегося с помощью сексуально-отказной куклы. Однако это лишь одна, главная,

стволовая ветвь «отказного дерева», с многочисленными веточками её кроны. От этого ствола отходят мощные боковые ветви. Первую и вторую, более ранние, мы назовём соответственно божественной и игрушечной, третью, которая появилась намного позже и которой мы займёмся в следующей главе, — земледельческой.

Итак, приступим к осуществлению нашего плана. Сейчас нам предстоит проследить, как происходило преобразование сексуально-отказной статуэтки в божество. Вы полагаете, такая радикальная трансформация невозможна? Отнюдь, она оказалась не только возможной, но и, в силу развития человека и общества, неизбежной. Превращение — через ряд стадий — отказной куклы в божество оказалось востребованным историей. Рассматривая эту удивительную метаморфозу, мы будем держаться линии исторического развития.

Одаривая куклами выбракованных мужчин, женщины в начале человеческой истории не могли задумываться над смыслом и значением происходящего. Люди ведь только-только вырвались из оков животного мировосприятия. По-прежнему, как ранее их животных предков, людей заставляла действовать доставшаяся им в наследство программа бездумного и неукоснительного соблюдения издревле заданного порядка. Порядок требовалось лишь соблюдать, а не думать и не искать какие-то связи. В то время человеческая мысль включалась не для решения фундаментальных вопросов бытия, а исключительно по поводу частных, практических и несложных задач. Так продолжалось в течение нескольких десятков тысячелетий.

Тем временем история набирала обороты. Мало-помалу развивалось общество. Вместе с ним поднимался и человек. Ко времени расцвета венерианского производства он был уже способен делать несложные обобщения и давать простые оценки. Постепенно возникало по сути дела детское понимание происходящего.

Приблизительно двадцать тысячелетий назад женщины стали смутно осознавать значение, прежде всего, для собственного, женского бытия, своих маленьких «сестричек» (разумеется, я имею в виду наиболее продвинутые человеческие общности, например, такие, следы обитания которых обнаружены в Чехии или Сибири). Несомненно, куклы им помогали, помогали во время брачных сходов. Из обычных «сородичей» куклы стали превращаться в носительниц вполне определённого, конкретного позитива. Между женщинами и куклами, слегка приподнявшимися над женщинами в качестве помощниц, пролегла еле заметная трещина. Но и между людьми в это время тоже начали возникать едва уловимые различия. Впредь эти два процесса будут развиваться параллельно. Надчеловеческое, божественное будет следовать по стопам социального движения и будет отражением человеческого

бытия. Но до формирования в сознании человека божественного начала ещё должны пройти многие-многие тысячелетия общественного развития. Пока же, в начале этого пути, куклы, более подсознательно, чем разумно, стали восприниматься в качестве помощниц во вполне конкретном деле.

«Конкретные помощницы» «жили» вместе с женщинами, и их ограниченный позитив, нереализуемый в промежутках между брачными сессиями, оставаясь при них, рано или поздно должен был распространиться за границы их узкого назначения, за границы брачного обряда. Помощь маленьких «сестёр» должна была сделаться, если можно так выразиться, многофакторной. А многофакторность помощи, в свою очередь, не могла реализоваться иначе, как посредством дифференциации «кукольного семейства», посредством его разделения на помощниц, скажем так, разного профиля. Этот процесс шёл в параллель и был обусловлен процессом развития первобытного разделения труда и первобытной общественной дифференциации. Сознание, фабрикуя вымышленную дифференцированную (разделённую между «сёстрами») помощь, как и надлежит отражающему объективную реальность органу, следовало в русле изменений общественного бытия.

Так на определённом этапе общественного развития появляются наделённые особыми способностями персонажи, помогающие в том или ином деле. Видимо, в это время в сознании женщины образ помощницы фиксируется более или менее чётко и определённо (аналогичным порядком развиваются и мужские представления о помощнике, который, однако, весьма не походит на женскую помощницу и о котором я скажу чуть далее). Теперь к «сёстрам» можно обращаться по различным поводам. И «сёстры», апробированные на поприще сексуального отказа, обязательно помогут. Только впредь, в свете новых общественных потребностей, они будут более чем «сёстрами» и более чем помощницами.

Раз «сестра» может помочь, она выше женщины, она умнее, способнее, могущественнее. Что возможно для женщины, то элементарно для помощницы. Но время требует большего. Теперь лишь помощи уже недостаточно. Перед человеком открываются всё новые грани огромного мира, непредсказуемого, загадочного, опасного. Первобытное сознание достигает уровня, на котором человеку необходима уже не только помощь, но и защита и покровительство. Откликаясь на эту потребность, помощница — в глазах женщины — превращается в заступницу и покровительницу, и та наделяется определённым, пока ещё совсем небольшим, набором недоступных для человека, сверхъестественных способностей.

В это время характерный для первых шагов человечества сплав практического и идеального начинает понемногу разделяться на две свои «половинки». Идеальное начинает конституироваться. И в это же время вместе с азами понимания человек овладевает началами представлений. Теперь в сознании женщины (впрочем, как и мужчины) находится местечко, где гнездятся представления о возможности покровительницы («покровителя») сделать то, что в данной ситуации невозможно для женщины (или мужчины) и что в череде событий не совсем естественно для природы. Что касается общественной дифференциации, то на этом уровне развития из общей среды едва заметно выделяются личности, для которых работа по реализации покровительства и заступничества становится, если можно так сказать, полупрофессиональной деятельностью. Так зарождается шаманизм и появляются первые, действующие ещё без отрыва от общественного материального производства, женские шаманки и мужские шаманы.

Однако представления того времени о сверхъестественном ещё очень далеки от религиозных. Это ещё не религия, это ещё не безотчётная вера, а покровители и заступники ещё ни в коем случае не божества. Человек во многом с ними ещё на равных. Ему позволительно даже отчитывать и наказывать не справившихся со своими задачами покровителей. Религия появится лишь в эксплуататорском обществе. А сейчас, нынешние сверхъестественные существа ещё далеко не дотягивают до способности неограниченно творить чудеса (такого понятия просто не существует), до всемогущества. У человека пока ещё весьма ограниченные материальные и духовные потребности. И общество далеко от того уровня, уровня классового размежевания, когда религия становится возможной и делается необходимой. На данном этапе женщина вполне удовлетворяется помогающими и покровительствующими ей «живыми» куклами-оберегами, начало которым положила так хорошо зарекомендовавшая себя на брачной поляне «специализированная сестричка» (мужчина, но о нём позже, разумеется, также не остаётся без покровительства).

В самом начале, когда божественная ветвь только прорастает, помощницы-покровительницы и отказные куклы (кукольный отказ продолжает действовать в полном объёме) мало различимы. Порой они даже подменяют друг друга. Однако рано или поздно наступает дифференциация. И вместе с ней всё ещё используемая женщинами и востребованная мужчинами отказная кукла постепенно перестаёт расцениваться людьми в качестве живого существа. Позиции женских берегинь существенно укрепляются. Этой линии суждено долгое существование, но, в отличие от линии божества, она не претерпит сколько-нибудь значительных изменений и далеко не дотянет до небес и,

тем более, до идеи сотворения мира. Женские куклы-обереги доживут практически в первозданном виде (я имею в виду не столько внешность, сколько функции) до наших дней. Они будут сопровождать сначала девочку, потом — девушку, а позже — женщину в её всевозможных занятиях и делах, в чаяниях, раздумьях, поисках, горестях. (Фото 38)

На первых порах береговые куклы «равноправны». Но как только в обществе возникает допустимое в условиях первобытности совсем незначительное, но тем не менее социальное неравенство, это сразу же сказывается на «сообществе» берегинь. Отображением главенства в обществе является появление главной, и при этом универсальной, годной на все случаи жизни, покровительницы и заступницы. Помните, в сказке о Василисе Прекрасной, мать, умирая, говорит дочери: «Слушай Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги её всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у неё совета. Покусает она и скажет тебе, чем помочь несчастью»¹.

Среди современных заступниц и покровительниц имеются куклы, отвечающие за достаток в доме и благополучие своей подопечной, заведующие преумножением рода и отведением злых сил, помогающие в ворожбе и в свадебных делах, и даже куклы, способствующие женским рукоделиям. Такие, более или менее современные береговые куклы во множестве описаны этнографами. Так что, если у вас возникли сомнения, является ли какая-то кукла оберегом или нет, и если является, то каким оберегом она служит, вы можете навести справки в этнографическом музее или поискать нужную вам информацию в литературе. (Фото 39)

А как определить древний оберег? Как отличить его от отказной куклы? Тогда ведь не было этнографов, которые о назначении куклы могли узнать из первых уст. Оказывается, в большинстве случаев это вполне возможно.

В первой главе я охарактеризовал внешний вид палеолитической вены. Выяснив её сексуально-отказное назначение, мы увидели, что внешность статуэтки полностью удовлетворяет её сути. Это и понятно. Содержание и форма теснейшим образом взаимосвязаны. А раз так, то и внешний вид береговой куклы должен соответствовать её содержанию. Подумаем, какие же внешние черты могут быть присущи берегине и могут отличать её от сексуально-отказной статуэтки. Назову основные отличия.

¹ Василиса Прекрасная // Народные русские сказки. Из сборника А. Н. Афанасьева. — М., 1982, стр. 97–98.

Во-первых, ни одна из известных на сегодня венер не могла стоять и ни одна не была изготовлена в позе сидения. В этом не было никакой необходимости. Для сексуального удовлетворения вполне годилась «ручная» фигурка. Другое дело, фигура покровительницы. Для этого персонажа больше подходит исполненная достоинства поза. Такие — изогнутые в поясице и, позже, сидящие — скульптурные изображения женщин появляются 7–8 тысяч лет назад. Вы спросите: почему не раньше? Думаю, для предания фигурке такой величавой позы был необходим достаточно высокий уровень развития общества. В качестве примера таких, сидящих берегинь я бы привёл женские фигурки из Алтын-Депе, Кара-Депе и Ялангач-Депе (Южная Туркмения), Пасарджика (Болгария), Чатал Хайюка (Турция). Интересно, что эти фигурки, уже явно не являющиеся отказными, всё ещё несут на себе печать глубокой древности. На подступах к эпохе эксплуатации покровительница зачастую всё ещё обнажена и лицо её всё ещё не открыто. Но сейчас нам важны не эти детали. Первой чертой обереговой куклы, разумеется, если она изготовлена из твёрдого материала, является поза сидения или стояния. (Фото 40)

Во-вторых, как мы выяснили, лицо категорически противопоказано отказной кукле. Все такие куклы изготавливались с завесой на лице или с пустой поверхностью, заменяющей лицо, да ещё зачастую и с опущенной головкой. Обереговая кукла, напротив, должна была являться выразительницей воли и определённой идеи. Она должна была утверждать и сообщать нечто важное нуждающейся в защите и покровительстве женщине. Фигурки с лицами стали изготавливаться очень рано, приблизительно два десятка тысячелетий назад. К таким оберегам мы должны отнести фигурки (и сохранившиеся только лишь головки) из Бурети и Мальты (Россия, Сибирь), Брассанпуй (Франция), Дольни Вестонице (Чехия). Однако процесс обретения оберегом лица был нелёгким. В ряде мест по определённым причинам он задержался на многие тысячелетия. Традиция безликости женской фигурки оказалась исключительно живучей. Тем не менее мы должны сказать, что второй чертой обереговой куклы, и при этом чертой вполне достаточной для признания куклы оберегом, является её открытое (с глазами) лицо.

В-третьих, отказная кукла не могла не быть сексуально привлекательной. Что касается оберега, эротика ему была абсолютно ни к чему. Некоторых своих покровительниц женщины стали «одевать» так же рано, как и наделять лицом. Такие, «одетые» обереговые куклы обнаружены археологами на сибирских стоянках (Буреть, Мальта). Видимо, «одевать» своих покровительниц женщин заставляли суровые природные условия Прибайкалья. В то же время многие

обереговые куклы не могли расстаться с эротичностью в течение многих тысячелетий. Так или иначе, третьей чертой берегини является наличие одежды и постепенное схождение на нет эротики. (Фото 41)

В-четвёртых, если в отказных куклах женщины нуждались только во время брачной сессии, то берегини могли потребоваться в любой момент и в любом месте, в том числе и на некотором удалении от жилища или стоянки. Следовательно, такие куклы, особенно при мобильном образе жизни, должны были быть удобны для переноски. Видимо, самым удобным способом переноски было ношение на шее. Понятно, что такие куклы должны были быть совсем небольшими. Действительно, некоторые миниатюрные древние фигурки имеют отверстие для шнура. Это, например, находки, сделанные в Мальте. Интересно, что отверстие мастерицы делали в нижней части фигурки, между ступнями, но ни в коем случае не в области груди или в голове. Разве можно было нанести вред одушевлённому существу?! Отверстие для шнура имеют и стилизованные и абстрактные шейные обереги, по-видимому, следующего поколения из Дольни Вестонице, Невшателя (Швейцария), Петерфельса (Германия). Четвёртой чертой куклы-оберега является отверстие для шнура. (Фото 42)

Таковы основные признаки, отличающие первобытный женский оберег от отказной статуэтки. Совсем не обязательно, чтобы покровительница женщины характеризовалась их полным набором. В принципе, для отнесения той или иной фигурки к категории оберегов достаточно и одного «оберегового признака». К тому же учтите, уважаемый читатель, что перед вами, если можно так выразиться, не завершённые признаки, а признаки-тенденции. Их комбинация, степень развития, конкретное воплощение зависят от многих факторов: местных условий, образа жизни, традиций, техники, технологии, материала, из которого изготавливались фигурки, и т. д. Я стремился вам дать не диагноз, а путеводную нить в лабиринтах первобытного фигуративного массива.

Теперь, поговорив о женских берегинях, которые по сути дела являются недоразвитыми божками индивидуального пользования, мы можем уделить внимание и вопросу сотворения человеком бога.

В то время, когда от отказных кукол отвечались помощницы и покровительницы, в первобытном коммунистическом обществе начинала проклёвываться индивидуальность. Берегини, о которых мы говорили, фактом своего существования и исходящими от них флюидами удовлетворяли духовные потребности отдельных женщин. Но ведь оставался ещё и коллектив, и какие-то наделённые жизненной силой и духом персонажи должны были удовлетворять и общественные духовные запросы. Эта ниша не могла пустовать. Таким образом, среди помощниц и покровительниц, сначала едва заметно, а потом всё более

явственно, стали выделяться куклы-обереги общественного назначения. Поначалу неотличимые от берегинь индивидуального пользования, они с ходом времени, как содержательно, так и своей внешностью, всё отчётливее оформлялись в особую группу.

Компетенция коллективных берегов распространялась на женскую составляющую общественного хозяйства, жилище женщин и очаг, на детскую группу, примыкающую в первобытном обществе к женщинам, на все другие компоненты жизнедеятельности женской половины рода. Со временем менялся и облик общественных женских берегов. В отличие от индивидуальных, они всё более тяготели к стационарности, увеличению размеров и монументальности. Если индивидуальные обереги носились женщиной на теле и хранились в укромных местах (или, во всяком случае, не выставлялись напоказ), то общественные покровительницы должны были находиться на обозрении у коллектива, на видном месте — на стоянке или в чем-то значимых окрестностях. Понятно, что это были женские изваяния, причём нередко с рудиментами, оставшимися в наследство от отказных кукол, в частности, с так или иначе выраженными женскими признаками. Каменные бабы-идолы южных степей смотрят на нас из того времени. (Фото 43)

Индивидуальный оберег надо было кормить и поить, вполголоса разговаривать с ним, тихо просить о помощи. Общественный идол требовал подношений, позже превратившихся в жертвы, коллективных бдений и публичного почитания. Известно, как накаляются страсти и обостряются и усиливаются психические реакции в коллективном действии. Всё это работало на будущее возвеличивание общественной берегини, на увеличение дистанции между идолом и человеком. Ближе к нашему времени, когда дело шло к решительному расслоению общества и возвышению одних людей над другими, общественные покровительницы всё более и более отдалялись от людей. Мысленная конструкция в точности воспроизводила общественное устройство. Параллельно с этим расширялся и круг подвластных идолам деяний. Теперь идолы заведовали стихиями, природными благами, благополучием рода. Однако им пока было неподвластно самое главное — сотворение мира. Тем не менее они, будучи на старте процесса всего лишь «сёстрами» женщин, сумели вырасти до управителей стихий и бытия.

Для того, чтобы подняться на ступень бога-творца, выделившемуся из среды равных главному идолу требовалось, дождавшись смены первобытного строя классовым, одновременно решить, по крайней мере, две задачи.

Во-первых, и это было в духе времени, надо было, разумеется, руками людей и в их головах, повергнуть других идолов, также ставших богами, и, утвердившись в качестве единого бога, заповедовать людям

отказаться от идолопоклонства и многобожия (становление единобожия проходило в острой и жестокой борьбе со старым). Соответствующая библейская заповедь настаивает: не сотвори себе кумира (таково иное название идола). Вы понимаете, читатель, что единый бог создавался в умах людей по образу и подобию земного властителя.

Во-вторых, решая первую задачу (и для её осуществления) главному идолу следовало сменить пол. И этому тоже способствовало новое время. Более того, время диктовало такую трансформацию. На переходе от первобытного коммунизма к эксплуатации мужчины, возвышаясь над женщиной, не только утверждался в роли хозяина и господина, но и ещё переписывал — на мужской лад — историю. Любый думающий человек знает, что в перелицовке истории нет ничего сложного и необычного. История на каждом крутом повороте в той или иной степени переписывается заново. В интересующее нас время на это ушло несколько столетий, от силы — тысячелетие. В конце концов в сознании людей место идолов-женщин, через промежуточную фазу идолов-мужчин, занял верховный персонаж мужского пола, творец и вседержитель. Утверждение идеи единого бога сопровождалось физическим сокрушением идолов.

Таким образом, бытие, объективно формируя сознание, вылепило в головах людей образ всемогущего творца, отца всего сущего. Мужчина отнял у женщины последнее — творец присвоил себе женское призвание порождать жизнь.

А ведь дело начиналось с сексуально-отказной статуэтки. Такая вот протяжённая и совершенно непохожая в своём завершении на собственное основание божественная ветвь кукольного древа. Не стоит удивляться такой, казалось бы, совершенно невероятной метаморфозе. Всё духовное, высокое и прекрасное, всё то, чем гордится и восхищается человечество, произошло из жизненно важных, но при этом сугубо утилитарных действий, удовлетворявших материальные и психические потребности первых людей. Танец, пение, изобразительное искусство, литература, религия имеют земные и далёкие от современной эстетики корни, и эти корни уходят в глубины даже не человеческой, а дочеловеческой истории.

Божественная ветвь кукольного древа не ограничивается процессом, которому мы уделили внимание. В параллель с этим, замкнутым на женщину, процессом, начавшись в глубокой древности, нарабатывался и аналогичный мужской мировоззренческий потенциал. Таким образом, вслед за женской составляющей мы переходим к мужскому «богоискательству».

В третьей главе, где речь шла, в частности, о первобытном женском отказе, мы вскользь коснулись и подобного мужского действия.

Напомню, что мужской отказ имел место во время экспедиционного промысла, когда сравнительно небольшая группа мужчин на значительном удалении от своей стоянки сталкивалась с численно превосходящей её группой женщин другой родовой организации. Поскольку женщин было больше, каким-то из них, если встреча склонялась к сексуальным связям, мужчины должны были отказать. Вот тогда-то в ход и шли специфические мужские отказные предметы. Таковыми могли быть только фаллоимитаторы. Только с их помощью можно было решить триединую задачу, состоящую в отстранении от реальных половых контактов «сверхкомплектных» женщин, блокировке конфликтности и сексуальном удовлетворении всех участников действия. Как я тогда заметил, из имеющихся на сегодня артефактов наиболее подходящими предметами для такой отказной миссии представляются так называемые птички из сибирской Мальты.

Данная культура, одна из самых продвинутых на то время (более 20 тысяч лет назад), исключительно интересна. По-видимому, тогдашние обитатели Прибайкалья вели весьма мобильный образ жизни. Об этом, в частности, свидетельствуют женские обереги, которые отнюдь не красоты ради женщины носили на шее. Ну а если женщины были подвижны, тем более это касается экспедиционеров-мужчин, которые, надо полагать, большую часть времени проводили вне стоянки. Значит, фаллоимитаторы должны были быть не только непременной принадлежностью древних прибайкальских мужчин, но и, что очень вероятно, имелись у каждого не в единственном экземпляре. Об этом могут свидетельствовать сравнительно частые находки мальтинских «птичек». Как видим, опираясь на концепцию отказа, можно попытаться реконструировать образ жизни представителей той или иной культуры. Вопросы, которыми мы занимаемся, тесно связаны со многими аспектами жизнедеятельности первобытного общества.

Фаллоимитатор был атрибутом первобытного мужчины и так же, как женская отказная кукла, спасал своего обладателя от беды, неизбежной в отсутствие этого предмета при численном перевесе женщин. Когда наступило время, фаллоимитатор, как и отказная статуэтка, положил начало мужскому оберегу, эволюция которого вряд ли сильно отличалась по существу от эволюции женской берегини. Отличия касались главным образом формы, цвета, рисунка и, естественно, защитительного и покровительного назначения, обусловленного мужскими занятиями. Ещё одним отличием мужского оберега было отсутствие свойственного кукле консерватизма. Отказная кукла, два десятка тысячелетий назад став оберегом, так и осталась куклой. Другое дело, мужской отказной инструмент. Став оберегом, со временем он мог превратиться в зуб зверя, раковину, кость, а мог сохраниться и в виде

крестообразной подвески, выполненной из дерева, кости, а позже, — из металла. Не надо говорить, что спустя тысячелетия время поглотило всякие воспоминания о сексуальном назначении предшественника этого мужского шейного знака.

Так же, как все ставшие достоянием истории и ныне бытующие в мире куклы происходят от древней отказной искусственной женщины, все носимые на шее мужчины традиционные знаки ведут свою родословную от первобытного отказного фаллоимитатора. С возвышением мужчины, тем более, если такие знаки приобретали какое-нибудь идеологическое или мировоззренческое значение, их ношение становилось возможным и даже необходимым и для женщин. С переходом к эксплуататорскому строю мужчина наступал и на этом направлении.

Определённо можно утверждать, что и крест, носимый представителями основных христианских конфессий, имеет того же предшественника. И не столько потому, что он своей формой сходен с мальтинской или какой-нибудь средиземноморской «птичкой». Аргументом в пользу такого утверждения является не внешнее сходство, а логика бытия. Никакая другая жизненно важная потребность, кроме необходимости иметь при себе отказной инструмент, не могла в глубокой древности заставить мужчину что-либо повесить себе на шею. А когда отказной фаллоимитатор превратился в оберег, ни одна сила уже не могла заставить мужчину снять с шеи этот знак защиты и покровительства.

Что касается христианского креста, думаю, нетрудно в общих чертах набросать историю его появления. Известно, что христианство возникло в общем-то как ересь и как протест против дискредитировавшей себя церкви. Известно также, что протестанты в поисках идеала новой церкви часто обращают свои взоры в прошлое. Там они видят правду и справедливость. И там же ищут символы, опираясь на которые противопоставляют себя официальной церкви, её доктрине и безнравственному духовенству. Представители христианского протеста, быть может, ещё до Христа избрали в качестве своего знака старинный оберег, несомненно, как и все другие обереги, происходящий от древнего мужского отказного орудия и выполненный в форме креста-«птички». Этот символ, олицетворяющий былое, стал их духовным знаменем в борьбе за ставшие новыми старые идеалы. Впрочем, не менее вероятно, что «вооружение» крестом произошло совершенно стихийно, и лишь потом, по факту, крест сделался одним из фундаментальных атрибутов христианского вероисповедания.

Как мы выяснили, женский общественный оберег в конце концов вырос до божества. Его мужскому аналогу в строительстве божественной карьеры не так повезло. Вы понимаете, уважаемый читатель, что дело тут, конечно, не в везении. Богом должен, по образу и подобию

человека, быть персонаж, а не некая часть тела. Да и с общественной составляющей мужского оберега дело обстояло сложнее, чем с аналогичной составляющей женской берегини. Мужские обереги были более, нежели женские, индивидуализированы. Они носились на теле, в то время как женские, в принципе, находясь на некотором удалении от опекаемых ими женщин, могли покровительствовать не только своим «хозяйкам». В первобытном коммунистическом обществе не было «своего» и «чужого», и пользование многими вещами, в том числе и куклами, думаю, в довольно широких пределах было совместным. Женские обереги, в отличие от мужских, в потенции содержали в себе общественную реализацию. Только при определённом стечении обстоятельств мужской оберег мог подняться на ступень идола. Кое-где так действительно и случилось. До сих пор в некоторых странах Востока всё ещё свежи воспоминания о некогда широко практиковавшемся там культе фаллоса. (Фото 44)

Идол-фаллос стороннему наблюдателю может показаться нелепцей или даже извращенчеством. Однако это не так. Такой «монумент» (как вещь и как явление) представляет собой заключительный аккорд мужской составляющей божественной ветви кукольного древа. Вместе с тем этот идол является и в прямом и в переносном значении этого слова монументальным практическим подтверждением существования в древности мужских отказных фаллоимитаторов. Вес такого аргумента трудно переоценить.

В этой главе нам осталось рассмотреть игрушечную ветвь кукольного древа. Эта ветвь имеет тот же исток, что и божественная. Таким истоком является кукольное бытие в интервалах между брачными сессиями.

В древности куклы воспринимались человеком в качестве живых существ, и, понятно, их «жизнь» не могла состоять лишь в участии в брачных сессиях. Миниатюрные женщины «жили» и «действовали» не только на брачной поляне. «Сестёр», выполнивших свою отказную миссию, женщины не прятали до следующей встречи с мужчинами, а, напротив, активно использовали в течение всего межсессионного периода. Куклы были им необходимы в одном исключительно важном для человека того времени занятии.

Если бы сквозь тысячелетия мы посмотрели на древних женщин, нам пришлось бы признать, что порой они, полностью поглощённые этим занятием, играют в куклы. Да, они действительно играли в куклы. Играли, как играют сейчас наши дети, увлечённо, самозабвенно, забывая при этом, что игра — всего лишь имитация жизни. Детскому возрасту, будь то человечество или человек нашего времени, свойственно имитировать реальные действия.

Вы задавались вопросом, читатель, почему и для чего играют дети? Если смотреть в корень, то для того, чтобы удовлетворить, неважно, что суррогатом, потребность психики в общественно востребованном действии, чтобы получить от процесса игры и сыгранного результата заряд положительных эмоций, чтобы имитацией компенсировать реальное занятие, которое из-за малого возраста не может быть осуществлено. Ребёнок играет для того, чтобы ощутить себя человеком. Игра есть труд маленького человека, есть жизненная необходимость. Но чтобы необходимость реализовалась, нужна ещё и возможность её реализации. Для игры, помимо психических мотивов, требуется ещё и время.

В пору детства человечества люди, вопреки расхожим представлениям, не владели жалкого существования и не были озабочены единственно добыванием пищи. Первобытный человек в высшей степени рационально относился к природе и, как правило, на уровне своих потребностей постоянно был обеспечен всем необходимым. Согласуясь с природными и социальными циклами люди реально трудились отнюдь не каждодневно и ежечасно. Для имитационной, игровой деятельности времени у нашего палеолитического предка было вполне достаточно. И такая деятельность первобытному человеку (кстати, и современному также), как и ребёнку, была необходима. Ведь её альтернативой в свободное от реальной работы время является ведущее к отуплению по сути дела нечеловеческое ничегонеделание.

Так, например, для мужчин палеолита ведущим игровым занятием была имитация охоты. Изображения животных, которые первобытным человеком нанесены на стены пещер и которые историки и археологи принимают за произведения искусства, на самом деле являются всего лишь декорациями сцены, где разворачивалась принимаемая за действительность игра. Не случайно изображения животных наносились на стены и даже потолки длинных и узких пещер. Это была имитация загонной охоты, а изображаемые животные были в подавляющем большинстве стадными. Такие игры в охоту, затем превратившиеся в охотничьи обряды, проводились в межсезонье, когда приостанавливались миграции животных.

У женщин также находилось время для своих игр, для реализации женской игровой потребности. Поскольку дети жили с женщинами, они тоже играли в куклы. Прежде всего это были девочки. В какие игры играли женщины? Разумеется, в игры, воспроизводящие быт и жизнь женского сообщества. Впоследствии из многих разыгрываемых действий выросли различные обряды. По всей вероятности, и у мальчиков были свои игрушки. Но по-настоящему, по-мужски они начинали играть только тогда, когда, готовясь к инициации, за год-

два до неё, переселялись в мужской дом. Вместе со взрослыми мужчинами они имитировали охоту.

Ну а дальше, с ходом времени и взрослением человечества игровая составляющая бытия развивалась в совершенно понятном направлении. Куклы-игрушки, отделившись от кукол-оберегов, всё более и более становились подростковым и детским достоянием. Однако этот процесс шёл не быстро и пришёл к своему логическому завершению (я имею в виду только развитые общественные системы) лишь в наше время. Ещё в начале XX века девушки российской глубинки в играх с куклами часто разыгрывали различные, интересные им, прежде всего, свадебные, эпизоды. Такие занятия воспринимались ими совершенно серьёзно и являлись для них жизненно значимыми. Этот момент очень важен. Игра в древности, как и сейчас у маленького ребёнка, была неотделима от жизни¹.

«Гены» древней отказной куклы живут в традиционной народной игрушке по сей день. В этом нетрудно убедиться, посетив этнографический или краеведческий музей. Там вы увидите, что куклы-игрушки так же, как и их палеолитические отказные прапра... бабушки, зачастую не имеют лица. А, например, некоторые каргопольские глиняные игрушечные фигурки женщин выделяются выразительными обнажёнными бюстами. Вот вам практическое подтверждение их отказного истока. (Фото 45)

Да, действительно, как мы видим, все куклы имеют общие корни. Однако не преждевременно ли такое резюме? Чтобы убедиться в его справедливости, мы должны заняться земледельческой ветвью кукольного древа. Но прежде — итоги главы.

1. В этой главе мы решительно вышли за пределы концепции женского отказа. Исследовав ствол кукольного древа, мы приняли за его боковые ветви. Заключительным звеном одной из них (я назвал её божественной) оказался единый и всемогущий бог. Мы проследили ступени его восшествия на небесный престол и соответствующие этим ступеням трансформации исходной фигуры — сексуально-отказной куклы, превращавшейся последовательно в общественный женский оберег, женский идол, идол мужского пола и, наконец, в создателя и вседержителя мира.

Мы отметили, что такая эволюция духовных и, в конечном счёте, религиозных представлений человека была обусловлена развитием общества и прогрессивными изменениями обще-

ственного бытия. Так, в развитии общества, человек создавал и создал себе бога.

2. Что касается индивидуальных защитниц и покровительниц женщины, женских берегинь, им не суждено было сколько-нибудь существенно измениться в ходе исторического развития. С момента своего появления (приблизительно двадцать тысячелетий назад) и вплоть до нашего времени функционально они практически не претерпели никаких изменений. До сих пор у народов, не слишком продвинувшихся по стреле прогресса, женщину по-прежнему окормляют по сути дела первобытные куклы, её помощницы, наставницы, покровительницы.

3. Параллельно с женским оберегом-куклой формировался и мужской оберег индивидуального назначения. Его исходной моделью был отказной фаллоимитатор. Не вдаваясь в детали появления и эволюции покровительствующего мужчине инструмента, я отметил, что по существу линия исторического изменения мужского оберега не отличалась от линии изменения его женского аналога.

4. Линию носимого на шее мужского первобытного оберега продолжили современные традиционные шейные знаки. Несомненно, и христианский крест имеет своим историческим предшественником древний оберег, а тот, в свою очередь, восходит к сексуально-отказному фаллоимитатору. История горазда на такие метаморфозы. С её логикой можно спорить, но выиграть этот спор невозможно.

5. Мы проследили, как женский общественный оберег дорос до божества. Его мужскому аналогу, представляющему собой не персонаж, а модель части тела, не удалось покорить небеса и завоевать авторитет создателя мира. Пределом мужской божественной линии оказался всего лишь культ идола-фаллоса. Мужчины, правда, не остались в проигрыше. При переходе к мужскому периоду человеческой истории, что вполне закономерно, идолы-женщины вынуждены были изменить пол, и богом в результате стал мужчина.

6. В заключение мы показали, что игра, в частности, в куклы, была неотъемлемой чертой первобытного бытия. Она, являясь имитацией жизненно важных действий, была обусловлена психическими потребностями молодого человечества. Занимаясь с куклами, женщины воспроизводили свой — женский — строй жизни, мужчины, имитируя охоту, замещали таким образом своё основное занятие и подтверждали своё назначение и роль в обществе.

¹ См.: Котова И. Н., Котова А. С. Русские обряды и традиции. Народная кукла. — СПб., 2006, стр. 137–138.

Оказалось, что и куклы-игрушки имеют своим отправным пунктом сексуально-отказной женский инструмент.

Таким образом, выйдя в этой главе за пределы концепции женского отказа, мы, если можно так выразиться, постоянно находились с ней на связи. Все попавшие (как в данной главе, так и ранее) в зону нашего внимания куклы и их продолжения действительно «растут» на одном дереве.

Что касается взгляда на назначение «живописного оформления» палеолитических пещер, он был высказан впервые, как, впрочем, и многое другое, как в этой главе, так и в книге.

ГЛАВА VIII

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ КУКЛА

Идут века и тысячелетия. Развивается общество. И сообразно общественному развитию обновляется кукольное древо. Особенно много изменений в кукольном семействе, и притом радикальных, происходит при переходе от первобытного к эксплуататорскому строю.

В это время, с освоением растениеводства, появляются земледельческие куклы. Одни из них, как, например, куклы, изготовленные в виде мешочка с зерном, пополняют собой и без того солидную группу оберегов. «Призванием» таких зернушек (зернушек, крупеничек, горошинок) является забота о будущем урожае, обильных зерновых запасах и сытном жити. Эти куклы почитаются людьми и часто размещаются в красном углу, рядом с иконами¹. Однако вряд ли они нам будут интересны. В группе оберегов мы не обнаружим ничего принципиально нового по сравнению со старыми временами. Другие куклы, напротив, делаются не для хранения и не вызывают к себе даже подобия уважения. Их кратковременное бытие заканчивается разорением, поруганием, глумлением. Такие куклы разрываются на части, топчутся ногами, предаются земле, бросаются в воду, погибают в огне. Не правда ли, уважаемый читатель, интересная группа кукол? Вот этими, порождёнными земледельческой эпохой, куклами мы и займёмся. Именно они составляют земледельческую ветвь кукольного древа. И вы, конечно, уже имеете на примете одну из них. Вы ведь подумали о Масленице (в дальнейшем название этой куклы я буду писать с большой буквы, а название соответствующего праздника — с маленькой)? Что ж, это отличный пример для того, чтобы исчерпывающе раскрыть вынесенную в заголовок тему.

Масленица — один из самых значительных праздников народного земледельческого календаря. Ещё совсем недавно этот праздник широко отмечался на огромном, раскинувшемся на тысячи километров, пространстве. Поэтому вполне естественно, что в разных местах празднование масленицы приобрело те или иные, свойственные той или иной местности, особенности. Однако стержень масленицы везде единообразен. Повсеместно центральной фигурой, вокруг которой

¹ См.: Котова И. Н., Котова А. С. Русские обряды и традиции. Народная кукла. — СПб., 2006, стр. 96–97.

разворачивались события, являлась уничтожаемая в апофеозе праздничного действия кукла.

В подавляющем большинстве случаев такую куклу изготавливали из соломы. Обычно это делали молодые женщины и девушки в четверг масленной недели. Затем куклу, одетую в девичье платье, сажали на сани или в корыто и со смехом, песнями, шутками и прибаутками возили по деревне. После чучело устанавливалось на каком-либо видном месте, часто на катальной горке. Несколько дней вокруг него продолжалось всеобщее веселье. Развязка наступала в Прощёное воскресенье. Вечером, после объезда деревни, куклу отвозили в поле. Сани, в которые часто впрягались парни, сопровождала толпа деревенских жителей. Они хохотали, притворно плакали, кривлялись на все лады, кричали, задирали друг друга непристойными шутками. В поле куклу сжигали и, обязательно, после сожжения разбрасывали золу. В некоторых местах чучело разрывали на части, а его останки раскидывали по полю или бросали в воду. На этом праздник завершался¹. (Фото 46)

Так, глумясь над олицетворением зимы — Масленицей, провожали это студёное время года. В народе масленицу прозвали праздником проводов зимы. Такой взгляд на смысл и назначение сожжения и растерзания масленичной куклы разделяет и большинство исследователей.

Однако эта исследовательская версия, как и народное сознание, а от него и нельзя требовать большего, лишь констатирует данность, в то время как исследователь, поднимая историю, должен докапываться до корней привлёкшего его внимание явления. Вот это, уважаемый читатель, нам и надлежит сделать. Своё расследование глубинных причин уничтожения масленичной куклы, а здесь не всё так просто, мы начнём с... оценки зимы. И для этого перенесёмся, разумеется, мысленно, в зимнюю деревню, отступив по оси времени на столетие—другое назад. Что же мы увидим?

Перед нами — обычная деревня, каких тысячи. Землю сковал мороз. Выпал первый снежок. Он ещё не глубок, легко скользят сани, и, как мы знаем ещё со школы, радостные чувства переполняют душу крестьянина. Были бы руки на месте да топор наточен, и дрова будут заготовлены на всю зиму. А как насчёт провизии? И здесь, надо думать, всё в порядке. Запасы зерна только початы, в подполье полно репы, редьки, брюквы, запасены клюква, брусника, мёд, засушены грибы, наквашена капуста... Крестьянских запасов хватит и на зиму, и на весну, и на значительную

часть лета. Вот поближе к осени будет труднее. Но мы говорим не о завершении цикла потребления запасов, а о его начале, о зиме. Как видим, питать к ней ненависть никак невозможно. Разве что недолюбливать зиму за январскую стужу и большой расход лучины. Но стоит ли из-за этого так измываться над Масленицей? К тому же зимой, когда спит природа, можно отдохнуть от изнурительного труда в поле, на сенокосе, в огороде. Нет, зима решительно не заслуживает выказываемого к ней на масленице отношения. Но факт остаётся фактом: зиму провожают с жестокой радостью. Откуда же эта жестокость?

Известно, что обряды, обычаи и традиции имеют обыкновение изменяться с ходом времени, приспосабливаться к новым условиям, переключаться на обслуживание новых общественных реалий. При этом, обрастая новыми чертами и зачастую утрачивая прежний смысл, они в течение веков и даже тысячелетий несут на себе печать старого, отжившего, ушедшего. Иначе говоря, обряды, обычаи и традиции представляют собой хронологически многослойное явление.

Может быть, в древности обычай уничтожения в огне соломенной куклы был вписан в совершенно другой по сравнению с нынешним контекст? Может быть, он возник на какой-то иной основе, не в качестве элемента проводов зимы, а затем порядком вещей был втянут в земледельческий календарь? Этнография не отвечает на эти вопросы. Она не склонна заглядывать в глубины истории, не склонна копаться глубже. Большинство исследователей, и это касается не только этнографов, вполне удовлетворяется поверхностными трактовками, базирующимися на описании явлений, и не утруждает себя выяснением происхождения того или иного феномена. А ведь всякое явление может быть лишь тогда более или менее добротнo познано, когда оно исследуется в историческом развитии, от зарождения, через все фазы развития, до схождения с исторической сцены. Ситуация, возникшая вокруг интересующего нас вопроса, заставляет напомнить эту простую истину.

Вы спросите: а на каком основании автор предположил, что феномен сжигания масленичной куклы первоначально не был связан с проводами зимы и что его истоки надо искать в весьма древних слоях истории? Не только же потому, что зима достойна более мягкого к себе отношения? И не из-за того ведь, что бытующие объяснения смысла уничтожения соломенного чучела противоречивы, поверхностны и неисторичны?¹ Охотно отвечу. Дело в том, что уничтожать куклу

¹ См.: *Капица Ф. С.* Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы. — М., 2001, стр. 158–159; *Котова И. Н., Котова А. С.* Русские обряды и традиции. Народная кукла. — СПб., 2006, стр. 218–219; *Протт В. Я.* Русские аграрные праздники. — М., 2000, стр. 86–87; *Русский праздник.* — СПб., 2002, стр. 332; *Шангина И. И.* Русские традиционные праздники. — СПб., 1997, стр. 27–28.

¹ Версии, пытающиеся объяснить смысл уничтожения масленичной куклы вы можете найти в посвящённой масленице литературе. Я не останавливаюсь на них, во-первых, чтобы не перегружать критикой работу и, во-вторых, постольку, поскольку лучшей критикой, на мой взгляд, являются выводы, адекватно отображающие действительность. При историческом подходе такие выводы, будем надеяться, не заставят себя ждать.

было принято (кое-где этот обычай сохранился до сих пор) не только в конце зимы, но и провожая весну, и в разгар лета, и осенью. Эта кукла могла быть безымянной, но чаще носила какое-то имя или имела название. В любом случае это было антропоморфное изделие, причём, как правило, женского пола. Всегда такой персонаж подвергался поруганию, всегда дело завершалось его разорением, преданием земле, сожжением или потоплением. Повсеместно действие разворачивалось на лугу или в поле. Таких праздников (в разных местностях их число варьирует) было около десятка.

В некоторых местах было принято провожать не только зиму, но и весну. К этому дню (18 апреля/1 мая), как и к масленице, готовили соломенное чучело. Часто его выставляли на пригорок, вокруг чучела девушки водили хороводы, парни устраивали игрища. А когда гуляния заканчивались, соломенная кукла, как и её масленичная «сестра», погибала в огне. Кое-где обряд проводов весны принимал форму ритуальных похорон¹.

Следующим праздником, где фигурировала кукла, был Семик и Троица (май-июнь). К этим дням в ряде мест из берёзки делали нечто вроде чучела, одетого и украшенного лентами. С такой куклой девушки и парни ходили по полю, распевали песни, а затем бросали куклу в рожь или топили в воде².

Спустя неделю после Троицы в одних местах хоронили русалку, в других — Кострому (иногда обряд похорон Костромы приурочивался к следующему за Троицей, Духову дню). И в том и в другом случае изготавливалась кукла из соломы. Куклу с шумом, смехом и прибаутками носили по деревне, а когда день клонился к вечеру, процессия подтягивалась к реке или полю. Там чучело, разодрав на части, топили или, предав огню, разбрасывали по полю и затапывали ногами в землю³. В некоторых местностях хоронили Ярилу или кукушку, которая была отнюдь не птицей, а наряженной в женское платье веткой или сшитой из лоскутов куклой⁴. (Фото 47)

В разгар лета разорение соломенной куклы было приурочено к Петрову дню (29 июня/12 июля) и Первому спасу (1/14 августа).

¹ См.: Котова И. Н., Котова А. С. Русские обряды и традиции. Народная кукла. — СПб., 2006, стр. 195; Капица Ф. С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы. — М., 2001, стр. 32.

² См.: Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. — М., 2000, стр. 89–90.

³ См.: Шангина И. И. Русские традиционные праздники. — СПб., 1997, стр. 49–50; Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. — М., 2000, стр. 104–105; Русский праздник. — СПб., 2002, стр. 443–444; Капица Ф. С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы. — М., 2001, стр. 32.

⁴ См.: Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. — М., 2000, стр. 104–106.

И здесь дело завершалось разрыванием куклы, её затоплением и разбрасыванием по полю¹.

Аналогичным образом отмечалось и завершение жатвы. На этот раз в последний путь отправляли Андропушку — соломенную куклу, наряженную в мужскую одежду (определённо можно сказать, что первоначально в этом обряде использовалась кукла женского пола). Андропушку укладывали в «гроб», которым служило корыто, с песнями носили по деревне, а затем на сжатом поле закапывали в землю. Иногда, вместо предания земле, куклу, как Масленицу или русалку, в веселье разрывали на части и останки разбрасывали по полю². (Фото 48)

В последний раз перед зимой соломенное чучело подвергалось экзекуции ко дню Козьмы и Демьяна (1/14 ноября)³.

Впрочем, и сожжение снопа соломы (иногда такой сноп называли Колядой) в первый день рождественских праздников, по-видимому, имеет те же исторические корни, что и обрядовые действия, на которые я указал в своём кратком обзоре⁴.

Теперь судите сами, читатель. Разве сожжение Масленицы своим происхождением может быть обязано проводам зимы? Опираясь на хронологию разорения соломенной куклы, мы теперь должны не предполагать, как это делали ранее, а совершенно определённо утверждать, что сожжением куклы наши предки не провожали зиму, а делали что-то совершенно иное. И лишь потом, на каком-то повороте истории гибель в огне соломенного чучела и провода зимы «склеились» в масленице. Точно так же разорение куклы соединилось в процессе неких общественных перемен с проводами весны, с Троицей, с окончанием жатвы, с другими праздниками и знаменательными событиями.

Так что же «совершенно иное» делали наши предки? На этот вопрос нетрудно ответить. Но для этого я должен открыть вам небольшой «секрет». Дело в том, что, говоря о действиях, разворачивающихся вокруг в конце концов разрываемых на части и сжигаемых кукол, я умышленно, дабы сохранить некоторую интригу, обошёл молчанием один важнейший момент. Оказывается, все увеселения, связанные с глумлением над праздничной куклой, несли в себе изрядную долю эротики. Сейчас мы в этом убедимся на примере масленицы.

¹ См.: Русский народ. Его обычаи, обряды, суеверия и поэзия. Собр. М. Забытым. — М., 1990, стр. 85; Котова И. Н., Котова А. С. Русские обряды и традиции. Народная кукла. — СПб., 2006, стр. 202.

² Шангина И. И. Русские традиционные праздники. — СПб., 1997, стр. 52.

³ Там же.

⁴ См.: Котова И. Н., Котова А. С. Русские обряды и традиции. Народная кукла. — СПб., 2006, стр. 124–125.

Эротизм народных праздников понятен. Ведь все они выросли из древнего брачного обряда, из сексуальных сходов. Следовательно, наша исследовательская тропа, уходящая вглубь истории, ведёт нас к древнему соединению полов, в котором, как мы знаем, использовались куклы. Таким образом, получается, что сожжение кукол, впоследствии соединившееся с проводами зимы в масленице, мы должны искать в древнем брачевании или в тесном сопряжении с ним.

Думаю, здесь, уважаемый читатель, вы просто обязаны выразить своё недоумение. Ведь в моём описании древнего брачного обряда нет и намёка на сжигание кукол. Напротив, как мы знаем, большие сёстры, испытывая по отношению к своим маленьким «сестричкам» родственные чувства, собирали их, разбросанных мужчинами по брачной поляне, и вместе с ними отправлялись на родовую стоянку. Да, совершенно верно. Но так было на первобытном отрезке истории. При переходе к эксплуататорскому строю — вот этот поворот истории! — брачную поляну в определённое время охватывал огонь. В нём сгорали отказные куклы. Как и почему это происходило, мы вскоре выясним.

Но сначала мы должны окончательно укрепиться в мысли о родстве масленицы (по линии эротики) и древнего брачного действия. И ещё один вопрос требует своего полного и окончательного решения. До сего момента я много раз говорил о брачной поляне. Однако, действительно ли брачный обряд разворачивался на поляне? Это требуется безоговорочно доказать, что мы обязательно и сделаем (заявка на такое доказательство была дана ещё в третьей главе). Но брачную поляну мы узаконим после ознакомления с масленичной эротикой.

Масленица — не просто весёлый и бесшабашный праздник. Во многих своих проявлениях он далеко выходит за рамки обычной — будничной — морали. Вот что по этому поводу в книге «Русский праздник» пишет Н. Н. Соснина.

«К наиболее архаичным, вероятно, следует отнести такие обряды проводов, в которых на первый план выступали действия, носившие явную эротическую окраску. В Онежском у. Архангельской губ. в последний день праздника по селу таскали поставленную на старые дровни шлюпку, в которой лежал заголённый сзади, вымазанный суриком мужик. На р. Тавде распорядители проводов — Масленица и Воевода — совершали после объезда деревни пародию на очистительный обряд. Они раздевались догола и в присутствии всех собравшихся имитировали своими движениями мытьё в бане. В других местностях «король» праздника иногда произносил положенные ему по чину торжественные речи на морозе в полностью обнажённом виде или, кривляясь, оголял при всех «срамные» части тела». Далее

Н. Н. Соснина замечает, что такие действия во всякое другое время считались невозможными и неприличными и что исполнителями подобных действий, как правило, становились степенные, уважаемые в деревне люди, знатоки традиций и ритуала праздника¹.

Масленичный разгул в старые времена, видимо, не ограничивался только лишь демонстрацией «срамных» мест. Чем масленица хуже других праздников? Интересный материал мы находим в книге В. Я. Проппа «Русские аграрные праздники». Говоря об утехах на русальной неделе и на святках, непревзойдённый знаток народной жизни приводит слова из «Стоглава»: «... сходятся мужи и жёны и девицы на ночное плещевание и на бесчинный говор и на бесовские песни и на пляски и на скакания и на богомерзкие дела, и бывает отроком осквернение и девам растление, и егда мимо ночь ходит, тогда отходят к реце с великим кричанием, аки бесни, и умываются водою, и егда начнут заутреню звонити, тогда отходят в дома своя и падают аки мёртвые от великого хлопотания». Здесь же В. Я. Пропп замечает, что это отнюдь не есть национальная особенность. Так, по словам пуританского писателя XVI в. Ф. Стаббса, из девушек, которые в праздничную ночь уходят на гуляния, едва ли третья часть возвращается домой, не потеряв невинности².

Однако вернёмся в Россию, на земледельческие праздники, где главным фигурантом является кукла. Посмотрим, за какими компонентами масленицы и других подобных её современных праздников более или менее отчётливо проступают их допотопные прототипы.

Во-первых, центральной фигурой интересующих нас народных праздников является кукла. В первобытном соединении полов сексуально-отказная кукла сыграла, без всякого преувеличения, выдающуюся роль. Можно представить, что бы произошло, если бы не было «изобретено» этой палочки-выручалочки. Так что в то время отказная кукла также была в известном смысле ключевым персонажем разыгрывающегося брачного действия.

Интересно, что в некоторых местах в масленичных обрядах использовалась не соломенная, а сделанная из других материалов кукла. Например, в Ошанском уезде Пермской губ. Масленица изготавливалась в виде деревянной статуи, а в Сухиничском уезде Калужской губ. роль Масленицы исполнял наряженный деревянный пест. Можно предполагать, что отказные прототипы таких кукол также изготавливались из дерева. Как своего рода курьёз назову и масленичную куклу, вылепленную из снега. Такую снежную бабу скатывали на санках с горы

¹ Русский праздник. — СПб., 2002, стр. 457.

² Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. — М., 2000, стр. 156.

в некоторых деревнях Псковской губ.¹ Как видим, наряду с отказным, существует и масленичный модерн.

Во-вторых, в подавляющем числе случаев Масленица и другие обрядовые земледельческие куклы представлены фигурами женского пола. Что касается первобытности, то, думаю, понятно, что в то время отказники-мужчины могли получить удовлетворение, только манипулируя эквивалентом женщины.

Однако изредка на современных праздниках встречались и куклы-мужчины. Такое нововведение мы должны отнести на счёт эпохи, характеризующейся возвышением мужчины над женщиной. С Андропушкой мы уже знакомы. Добавлю к нему и иногда использовавшегося Масленика².

В-третьих, масленичная кукла не лишена элементов эротики. В этом плане её старались сделать как можно более выразительной. На чувело зачастую навешивались гипертрофированно большие груди, представлявшие собой тряпичные мешочки, по максимуму набитые пеньковыми очёсами. Масленик также «украшался» известной мужской атрибутикой³. Не надо говорить, что и первобытные отказные куклы должны были быть и в действительности были в высшей степени эротичны. В этом легко убедиться, выйдя в Интернет и набрав в строке поиска слово «Venus».

В-четвёртых, исследователями давно было подмечено, что изготовителями земледельческих обрядовых кукол являлись молодые женщины и девушки (при этом в помещении, где делались куклы, могли находиться и малолетние дети)⁴. Значение этого, казалось бы, незначительного обстоятельства трудно переоценить. Оно ведь указывает на то, что в древности отказные секс-куклы изготавливались женщинами. Это, как было показано ранее, представляло собой одно из требований регламента асексуального рода. Как видим, эта норма, став традицией, осталось в силе и через многие тысячелетия после времени, когда требовалось её неукоснительное соблюдение.

В-пятых, ярчайшими характеристиками масленицы и других народных праздников служат разгул, послабление нравов и всякого рода охальство, вплоть до демонстрации «срамных» мест. Вряд ли стоит говорить, что и первобытное соединение полов не могло происходить в форме чопорного собрания.

В-шестых, на большинстве «кукольных» праздников нетрудно заметить одну общую особенность в поведении парней. Парни, что

в общем-то естественно, бегают за девушками, пытаются ущипнуть, поймать или обнять их. Но не только девушки представляются им желанной добычей. Почему-то целью парней зачастую является и овладение куклой¹. Что скрывается за этой «охотой»? Несомненно, овладения куклой требует обычай, выросший из стремления древнего мужчины заполучить и использовать сексуальную игрушку. А разрывание земледельческой куклы на части и последующее выбрасывание оставшихся от неё тряпья и соломы выросли, соответственно, из сексуального манипулирования древней женщиной-куклой и, скажем так, потери к ней интереса получившего удовлетворение мужчины.

В-седьмых, и это прежде всего касается масленицы, в её праздновании нельзя не углядеть особого отношения к молодожёнам, их чествования и величания². Как связана масленица с заключением браков? Видимо, в этой её черте слышится отзвук древней нормы коллективно отмечать новый статус впервые вернувшихся с брачной поляны. Ведь после этого они становились полноценными женщинами и мужчинами.

Как видите, уважаемый читатель, точек соприкосновения, более того, соответствия, масленицы (и подобных ей обрядов) и древнего брачного действия настолько много (а мы обговорили отнюдь не все параллели) и они настолько существенны, что мы теперь смело можем заняться феноменом сожжения соломенной куклы, который каким-то образом смог зародиться, как я уже проговорился, в брачевании (или в сопряжении с ним) эпохи, переходной от первобытности к эксплуатации. Нам осталось лишь узаконить брачную поляну. Между прочим, здесь обнаруживается ещё один пункт соответствия современных праздничных аграрных обрядов и древнего брачевания. Давайте, ввиду его значимости, выделим этот пункт.

Итак, в-восьмых, практически все народные праздники достигают своего апогея за околицей деревни. Масленицу сжигали в поле или топили в реке. В древности брачное действо также не разворачивалось на стоянке. Место соединения полов всегда находилось на некотором удалении от родового поселения. Таково было моё утверждение, основывающееся на двух фактах: на запрете в первобытном обществе секса и эротики внутри рода, включая родовую территорию, и на практике отставших в развитии, но уже переросших групповой брак народов, у которых, несмотря на наличие отдельного жилища,

¹ См.: *Русский праздник*. — СПб., 2002, стр. 335.

² Там же, стр. 333.

³ Там же, стр. 333–334.

⁴ Там же, стр. 333, 336.

¹ См.: *Пропт В. Я.* Русские аграрные праздники. — М., 2000, стр. 100.

² См.: *Капица Ф. С.* Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы. — М., 2001, стр. 157; *Шангина И. И.* Русские традиционные праздники. — СПб., 1997, стр. 26.

супружеской паре разрешалось и разрешается поныне вступать в сексуальные связи только за пределами селения. Но есть и третий факт. Опираясь на него (как и на два других), мы будем вправе безоговорочно считать поляну местом первобытного соединения полов. Об этом факте нам поведают языки.

Да, информацию о том, что интересующие нас события происходили именно на поляне, сохранили некоторые языки. Вам, конечно, знакомо выражение «злачное место». Его употребляют тогда, когда речь идёт о каком-то притоне или заведении, где творится разврат. Но в древности злачным местом называли всего лишь поляну, покрытую зелёной травой. Да что говорить о древности, если ещё сравнительно недавно в русском языке слово «злачный» употреблялось в смысле **зелёный, травяной**, а в болгарском языке это слово в таком смысле употребляется и сейчас. Наши предки выходили на злачное, т. е. покрытое травой место для реализации своих сексуальных устремлений и удовлетворения сексуальных потребностей. Тогда совершаемое на злачном, т. е. зелёном месте групповое брачное действо было абсолютно нормальным и вполне соответствовало моральным устоям первобытного общества. Но времена меняются, и, как это часто бывает, старые выражения сохраняются, но с переходом к строю, противоположному старому, меняют свой смысл также на противоположный. Так случилось и с идиомой «злачное место». Со временем она стала означать что-то совершенно непотребное. Но нам сейчас важнее другое: идиома, превращённая историей из позитива в негатив, поведала нам о том, что древнее брачевание происходило на покрытых травой площадках, на злачных местах.

В гористой местности, например, в Скандинавии, удобное место для брачных сходов легче всего было найти в речной пойме, на прибрежной лужайке. На норвежском языке «злачное место» (в современном понимании) звучит как *vånningssteder*. Буквально это означает «место водопоя». Не надо объяснять, что произошедшая с этим выражением смысловая метаморфоза аналогична той, что приключилась с русской идиомой «злачное место».

Не пренебрегали удобными местами у воды и наши предки. Скорее всего, они даже предпочитали прибрежные лужайки. На такие предпочтения указывают как источники (вспомним «плещевание» из «Стоглава»), так и практика земледельческих праздников, многие из которых завершались потоплением (выбрасыванием в воду) куклы.

Как бы то ни было, брачные сходы устраивались на открытых местах, на полянах. Именно так в переломное время, при переходе от первобытности к эксплуатации, возник феномен сжигания куклы. Нам

осталось выяснить, как это произошло, как отказная кукла «праздника полов» стала пылающим знаком праздника земледельцев. (Фото 49)

На интересующем нас общественном переломе открываются новые сферы приложения человеческой активности. Собственно, эти новшества в деле освоения природы и открывают дорогу новому строю. Одной из таких сфер, и при этом важнейшей в плане реализации прогресса, является земледелие.

В это время в своём развитии существенно прибавляет и человек. И интеллектом и осознанием своего места в природе и обществе он всё более и более превосходит своего первобытного предшественника.

В отношениях полов всё ещё широко используется кукла. Но мужчины и женщины воспринимают её уже не так, как воспринимали искусственную женщину в былые времена их предки. Из женщины кукла превращается просто в изделие. По-прежнему люди собираются на игрища на просторных площадках, по-прежнему в танце (в это время динамичная процедура отбора мужчин преобразуется в танец) женщины одаривают мужчин куклами. Как и раньше, мужчины, принимая подношение, определённым образом, по старинке, манипулируют им. Однако на этом историческом этапе их, ранее сексуальные, действия превращаются в бездумно исполняемый обычай, а кукла становится бездушным атрибутом этого обычая.

С появлением новых видов деятельности и новых материалов кукла меняет свой облик. На смену откровенного вида каменным, костяным, деревянным венерам приходит более скромная в эротическом плане (и позже приобретающая тряпичный наряд) земледельческая соломенная куколка. Впрочем, куклы из соломы, может быть, использовались и в глубокой древности.

Если раньше, придя на брачную поляну вместе с искусственными (но для них — настоящими) «сёстрами», женщины должны были — после использования кукол мужчинами — собрать своих «сестёр» и уйти вместе с ними, то теперь бездушные соломенные игрушки, да ещё расстрёпанные и разодранные мужчинами, женщины без всякого зазрения совести могли оставить в траве. Что касается мужчин, их поведение не претерпело никаких изменений. Мужчина после контакта быстро теряет интерес к женщине. Что же говорить об интересе к пучку соломы при полном отсутствии сексуального чувства.

Таким образом, в новых исторических условиях, на более высоком уровне развития общества и человека использованные — расстрёпанные и разорванные на части — куклы оставались брошенными на поляне. Разумеется, оформление нового отношения к бывшим когда-то сексуально-отказными куклам заняло многие столетия, если не тысячелетия.

А теперь, внимание, читатель. Мы подходим к разгадке занимающего нас феномена. Она исключительно проста.

Вы помните, что речь у нас идёт о земледельцах? Зачем им осваивать для земледелия новые площадки, если поблизости есть издревле используемое злчное место? Брачная поляна с началом перехода к земледелию приобретает второе назначение. Она становится полем. А теперь ответьте мне, пожалуйста, на такой вопрос: каким было земледелие в свою раннюю пору? Правильно, огневым. Весной, когда сходил снег и завершалось первое в сезоне игрище (масленица на юге как раз приходится на это время), трава на поле поджигалась. Вместе с травой сгорали оставленные после гульбы куклы. На поле выходили сеятели — остатки кукол разносились по полю и втоптывались в землю.

При тогдашнем уровне земледелия культурные злаки вырастали вместе с сорной травой. При уборке их невозможно было взять у основания. Приходилось довольствоваться лишь верхней частью. Поэтому на поле оставалась довольно высокая стерня. Всю эту соломенно-травяную массу, подготавливая поле под новый посев, следующей весной опять надо было сжигать.

Так повторялось из года в год, из десятилетия в десятилетие, из века в век. В сознании земледельцев «склеивались» повышенное, праздничное и разнузданное настроение игрища, разрывание куклы, её гибель в огне, размётывание по полю останков куклы, их заделка в землю, приметы нового времени года, мечты о богатом урожае и слепая обязанность продолжения традиции. Брачевание же всё более и более становилось и в конце концов стало частным делом, складывалась и сложилась новая — моногамная — семья. Брак не только решительно изменился, он ушёл с поляны, превратившейся теперь в поле. Но на полях — теперь местах реализации праздничной потребности земледельцев — остались игрища с отголоском прежних времён в виде мощного эротического заряда, остался уже не воспринимаемый в исходном качестве атрибут сходок — кукла, наконец, остались рудименты былых возжеланных действий, производимых в старые времена с женщиной-куклой сильными мужскими руками.

Истории, разумеется, посредством деятельности людей, оставалось лишь из конгломерата эротических, брачных и земледельческих элементов сотворить обрядовую последовательность событий, до сих пор предстающую перед нами в виде праздника масленицы.

Другой задачей истории (этими словами я «зашифровываю» объективную необходимость), наряду с формированием обрядовой цепочки, было определённое видоизменение её звеньев. Так, например, соломенная кукла в новых условиях стала обходиться без «сестёр» и к тому же решительно прибавила в росте. Это и понятно — на смену небольшим

куклам индивидуального пользования должна была прийти одиночная фигура общественного назначения и масштаба.

Интересно, что кое-где, наряду с общественной, фигурирует и небольших размеров домашняя Масленица. Такие куклы, когда сгорает общественное чучело, также погибают в огне, только не в поле, а в печи, или разрываются и разбрасываются по двору¹. Здесь мы сталкиваемся с переносом магического действия общественного масштаба в узкие семейные рамки.

Кстати замечу, что иногда огню предаются и современные отказные куклы. Говоря о своих находках, о таких куклах я упомянул в четвёртой главе. Тогда сжигание отказных кукол для нас было загадкой. Думаю, теперь понятно, что такая «казнь» обусловлена не обидой получивших отказ сватов, а происхождением этих кукол. Их сжигание является «воспоминанием» о том времени, когда на поляне ещё практиковался и действовал женский отказ, но уже трава поджигалась под сельскохозяйственные нужды. Такие куклы родом из сердцевины исторического перелома.

Однако вернёмся опять к масленице. Мы знаем, что чучело иногда пытались потопить. Думаю, это объяснимо, и истоки «купания» куклы надо искать в брачном обряде. В источниках упоминается об умывании и купании, сопряжёнными с праздничными игрищами. А раз так, видимо, и древний брачный обряд не обходился без «водных процедур», а поскольку купались женщины, вполне логичным представляется предположить, что в воде, после сексуального использования, оказывались и омываемые ими женщины-куклы. Эта норма обычая сохранилась и при переходе к земледелию.

Не все народные праздники сопровождаются сожжением куклы. В таких случаях её уничтожение сводится к разрыванию и разбрасыванию. Почему так происходит? По всей вероятности, такие праздники восходят к сходкам, которые происходили на злчном месте, не использовавшемся для посева или других сельскохозяйственных нужд. Из неогневых сходок выросли некоторые летние праздники.

В ряде мест не сжигают куклу и на масленицу. Такая масленица, скорее всего, восходит к весенним игрищам, когда-то переместившимся на поле с луга, который также не использовался для посева и поэтому не подвергался палу.

Как видите, уважаемый читатель, феномен сожжения Масленицы не является таким уж крепким орешком. «Разгрызть» его несложно, но лишь в том случае, если предпринимается историческое исследование, если явление прослеживается в его развитии, от самого истока.

¹ См.: *Пропт В.Я.* Русские аграрные праздники. — М., 2000, стр. 87.

В заключение главы — об аналогичном феномене у народов, справлявших свою «масленицу» в иной природной зоне и, следовательно, в иных условиях. Археологами давно подмечено, что на Востоке на полях нередко обнаруживаются фрагменты глиняных женских статуэток. Исследователи считают такие фигурки идолами плодородия. Но нас сейчас интересует, как и в случае с масленицей, не современная трактовка явления, а его происхождение.

Думаю, по своей сути возникновение обычая разбрасывания по полю женских фигурок мало отличается от происхождения масленицы. Видимо, в тех местах в качестве отказного средства использовались куклы в основном из твёрдых материалов, в частности, из глины. Когда же дело дошло до эпохи земледелия и брачные площадки стали использоваться для посева, смещению подверглись, с одной стороны, сходка с её бросанием женских фигурок и, с другой, — аграрные заботы тогдашних восточных земледельцев. Вполне закономерно, что эта спайка со временем выстроилась в череду обрядовых действий, а фигурки превратились в идиолов плодородия. Хотя более вероятно, что людьми того времени предаваемые земле фигурки никакими идолами не считались, как не считается идолом Масленица. Просто фигурки предавались земле, потому что так было заведено. Обычаи не требуют оценок и раздумий.

Что же касается обнаружения на полях не целых фигурок, а их частей, из этого вовсе не следует, что земле предавались исключительно фрагменты. Возможно, по полю разбрасывались и целые фигурки, которые впоследствии ломались в земле, при её обработке. Весьма вероятно, что какие-то обломки статуэток, например, при сборе урожая, подбирались и сохранялись до следующего сева, чтобы быть использованными (брошенными в поле) ещё раз. Впрочем, это уже детали. (Фото 50)

Гораздо важнее, что народы, разделённые огромными пространствами и тысячелетиями, в своём развитии подчиняются одному и тому же алгоритму. История представляет собой смену — по пути прогресса — определённых общественных форм, а не возвышение и упадок различных цивилизаций. Однако это уже другая тема.

Итак, уважаемый читатель, с феноменом сожжения Масленицы мы, надеюсь, разобрались. Это феерическое зрелище своим существованием обязано сексуально-отказной соломенной кукле, траве, от которой перед посевом требовалось очистить поле, и весеннему палу. Праздники вырастают из прозы жизни.

Масленицу мы использовали в качестве исключительно продуктивного для исследования примера. Это соломенное чучело позволило нам найти истоки и «вычислить» формулу появления кукол,

составляющих земледельческую ветвь кукольного дерева. План главы выполнен, и мы можем подбить её итоги.

1. В этой главе мы сосредоточили своё внимание на куклах-эфемерах, кратковременное бытие которых заканчивается их поруганием и уничтожением. Эти куклы составляют «выросшую» на переходе от первобытности к эксплуатации земледельческую ветвь кукольного дерева.

Взяв за образец Масленицу, мы выяснили, что её уничтожение (сожжение) своим происхождением никак не связано с проходами зимы. Мы показали, что истоки такого жестокого обращения с Масленицей и другими земледельческими куклами, поскольку все народные праздники выросли из древнего сексуального действия, надо искать в старом брачном обряде.

2. Оказалось, что на стыке первобытной и эксплуататорской эпохи, когда осваивалось земледелие, брачная поляна стала использоваться и в качестве возделываемого поля. А поскольку первоначальное земледелие было огневым, в весеннем пале сгорали и брошенные мужчинами в траву куклы. Здесь, на брачной поляне, превращающейся в используемое для посева поле, были заложены основы будущих праздников земледельцев.

Со временем в сознании людей соединилось старое и новое, «склеились» эмоциональное возбуждение, свойственное «празднику полов», разрывание куклы, её гибель в огне, разбрасывание по полю останков куклы, приметы нового времени года, чаяния земледельцев и слепая обязанность продолжения традиции.

Так зародился праздник масленицы. Подобным же образом возникли и другие земледельческие праздники, где главным и обречённым на гибель фигурантом, является кукла.

Разгадка феномена сожжения соломенной куклы — при историческом подходе — оказалась не очень сложным делом.

3. На основании фактов истории смело можно утверждать, что все оседлые, земледельческие народы, выходя из первобытного состояния, обзаводились подобными масленичному кукольными обрядами. Иллюстрацией этого положения может служить «расшифровка» некогда распространённого на Востоке обычая закапывания на полях женских статуэток.

По своей сути предание земле глиняных женских фигурок ничем не отличается от огневого обычая уничтожать на поле соломенное чучело. Отличия касаются лишь формы. Такое существенное соответствие вполне естественно. Все народы в своём развитии подчиняются одним и тем же закономерностям.

Думаю, применительно ко всемирной истории, у нас есть все основания говорить о кукольно-земледельческом, а, оглядываясь назад, и о кукольно-отказном универсализме.

4. До сих пор в наших погружениях в прошлое мы не раз «наблюдали» происходящее на брачной поляне. Наличие такой — находящейся вне родовой стоянки — площадки я аргументировал, во-первых, запретом на половые связи на территории проживания асексуального рода и, во-вторых, вынесением сексуальных контактов за пределы поселения у некоторых отставших в развитии народов. Сейчас мы окончательно узаконили брачную поляну, добавив к двум данным аргументам третий. В этом нам помогли языки.

Вместе с этим мы обнаружили истоки и выяснили первоначальный смысл выражения «злачное место».

5. Центральным пунктом нашей работы является выяснение назначения древних женских статуэток.

Как было показано в третьей и четвёртой главах, палеолитические вены являлись действенным инструментом женского сексуального отказа. Однако доказательство этого их назначения не ограничилось изложенным в данных главах, а продолжалось и далее. Я думаю, уважаемый читатель, вы согласитесь, что каждый новый сюжет всё более укреплял нас в убеждении, что вены служили целям регулирования отношений полов в первобытном обществе.

Что касается настоящей главы, таким сюжетом-аргументом стало обнаружение и описание сексуально-отказного истока земледельческих кукол.

Важнейшим доказательством состоятельности разрабатываемого нами взгляда на назначение палеолитических статуэток является лишённая противоречий системная увязанность всей кукольной проблематики.

ГЛАВА IX

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕКСУАЛЬНО-ОТКАЗНОЙ КУКЛЫ

Мы близки к финишу, уважаемый читатель. Нам осталось рассмотреть всего лишь одну, последнюю, проблему.

Сексуально-отказной росточек, который мы заметили на берегу Дона, за двадцать тысячелетий разросся мощным, ветвистым кукольным древом. В его кроне и на ветвях нашлось место отказным куклам и другим порождённым ими средствам сексуального и брачного отказа, женским и мужским оберегам, идолам и богам, игрушкам и аграрным куклам-эфемерам, формулам брачного отказа и словесным этикеткам измены, различным ярлыкам отступлений от семейно-брачных и сексуальных канонов и даже внеполовым оскорблениям со скрытым сексуальным подтекстом. Это древо взрастила история. Нам всего лишь удалось обозреть его. Удалось, благодаря историческому и комплексному, не замыкающемуся только на венерах, подходу.

Казалось бы, сейчас самое время отойти в сторону и полюбоваться на это произведение человеческой природы. Однако не будем спешить. Мы ведь, окунувшись в историю на двадцать тысячелетий, двигались от этого нашего исходного пункта вперёд, по ходу времени. Понятно, что история овеществлённого сексуального отказа не началась с этого момента. Чудодейственная палочка-выручалочка, несомненно, использовалась и раньше. Если бы это было не так, человечества просто не существовало.

Женский отказ двадцатитысячелетней давности я избрал точкой отсчёта постольку, поскольку это было время наивысшего подъёма техники обработки камня и других твёрдых материалов, и, соответственно, именно тогда могло расцвести и действительно расцвело производство женских статуэток из камня и кости. И раньше и позже отказные фигурки, надо полагать, производились из более податливых материалов (дерева, корней, глины), которые не могли сохраниться в течение многих тысячелетий и которые, естественно, не дошли до нашего времени. Согласитесь, было бы, мягко говоря, затруднительно начать наше исследование, если бы «машина времени» перенесла нас в эпоху, от которой не сохранилось артефактов.

В этой главе от нашего исходного пункта мы двинемся в противоположную сторону. А поскольку в рамках человеческой истории в сексуально-отказном процессе нам не встретится что-то принципиально

отличное от выясненного ранее, мы, проскочив без остановок путь в десятки тысячелетий и перемахнув через «исторический нуль», сосредоточим своё внимание на дочеловеческом овеществлённом сексуальном отказе. Вопрос о дочеловеческом регуляторе взаимоотношений полов встал перед нами во второй главе, где я заметил, что ещё в глубочайшей древности (когда на основе периферийного промысла самцов закладывались основы экзогамии и дуально-родовой организации) в распоряжении предженщины появилось средство, способное приглушить или даже погасить мужскую (самцовую) конфликтность. Сейчас мы понимаем, что под таким средством тогда подразумевался сексуально привлекательный суррогат самки.

Без сексуально-отказной куклы, как мы знаем, невозможно существование раннего человеческого общества. Однако без куклы невозможным является не только его существование, но и вызревание на предшествующем человеческой истории этапе. Верхом наивности было бы считать, что отказную куклу изобрели первые женщины в самом начале истории человечества. На подобных исторических стыках такие вещи не изобретаются и не появляются, а, начиная с дальних подступов, постепенно формируются и совершенствуются, всё более и более приобретая свой законченный вид (я имею в виду не столько внешность, сколько содержание и порядок применения). Отказная кукла на протяжении десятков и сотен тысячелетий животной истории вынашивалась самой жизнью и порождалась ею в процессе случайных проб, отсечения тупиковых ответвлений и наработки неосознанного, основанного на инстинкте опыта.

Такой порядок появления новаций в то время обусловлен местом человека и общества в истории развития природы. Человек есть выросшее, повзрослевшее животное. Между человеческим и животным нет перегородки, на языке философии именуемой скачком или перерывом постепенности (переходом от биологического к его логической противоположности является само человеческое общество)¹. Именно поэтому отказная кукла, оказавшаяся спасительным регулятором половых взаимоотношений раннего человеческого общества, должна была использоваться в том же качестве и с подобным же эффектом и на последних стадиях животной эволюции. В растянувшемся на многие сотни тысячелетий преддверии человеческой истории кукла была столь же необходима, как и на начальной, несущей на себе обильные родимые пятна животности, первобытной стадии развития общества.

Таким образом, сексуально-отказная кукла должна была появиться в дочеловеческих недрах истории. Однако для появления какого бы

¹ См.: Искрин В. И. Новая психология. — СПб., 2001, стр. 21–27.

то ни было феномена одной необходимости недостаточно. Требуется ещё и возможность. Если, наряду с необходимостью, нам удастся обосновать и возможность появления предчеловеческой отказной куклы, её существование, по идее, будет узаконено. Но всё-таки для окончательного решения вопроса нам потребуются ещё и практические подтверждения реальности такой куклы. И только тогда, когда у нас появятся эти подтверждения, существование предчеловеческой отказной куклы будет доказано безоговорочно. Вот такая нам предстоит работа. В случае успеха наше кукольное древо окажется рассмотренным полностью, от самых глубоких корней практически до макушки, а многочисленное кукольное семейство предстанет перед нами в его историческом развитии, от появления первокуклы до всего сегодняшнего кукольного многообразия.

Но прежде, чем заглянуть в дочеловеческие недра истории, я должен заметить, что веду отсчёт истории общества со времени появления кроманьонца и вида *Homo sapiens*. Не так давно считалось, что кроманьонский человек сформировался 50–60 тыс. лет назад. Находки последних десятилетий показали, что это произошло несколько раньше. Но как бы то ни было, человек и общество появились не сотни тысяч лет назад и, тем более, не миллионы. Однако не все разделяют эту точку зрения. Сегодня едва ли не господствующим является взгляд, согласно которому возраст человечества составляет два или даже три миллиона лет. Приверженцы этого, надо прямо сказать, неглубокого и ограниченного взгляда склонны принимать за человека любого прямоходящего примата, которому был свойственен орудийный труд и производство для его осуществления орудий.

Если бы всё было так просто... Разумеется, для того, чтобы существо было признано человеком, труд необходим. Однако труд бывает различным. Человеческий труд обязательно должен идти в связке с разумом. Он должен быть основан не на инстинкте, а на целеполагании. Но и разума вкупе с целенаправленным трудом мало для человека. Чтобы быть человеком, необходимо обладать весьма солидным набором определённых качеств, значительно перекрывающим связку разума и освещённого им труда. Чтобы стать человеком, надо располагать всеми человеческими качествами, пребывающими в зачаточном, предчеловеческом состоянии, или, иными словами, надо обладать качествами, представляющими собой человеческие потенции высокоразвитого животного.

Думаю, нам следует рассмотреть набор этих качеств. Ведь он, характеризуя уровень развития нашего животного предка, может оказаться тем аргументом, который необходим нам для обоснования возможности производства и использования отказных кукол до начала

человеческой истории. Социальные потенции, из которых среда в конце концов «вылепила» человека, мы разобьём на четыре блока.

В первом блоке ключевым качеством является труд. Естественно, труд, который был характерен для различных предковых форм человека, основывался на инстинкте. Показать это достаточно просто. Но прежде, чем это сделать, мы уделим немного внимания инстинктивному орудийному труду животных. Надо сказать, что таковой в животном царстве не является чем-то экстраординарным.

Особенно в этом плане выделяются птицы. Взять хотя бы нашего пёстрого дятла. Этот «труженик» умудряется сделать такой станок (иногда дятел дорабатывает природное углубление в дереве), в котором крепко-накрепко держится любая шишка: еловая или сосновая, прямая или кривая, а на худой конец — даже кусочек где-то найденного сухаря. Обратите внимание на производство птицы. Станок дятла слегка сужается книзу и при этом расширяется внутрь. Чтобы вынуть из него шишку, дятел прилагает немалое усилие, направляя его вверх и немного от себя. Иногда это не удаётся с первой попытки. Конечно, такое сложное приспособление дятел делает не по собственному разумению, а по «замыслу» природы. (Фото 51)

А вот галапагосский дятел, который достаёт из глубоких ходов гусениц с помощью палочек, иногда укорачивает свои орудия и обламывает с них веточки. Такое орудие и способ его применения достаточно примитивны. Однако дятлу этого примитива вполне хватает для удовлетворения его насущных нужд¹.

Эпизодически прибегают к изготовлению орудий и некоторые обезьяны. Интересный случай удалось зафиксировать биологам Стэнфордского университета. Исследователи подсмотрели, как самка шимпанзе чистит зубы своим соседям по вольеру. Иногда обезьяна продевывала это пальцами, но зачастую изготавливала зубочистки, очищая найденные ею палочки от листьев. Как заправский доктор, она укладывала «пациента» на спину и, стоя перед ним или опускаясь на колени, чистила ему зубы. В течение шести недель учёные наблюдали более двадцати подобных процедур².

Чтобы изготавливать и использовать более или менее сложные орудия, необходим выделенный для труда орган. А это, в свою очередь, обеспечивается прямохождением. Что касается нашего животного предка, он имел свободные от ходьбы и вполне пригодные для достаточно сложных операций руки. Однако прямохождение встречается

и у других животных. Такой человеческой потенцией располагают, к примеру, кенгуру или лемуры.

Как видим, социальные потенции первого блока (орудийный труд и прямохождение) не являются исключительными чертами предчеловека. Отличительной (от других животных) особенностью нашего древнейшего предка стало соединение этих качеств, формирование блока труда и прямохождения.

Центральное место во втором блоке социальных потенций занимают зачатки мышления и речи. Вы спросите: почему мышления и речи? На каком основании я ставлю их на одну доску? Дело в том, что отдельное существование как одного, так и другого, в принципе невозможно. Мышление и речь составляют единство содержания и формы. Человеческая мысль реализуется в речевой форме, даже если человек молча размышляет в полном одиночестве.

Надо полагать, и наш животный предок обладал зачатками этой связи. Иначе он не вышел бы в люди. Возможно, такая — зачаточная — связка начала складываться где-то пару миллионов лет назад, у *Homo erectus*'а. Однако даже примитивным сознанием он далеко ещё не располагал и человеком поэтому не являлся. Об этом свидетельствует его неспособность членораздельно, с постановкой в ряд издавать звуки. Ведь для того, чтобы владеть членораздельной речью (а другой, вообще говоря, и не существует), надо иметь вполне определённый — лёгкий, подвижный, грацильный — речевой аппарат. Речь как-никак извлекается по законам физики. Расчёты показывают, что и *Homo habilis*, и *Homo neanderthalensis* и другие древние «люди», не умея говорить, не могли и мыслить. Впрочем, достаточно просто посмотреть на черепа представителей различных дочеловеческих форм. Отсутствие мысли буквально написано на их массивных челюстях. Естественно, что и трудились они, ведомые инстинктом. Первым и единственным говорящим, а, следовательно, и мыслящим, высшим приматом стал *Homo sapiens*. Так что обосновать не столь древнее начало человеческой истории, опираясь на такой фактор, как разум, не очень сложно. Для этого надо только понимать взаимосвязь мышления и речи и... речи и физики.

Зачатки мышления обнаруживаются и у некоторых современных животных. Эти человеческие потенции проявляются в способности решать несложные задачи выбора и в умении проектировать простые цепочки действий. Как и в орудийном труде, здесь первенствуют птицы и обезьяны¹. Животным свойственно и звуковое самовыражение.

¹ См.: Дятлы, орудующие пиками // Наука и жизнь — № 1, 1963, стр. 41.

² См.: Стоматология у обезьян // Наука и жизнь — № 12, 1973, стр. 55.

¹ См., например: Павлины используют орудия // Природа. — № 9, 1973, стр. 109; Новокаледонские вороны обладают выдающимися способностями к познанию. — URL: www.science.compulenta.ru/525641/.

Таким образом, мышление и речь, как и орудийный труд, имеют животные истоки.

Предчеловек на достаточно высоком уровне сумел включить их в свой пакет социальных потенций. Огромную роль в его очеловечивании сыграли исследовательский инстинкт и всеядность. Эти, также животные качества, заложили основу такого важнейшего компонента сознания, как его альтернативность. Будучи животным, наш предок учился сравнивать, оценивать и выбирать. Консолидация зачатков мышления/речи, исследовательского инстинкта и вариантности поведения (эти качества составляют второй блок социальных потенций) решительно выделили предчеловека из среды других, в том числе и близкородственных, животных.

В основе третьего блока человеческих потенций лежит коллективизм, и это также по своему происхождению типично животная черта. Думаю, нет нужды называть виды, ведущие «общественный» образ жизни. Их великое множество. Но человеческое общество могло вырасти только из коллективизма, сопряжённого с развитым подражанием (его спутниками являются обучение и обучаемость) и разветвлённой (согласно направлениям деятельности) системой коммуникаций. Эти два качества, тоже не являющиеся редкостью в животном мире, исключительно важны.

Вполне возможно, что, благодаря совершенному подражанию и копированию каких-то новых продуктивных приёмов и действий, предчеловеческому сообществу удалось в конце своего эволюционного пути социализироваться в крайне сжатые сроки, буквально во взрывном порядке. Может быть, именно с этим обстоятельством связаны трудности в деле поиска непосредственно предшествующих кроманьонцу близких ему, буферных форм. О значении подражания для социализации свидетельствует колоссальная значимость этого качества на ранних стадиях развития ребёнка.

Не меньшее значение для дальнейшего прогресса имели и коммуникативные способности нашего животного предка. Достаточно сказать, что только на этой базе (а за коммуникациями стоит совместный, коллективный труд) могло развиваться человеческое мышление и могла сформироваться речь.

Несомненно, что и качества третьего блока социальных потенций (коллективизм, подражание/обучение, коммуникативность) сыграли в деле становления человеческого общества не менее важную роль, чем все другие ранее названные черты нашего животного предка.

В четвёртый блок я бы включил социальные потенции, связанные с обустройством места постоянного обитания предчеловека. Главной из них является наличие жилища. Но жилищем не ограничивалась

обитаемая территория. Сюда же — также на постоянной основе — входили ещё, по крайней мере, два разряда объектов — хранилища запасов и рабочие площадки. На этот счёт имеются многочисленные археологические свидетельства.

Как известно, различные гнёзда, норы, укрытия сооружают многие животные. Немалое число видов делает продовольственные запасы. Но в отличие от них только наш животный предок создал постоянно поддерживаемый, зачастую в течение многих тысячелетий, и, надо думать, достаточно эффективный, жилищно-хозяйственный комплекс. Возможно, в него входили и какие-то примитивные сооружения, предназначенные для добычи зверя, например, загонные коридоры.

Такое обустройство места обитания и практикуемые там занятия в перспективе вылились в присущее мыслящему существу наведение связей между явлениями, в ощущение течения времени. Так что и социальные потенции четвёртого блока (жилище, хранение, рабочие площадки) мы должны зачислить в состав набора качеств, необходимых для социализации.

Таковы предсоциальные завоевания нашего животного предшественника. Все они в более или менее развитом виде присущи животным. И все они разбросаны по огромному животному царству. За исключением наших животных предков, ни один биологический вид не располагал и не располагает очерченным нами набором. На попроще социализации у предчеловеческих форм высших приматов не было конкурентов.

Собирание необходимого для социализации набора характеристик началось в неподвластных нашему воображению глубинах истории, сотни тысяч и даже миллионы лет назад. Оно шло стихийно, медленно, с переменным успехом, с неизбежной утратой боковых тупиковых ветвей. Шло, чтобы сравнительно недавно по меркам эволюции развернуться в кроманьонском человеке, сумевшем приступить к реализации и развитию социальных, человеческих заготовок.

Вы понимаете, уважаемый читатель, что накопление и развитие социальных потенций происходило несколько отличным от моего описания способом. Перечисление и группировка в блоки удобны для изложения материала. Любой исследователь, как бы он ни старался показать взаимосвязи и единство компонентов описываемого им процесса, всё равно вынужден раскладывать части целого по каким-то аналитическим полочкам. В жизни предчеловека последовательно рассматриваемые нами социальные заготовки представляли собой не некую метафизическую сумму независимых слагаемых, а с необходимостью находились в диалектическом единстве и «работали» на будущее социальное бытие, будучи неотделимы друг от друга.

Очерченный нами набор включает в себя необходимые для социализации заготовки. На их необходимость указывает прошлое и нынешнее бытие человечества. Все накопленные нашим животным предшественником социальные потенции развернулись в атрибутивно присущие обществу и человеку характеристики. Однако для социализации даже такого впечатляющего набора прогрессивных черт ещё недостаточно. Для того, чтобы вырваться из животных недр истории, существу, вставшему на путь очеловечивания, необходимо ещё одно, казалось бы, совершенно несовместимое с животной природой качество. Но бывает, и то, что представляется невозможным, осуществляется. В глубочайшей древности, благодаря своему образу жизни, наш животный предшественник овладел огнём. Как это происходило, мы выяснили во второй главе.

Полный набор необходимых для социализации, и при этом более или менее рельефно выраженных, качеств сформировался, по всей видимости, несколько сотен тысяч лет назад. В распоряжении нашего животного предшественника оказалось всё необходимое и достаточное для превращения в человека. Теперь уже ничто не могло помешать претворению в жизнь столь внушительной заявки на взятие развивающейся природой очередной высоты. Теперь на человеческое будущее работало время.

Сосредоточив в своих руках такой солидный набор социальных потенций, предчеловек решительно изменил свои взаимоотношения с природой. Огонь согревал его в холодное время года и предохранял от хищников, жилище спасало от непогоды, запасы обеспечивали нормальное существование в не кормные сезоны, а орудийный труд и связанная с ним культура добывания продовольствия и различных материалов делали жизнь относительно стабильной. Наш животный предок в значительной степени вышел из-под влияния природных циклов. Вышел настолько, что сексуальная готовность самцов и самок стала постоянной.

В это же время самцы-экспедиционеры, промышляя на некотором удалении от стоянки, закладывали основы экзогамии. Так открывалась возможность принципиально новых отношений полов. С другой стороны, формирование новых отношений становилось и необходимостью. Упорядочения половых связей, как в территориальном и хронологическом плане, так и в отношении собственно процесса соединения самцов и самок, требовали нарабатываемые социальные потенции. Альтернативой упорядочения было соскальзывание со стрелы ориентированного в социальность прогресса. Впрочем, во второй главе мы уже рассматривали эту дилемму.

Действительно, процесс становления нового, нацеленного на социальность, типа половых связей начал развиваться. Мало-помалу

постоянная сексуальная готовность стала входить в более или менее стабильное, упорядоченное русло. Свидетельством тому является сложение — со становлением человеческого общества — экзогамного рода и дуально-родовой организации. Разумеется, такие изменения во взаимоотношениях полов могли происходить только в режиме животного, слепого, стихийного поиска, с неизбежными срывами, кровавыми конфликтами из-за самок и схождением каких-то групп предлюдей с пути, ведущего к очеловечиванию.

Поскольку процесс упорядочения отношений полов был запущен (а он развивался вместе с процессом накопления социальных потенций), с его началом автоматически должен был встать вопрос о регуляторе этих отношений. Мы знаем, что таковым могла быть только отказная секс-кукла. Однако возможно ли её появление у животного? Мог ли наш животный предок сделать такую куклу? И был ли он способен воспринимать предмет в качестве живого существа?

Имейте в виду, уважаемый читатель, что речь у нас идёт не просто о животном, а о выдающемся и уникальном представителе животного мира. Более того, мы говорим о таком животном, которое громко заявило о своих претензиях на социальность. Мы, наверное, не зря потратили время на его характеристику. Обладая умелыми руками, наш животный предшественник вполне мог сфабриковать более или менее сносную фигурку. А располагая достаточно развитой психикой, он, может быть, был в состоянии и «оживить» свою поделку? Хорошо бы это доказать...

Разбирая качества нашего далёкого предка, мы видели, что все в потенции человеческие черты, за исключением использования огня, встречаются в рассеянном виде в огромном животном царстве. А что, если где-то в мире животных затерялся и феномен «оживления» куклы? Если бы таковой обнаружился, мы могли бы считать дело сделанным. Тогда мы определённо могли бы сказать, что высокоразвитый предчеловек уж точно располагал таким качеством.

Действительность зачастую преподносит исследователю неоценимые дары. Оказывается, есть высокоразвитые животные, которые в предмете могут увидеть живое существо. То, что может показаться игрой с предметом, для таких животных, хотя бы на какое-то время, становится жизнью.

Американские антропологи, наблюдавшие за группой диких шимпанзе в национальном парке в Кибале (Уганда), обнаружили, что девочки-шимпанзе «играют в куклы». В роли кукол выступали разнообразнейшие деревяшки. Обезьяны носили их повсюду с собой, спали с ними в своих гнёздах, играли с ними так же, как матери-шимпанзе со своими младенцами. Интересно, что мальчики-шимпанзе, но гораздо

реже, чем девочки, также были замечены за такими занятиями. Это хорошо согласуется с тем обстоятельством, что у шимпанзе забота о детях возложена в основном на самок, однако самцы при необходимости тоже иногда нянчатся с подрастающим поколением. Однажды исследователи наблюдали, как юный самец даже соорудил для своей куклы небольшое гнездо. Аналогичные случаи подобного поведения были отмечены и в других группах диких шимпанзе. Так, например, в Боссу (Гвинея) учёные наблюдали, как молодая самка нянчила деревяшку, как ребёнка, пока её мать ухаживала за умирающей младшей сестрой¹. (Фото 52)

Впрочем, чтобы наблюдать феномен «оживления», не обязательно ехать в Африку. Наверняка каждый видел, как кот, вжившись в роль охотника, самозабвенно гоняется за бумажкой, привязанной к верёвке, или носится за гонимым ветром сухим листом. Но тот же кот, оказываясь, способен и на действие, которое нас интересует. Вы, может быть, слышали, уважаемый читатель, а, возможно, и сами наблюдали, как ошалевший от сексуального распираания кот, за неимением кошки, проделывает определённые действия с подвернувшейся ему подушкой, мягкой игрушкой или каким-нибудь свёртком.

Надо полагать, предмужчина превосходил кота в плане своей психической организации. Блуждающие в его голове ассоциации, несмотря на малый размер модели, позволяли ему в фигурке видеть полноценную, сексуально привлекательную партнёршу. В такой ситуации на первую линию в его психике выступали абстрактная схожесть куклы с настоящей, живой самкой и вплетённость предмета в то действо, в котором он возникал в нужное время и во вполне определённом качестве.

Таким образом, животные, которых мы можем непосредственно наблюдать, помогают нам реконструировать половое поведение древнего предчеловека. Что ж, присовокупим аргумент, подаренный природой, к нашим логическим построениям. Думаю, что теперь у нас достаточно доводов для того, чтобы предметный сексуальный отказ предженщины считать совершенно естественным для столь развитого существа. Использование отказной куклы вполне вписывается в возможности наших животных предков. Необходимое оказывается возможным.

Но чтобы окончательно укрепиться в этом мнении, мы обопрёмся на более чем веские аргументы. Таковыми являются практические свидетельства использования отказной куклы нашими животными предками. Я имею в виду находки, сделанные археологами в последние десятилетия. Среди этих находок имеются и фигурки, использовавшиеся 300–500 тысяч лет назад, т.е. задолго до начала человеческой

истории. Самыми известными из них являются статуэтки, обнаруженные в Берехат Рама (Израиль, Голанские высоты) и близ города Тан-Тан (Марокко). Обе эти вены, скорее всего, сформировались в ходе каких-то природных процессов. Однако и та и другая подверглись дополнительной обработке. На фигурке из Берехат Рама выгравированы, по крайней мере, три прореза, а на тантанской статуэтке имеются следы покрытия из охры. Несомненно, обе вены использовались. Как нам известно, на ранних стадиях первобытности куклы шли в дело только в отказном качестве. Тем более в этом качестве они должны были использоваться в преисторическое время. (Фото 53)

Теперь, когда у нас есть доказательства (логические выкладки и артефакты) существования и использования дочеловеческих сексуально-отказных фигурок, нам остаётся только ответить на вопрос: как сотни тысяч лет назад производились эти женоподобные (или самкоподобные) поделки? Ответить на этот вопрос нетрудно. Мы могли бы это сделать, даже не имея в своём распоряжении нижнепалеолитических фигурок.

Логика становления предчеловеческой «скульптурной деятельности» не могла отличаться от логики формирования инстинктивного производства орудий. А здесь, в этой сфере, как давно уже выяснено, первым поставщиком подходящих для орудования предметов была сама природа. Древнему существу, только заносающему ногу, чтобы вступить на стезю социализации, оставалось лишь взять такой предмет, дабы использовать его без дальнейшей обработки. Видимо, прошли десятки, а то и сотни тысячелетий, прежде чем животное, подобравшее дар природы и использовавшее её подсказку, научилось, разумеется, на инстинкте, корректировать и дорабатывать свою находку. И только далее инстинктивное, животное производство вступило в свой высший этап: предлюди приступили к изготовлению орудий из сырья, которое по своей конфигурации никак не ассоциировалось с конечным продуктом.

Что касается древнейших отказных кукол, история их производства, несомненно, разворачивалась по тому же канону. Упомянутые мной фигурки, как я отметил, являются совместным произведением природы и предчеловека. В то далёкое время наш предок, видимо, ещё не умел создавать округлые поверхности и придавать каменным изделиям плавные очертания. Таких высот мастерства могло достигнуть только существо, наделённое разумом.

Следующий наш вопрос касается количественной стороны сексуально-фигуративного производства. Интересно, могли ли самки на ранних стадиях предметно-отказного процесса предоставить в распоряжение самцов необходимое число своих эквивалентов? Так ли щедра

¹ Марков А. Дикие девочки-шимпанзе играют в куклы. — URL: www.elementy.ru/news/431486.

на женоподобные изваяния природа? Думаю, природа вполне успешно справлялась с такими «поставками». Наверняка в ход шли не только каменные находки, но и имеющие определённые очертания фрагменты дерева, натёки смолы, корневища. В конце концов, из каменной россыпи надо было извлечь не что-либо подобное Венере Милосской, а всего лишь камень с несколькими округлыми выступами. Для существ, погружённых в природу, это не было большой проблемой.

К тому же, и здесь мы вступаем в область гипотетических построений, есть некоторая вероятность того, что нашими животными предками использовалась и другая, сравнительно лёгкая в изготовлении, сексуально-отказная кукла. Какая? Думаю, вы догадываетесь, какую куклу я имею в виду. Ведь нам известны два типа отказных кукол: цельные, монолитные, сделанные из камня, кости, известняка или слежавшегося мела, и, если можно так сказать, сборные — вязанные, свитые, плетёные. Кукла второго типа, будь то отказная или праздничная, хорошо нам знакома по предшествующим главам. Может быть, наши животные предки тоже делали вязаных кукол. Ранее я заметил, что для производства таких кукол не существует временных ограничений.

Понятно, что такие нежные, легко разлагающиеся растительные куклы, если они производились, не могли дойти до нашего времени. Нам не на что опереться. Однако мы рассмотрим эту гипотезу. По крайней мере, нам удастся показать, от чего произошла первая, предчеловеческая, одежда. Этот вопрос мы запланировали рассмотреть ещё во второй главе, где речь шла, в частности, о разделяющих мужчин и женщин перегородках. Вы помните, их назначением было предотвращение половых связей внутри асексуального рода. Одежда, прежде всего, женская, являлась одной из таких перегородок. Как мы сейчас увидим, именно в таком качестве она и появилась. Таким образом, разрабатывая гипотезу использования на животной стадии вязаной растительной куклы, мы дополним наши представления об одежде и её первоначальной функции.

Поскольку секс-куклы второго типа существуют, они каким-то образом должны были появиться. Конечно, к изготовлению таких в общем-то непривлекательных кукол женщины могли приступить на том этапе человеческой истории, когда сексуальная значимость отказного изделия уже не была столь важной, как в прежние времена, и когда кукла из средства удовлетворения мужчины превращалась в формальный знак женского отказа. Но если такие куклы появились у наших животных предков, они с необходимостью изначально должны были быть сексуально привлекательными для самцов. Иначе они не были бы нужны. Вы спросите, читатель, чем же может привлечь

самца связанная в пучок трава или солома? Мы попытаемся ответить на этот вопрос, оттолкнувшись от первичного, наидревнейшего сексуального отказа, от отказа предпредженщины. В такие глубины истории мы ещё не заглядывали.

Этот сверхдревний отказ, как и более поздний животный, как и первобытный человеческий, также был овеществлён. Однако первая в известном смысле отказная вещь не являлась чем-то вручаемым самцу. Она была неотъемлемой частью самки и не могла быть от неё отторгнута для какого бы то ни было дальнейшего использования. Вы догадались, читатель, о чём идёт речь? Что подходит для исполнения описанной мною функции в то время, когда наш древнейший предок, только-только приступивший к овладению орудиями, встал на нижние конечности, освободив верхние? Ответ заключён в последнем слове предыдущей фразы. Да, это была рука. Точнее, ладонь, прикрывающая низ живота самки. Утверждая так, я не апеллирую к так называемому здравому смыслу. Использование ладони для отказа и защиты от сексуального натиска самцов может быть доказано.

Медленно текло время. Одно тысячелетие сменялось другим. Древнейшие предлюди всё более и более втягивались в трудовой процесс. Развивалась рука, совершенствовалась её моторика. От руки и умения владеть ею теперь зависело существование животного сообщества. Жизнь требовала рационального использования верхних конечностей. Поэтому рано или поздно должен был встать вопрос об освобождении руки-защитницы, руки-отказа от её рутинной и абсолютно нетворческой обязанности. Эту обязанность надо было поручить другому предмету.

Предженщины нашли замену собственной руке, нашли в природе, по принципу схожести формы (такой «формализм» доступен высокоразвитым животным). Давайте вместе с ними поищем такую замену и мы. Во-первых, это должно быть что-то мягкое, эластичное, во-вторых, подходящего размера и, в-третьих, нечто обязательно копирующее руку. Что это? Конечно, это лист, лист фигового дерева. Да, фиговый листок не случайно вошёл в историю. Вы понимаете теперь, что многочисленные упоминания о нём в источниках и литературе представляют собой не только и не просто красивые слова? Они являются отголоском некогда повсеместно распространённого явления. Но для нас сейчас важнее другое. Фиговый листок доказывает, что первым, лучше даже сказать, первичным средством отказа и защиты являлась рука самки. Со своей стороны, рука «объясняет», почему из всего многообразия, казалось бы, намного более подходящих для прикрытия листьев был выбран, пожалуй, самый неудобный — резаный, с прорехами — фиговый. (Фото 54)

Не возьмусь утверждать, что именно лист смоковницы явился непосредственным преемником женской руки. Тем более, что смоковница не произрастает там, где «варилось» человечество. Скорее всего, в глубинах истории, на огромных временных интервалах, предженщинами использовались листки многих растений. В принципе это не суть как важно. Несомненно одно: все первичные прикрытия должны были походить на руку, все они должны были быть пятипалыми. Так появилась одежда.

Не надо удивляться, что одежда была «изобретена» животным. Этим она не отличается от других рассмотренных нами социальных заготовок. Кстати, наш древнейший предок является не единственным одевающимся животным. Так, например, крабы дромии (*Dromia vulgaris*) в целях маскировки (тоже ведь — защита) прикрывают себя срезанной веточкой водорослей или оторванным кусочком гидроидного полипа¹.

Пятипалость выдвинула лист, подобный фиговому, на роль первого отторгаемого от тела защитного средства, на роль первой искусственной одежды. Но этой одежде рано или поздно пришлось искать замену. В службе, в движении и работе, листок не долговечен. На что заменить листок, «задумались» предженщины? Ответ им подсказало их восприятие действительности. Новой одеждой должна была стать... связка тех же пятипалых листьев. Инстинкт со всей своей силой требовал для новой одежды сохранения буквально впечатанных в гены образа и формы руки. Допустимыми были лишь количественные изменения. Так появилась связка. Новинка ликвидировала недостатки прежнего образца и прижилась на долгое время. Но и единичный листок не сошёл со сцены. Он продолжал использоваться наряду со связкой, как я полагаю, в торжественных случаях и с ритуальными целями, вплоть до эпохи античности.

Связка, разумеется, видоизменялась в ходе эволюции. Со временем забывалось некогда первостепенное значение листа-ладони, «пальцы» терялись в общей перевязанной массе, резаные листья заменялись более удобными — удлинёнными — растительными формами... Не вызрела ли в травяной или соломенной одежде-связке будущая сексуально-отказная кукла? Одежда ведь отторгаема от тела.

Попытаемся реконструировать предполагаемый процесс рождения вязаной отказной куклы из одежды-связки. Вы слышали, уважаемый читатель, скажем так, об особом отношении мужчин к женскому белью вообще и о бельевом фетишизме в частности? Как знать, может быть, эти явления имеют глубочайшие исторические корни.

¹ См.: Акимущин И. Причуды природы. — М., 1981, стр. 14–15.

Чтобы вручаемый женщиной (самкой) мужчине (самцу) предмет стал отказным и переводящим внимание страждущего с объекта вожделения на его суррогат, этот предмет должен нести на себе определённую сексуальную, возбуждающую нагрузку. Такая нагрузка может быть обусловлена формой предмета и его принадлежностью к женскому сообществу (откровенные статуэтки, как мы знаем, древние мужчины воспринимали в качестве живых, настоящих представительниц женского пола), но, по-видимому, может быть обусловлена и его содержанием.

А что такое в данном контексте содержание? Это — привязанная к предмету, а для наших далёких предков — присущая ему, женская, сексуально-притягательная телесность. Наверняка одежду, а она, как мы выяснили, ведёт свою родословную от настоящей руки, предмужчины воспринимали слитно с возбуждающим их телом. Значит, отдав часть своего тела (сняв и вручив предмужчине свою одежду-связку), предженщина переключала его внимание на суррогат, со всеми вытекающими последствиями: собственно отказом, получением предмужчиной желанного удовлетворения, нейтрализацией конфликтности и реализацией в этом акте полового отбора. Тем более, что предмет вожделения, отделяясь от заветного интимного места, для получателя таковым по сути дела и являлся.

Так могла зародиться сексуально-отказная вязаная кукла. На каком-то этапе растительная связка стала производиться не только для ношения в качестве одежды, но и специально для вручения в ходе брачных игр. Постепенно достаточно абстрактный «снопик» приобрёл женские черты: безликую головку, ручки, позже — тряпичную одежду. В таком виде это древнейшее «изобретение» дошло до нашего времени.

Можно предположить, что ничто не мешало в глубочайшей древности и позже сосуществовать в качестве отказных средств монолитной фигурке и вязаной, той, что ведёт свой отсчёт от первых случайных находок на окружающей местности, и той, которая происходит от руки древнейшей предженщины. Кстати, в современной практике отказа кое-где одновременно используются цельные, твёрдые куклы и куклы, вязанные из соломы.

Итак, уважаемый читатель, проникнув вглубь человеческой пре-дыстории, мы добрались до истоков овеществлённого сексуального отказа. Один из них не может вызывать никаких сомнений, другой был обрисован на правах гипотезы.

Таким образом, мы проследили полную эволюцию женского отказа: от его зародышевых, животных форм к верхнепалеолитическим венерам и от этих классических венер к их современным, сходящим с исторической сцены модификациям. Своим взглядом мы охватили

всё кукольное дерево, и теперь, когда наша работа подошла к концу, мы можем попытаться сформулировать, что же нам удалось сделать. Этому, основному итогу предпринятого нами исследования мы предпослём итоги последней главы.

1. На поиски истоков женского отказа и его инструмента — сексуально-отказной куклы мы отправились в глубочайшие недра дочеловеческой истории. Окунуться в такие глубины нас заставила роль, которую сыграла в жизни первобытного общества эротическая сексуально-отказная фигурка. Как мы выяснили ранее, существование молодого человечества было абсолютно невозможно без этого, без всякого преувеличения, спасительного средства.

В этой главе мы показали, что без сексуально-отказной куклы было исключено и зарождение человеческого общества. Отправляясь на поиски истоков овеществлённого предчеловеческого отказа, мы запаслись этим, основанным на исторической логике, аргументом.

2. Нашей опорой в обосновании возможности появления отказной куклы в глубинах дочеловеческой истории стала характеристика животного предшественника человека. Это было поистине выдающееся и уникальное животное, которому удалось аккумулировать в себе все необходимые для социализации качества.

Уровень развития нашего животного предка вполне позволял ему, а обстоятельства бытия требовали от него использовать в качестве регулятора взаимоотношений полов казавшуюся ему живой эротическую фигурку.

3. Наши логические построения нашли практическое подтверждение в виде древнейших, дочеловеческих фигурок, обнаруженных археологами в последние десятилетия. Значение этого аргумента невозможно переоценить.

4. Обосновав необходимость предчеловеческих сексуально-отказных кукол, указав на возможность их изготовления и использования и узаконив их существование фактами, мы показали, как сотни тысяч и, возможно, даже миллионы лет назад начиналось основанное на инстинкте производство древнейших средств сексуального отказа.

Мы увидели два истока древнейшего фигуративного производства. Существование одного из них, порождённого подсказками природы, бесспорно. О другом истоке, связанном с первой одеждой, мы говорили в гипотетическом плане.

Замечу, что рассматривая гипотезу происхождения вязаной отказной куклы, я не раскрыл всех своих карт. Возможно, эта гипотеза станет отправной точкой нового исследования.

5. Рассмотрение этой гипотезы позволило нам понять, из-за чего возникла потребность в одежде, как появилась одежда и почему первой одеждой стал пятипалый лист.

Попутно нам удалось раскрыть тайну фигового листка.

Таковы итоги последней главы. Теперь мы можем подвести и итог всей нашей работы.

Тема венер оказалась исключительно плодотворной. Начав с выяснения назначения древних женских статуэток и распознав в них средство женского сексуального отказа, вскоре мы обнаружили ответвления от отказного ствола. Кукольное дерево, выросшее из «сексуально-отказного семени», всё более и более разрасталось. Кукла в своём развитии и в своих метаморфозах заставила нас выйти за пределы теории женского отказа. В результате теория отказа расширилась до теории куклы.

2011–2012 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Вены: в поисках сути	5
Глава II. Полы в первобытном обществе	15
Глава III. Первобытный брачный обряд	32
Глава IV. Эволюция женского брачного отказа	51
Глава V. Супружеский и любовный отказ	73
Глава VI. Наследие соломенной куклы	89
Глава VII. Кукольное древо	105
Глава VIII. Земледельческая праздничная кукла	121
Глава IX. Происхождение сексуально-отказной куклы	137

Владимир Иванович Искрин
ЗАГАДКА ВЕНЕРЫ КАМЕННОГО ВЕКА

В настоящем издании сохранены
авторская орфография и пунктуация

Оригинал-макет *С.В. Кассина*
Дизайн обложки *С.В. Кассина*

Подписано в печать 19.02.2013. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 9,75. Тираж 500 экз.
Заказ № 3116

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812)622-01-23